
ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 4

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2025 / № 4

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. – д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. – д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. – д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. – д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет им. М. Тореза;

Курабцев В. Л. – д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. – д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. – д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. – д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. – д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. – 2025. – № 4. – 152 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

е-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal:
Federal State University of Education

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2025. – No. 4. – 152 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Желнин А. И. Интеллект в контексте психики и сознания: диалектика первого и третьего лица.....	6
Марков А. В., Штайн О. А. «Хорёк Докинза» и автокоммуникация	18

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Алёхина Е. В., Курабцев В. Л., Деникин А. В., Фридман М. Ф., Иноземцев В. А. О русской экономике. От поздних славянофилов к неославянофилам	27
Ванчугов В. В. Опыты конструирования философии: классическое евразийство.	
Идеократический персонализм	42

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бондарева Я. В., Колесниченко Ю. В., Каргин Н. Н., Ивлев В. Ю., Костадинович Д. On Some Aspects of Scientific Research.....	54
Косиков С. Н., Иваненко М. А. Современная концепция взаимоотношения философии и науки	65
Прядко И. П. Применение логики в строительстве и электротехнике: от Н. М. Герсеванова до В. И. Шестакова.....	77

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Васюков Р. В. Концепция ресентимента в философии Ницше: социально-философские поиски и экстремистские интерпретации	88
Коротков Н. В., Мусин А. И. Квазигуманистические идеи и надзорный капитализм как социальная реальность	98
Рачковская Н. А., Сморчкова В. П., Михалкин Н. В., Беркут В. П. Аксиологические основания подготовки будущих педагогов к воспитанию у подростков культуры семейных отношений.....	108
Татаров В. Ю. Модусы дегуманизации цифрового общества	120
Тризубенко И. С. Роль СМИ в военно-политических конфликтах современности.....	131
Чикаева Т. А. Сущность Родины и возможность её познания: ответ отечественных мыслителей на некоторые замечания немецких исследователей	140

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>A. Zhelnin.</i> Intelligence Within the Context of Mind and Consciousness: Dialectics of the First and the Third Person	6
<i>A. Markov, O. Shtayn.</i> Dawkins' Weasel and Autocommunication	18

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>E. Alyokhina, V. Kurabtsev, A. Denikin, M. Fridman, V. Inozemtsev.</i> On the Russian Economy. From The Late Slavophiles to the Neo-Slavophiles	27
<i>V. Vanchugov.</i> Experiences on Philosophy Design: Classical Eurasianism. Ideocratical Personalism	42

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Ya. Bondareva, Yu. Kolesnichenko, N. Kargin, V. Ivlev, D. Kostadinovic.</i> On Some Aspects of Scientific Research	54
<i>M. Koskov, M. Ivanenko.</i> The Modern Concept of the Relationship Between Philosophy and Science	65
<i>I. Pryadko.</i> Application of Logic in Construction and Electrical Engineering: From Nikolai Gersevanov to Viktor Shestakov	77

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

<i>R. Vasyukov.</i> Ressentiment In Nietzsche's Philosophy: Socio-Philosophical Inquiries and Extremist Interpretations	88
<i>N. Korotkov, A. Musin.</i> Quasi-Humanistic Ideas and Surveillance Capitalism as Social Reality	98
<i>N. Rachkovskaya, V. Smorchkova, N. Mikhalkin, V. Berkut.</i> Axiological Basis for Future Teachers Teaching Culture of Family Relations to Adolescents	108
<i>V. Tatarov.</i> Modes Dehumanizing Digital Society	120
<i>I. Trigubenko.</i> The Role of Mass Media in Modern Military and Political Conflicts	131
<i>T. Chikaeva.</i> The Motherland Essence and Possible Ways to Study It: Domestic Thinkers' Response to Some Comments from German Researchers	140

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-6-17

ИНТЕЛЛЕКТ В КОНТЕКСТЕ ПСИХИКИ И СОЗНАНИЯ: ДИАЛЕКТИКА ПЕРВОГО И ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

Желнин А. И.

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь,
Российская Федерация

e-mail: zhelnin@psu.ru

Поступила в редакцию 12.05.2025

После доработки 30.05.2025

Принята к публикации 16.06.2025

Аннотация

Цель. Прицельный анализ сущности интеллекта в контексте его соотношения с такими центральными ментальными феноменами, как психика и сознание.

Процедура и методы. Ключевым методами стали системный и диалектический. Они позволяют отразить комплексный характер ментальной реальности человека. Диалектика вскрывает противоречивость и динамичность взаимопроникновения объективного и субъективного в интеллекте, подчёркивает его несовпадение с сознанием при их тесном сосуществовании.

Результаты. Интеллект не может быть сведён к нейтральному феномену третьего лица. Он оказывается интегральным образованием живой психики, объединяющей мышление и прочие процессы в направленности на постановку целей, преодоление проблем, принятие решений, освоение нового.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии сложной интеракции между интеллектом и сознанием в поле психического. Исследование утверждает субстанциальную первичность в интеллекте первого лица, его фундированность активностью Я.

Ключевые слова: интеллект, квалиа, первое лицо, психика, сознание, субъективность, третье лицо

Для цитирования:

Желнин А. И. Интеллект в контексте психики и сознания: диалектика первого и третьего лица // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-6-17>.

Original research article

INTELLIGENCE WITHIN THE CONTEXT OF MIND AND CONSCIOUSNESS: DIALECTICS OF THE FIRST AND THE THIRD PERSON

A. Zhelnin

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

e-mail: zhelnin@psu.ru

Received by the editorial office 12.05.2025

Revised by the author 30.05.2025

Accepted for publication 16.06.2025

Abstract

Aim. A targeted analysis of the essence of intelligence in the context of its relation to such central mental phenomena as mind and consciousness.

Methodology. The key methods were the dialectical ones that helped to reflect the complex nature of human mental reality. Dialectics reveals the inconsistency and dynamism of the interpenetration of objective and subjective sides in the intelligence, emphasizes its discrepancy with consciousness in their close coexistence.

Results. Intelligence cannot be reduced to a neutral third-person phenomenon. It turns out to be an integral formation of a living psyche that unites thinking and other processes aimed at setting goals, overcoming problems, making decisions, and learning new.

Research implications. The research reveals complex interaction between intelligence and consciousness in the field of psychology. It asserts a substantial primacy of the first person in intelligence, its foundation in the activity of the self.

Keywords: consciousness, first person, intelligence, mind, subjectivity, third person, qualia

For citation:

Zhelnin, A. I. (2025). Intelligence Within the Context of Mind and Consciousness: Dialectics of the First and the Third Person. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-6-17>.

Введение

Понятие «интеллект» изначально возникло как латинский субститут понятия «разум». Длительная рационалистическая традиция, истоки которой могут быть усмотрены уже у Аристотеля и средневековых схоластов, придерживается его понимания как прежде всего способности к абстрактному мышлению в понятиях, рассуждению и выводу. Он понимался как само основание человеческого субъекта, также рационалистически истолкованного. Метафизическая инвариантность интеллекта диктуется в рационализме его статусом атрибута человеческой природы.

Для философии Нового времени проблематика, связанная с интеллектом, стала поистине центральной. В итоге процедуры радикального сомнения Р. Декарт приходит к констатации самоочевидной данности собственного разума, который ввиду своей приватности выкристаллизовывается в фигуре мыслящего Я: «Итак, я допускаю лишь то, что по необходимости истинно. А именно, я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я – ум (mens), дух (animus), интеллект, разум (ratio); всё это – термины, значение которых прежде мне было неведомо» [1, с. 23]. Интеллект оказывается од-

ним из круга тех понятий, которые очерчивают различные аспекты Ego cogito.

Вместе с тем для Декарта под эгидой понятия cogito объединяются достаточно разнородные ментальные процессы (не только мышление, но и чувства, память, воображение): «А что это такое – вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами» [1, с. 24]. Между тем субстанциальная первичность интеллекта в душевной жизни для него очевидна. Она связана с экстраполяцией мышления на все осознанные феномены душевной жизни, по сути, его отождествлением с сознанием. Представление Декарта о незамутнённой самоданности интеллекта привело, по оценке Д. Чалмерса, к тому, что он отождествил понятия ментального и феноменального переживаемого, ошибочно отрицая наличие каких бы то ни было бессознательных пластов в психике: «Его знаменитое учение о самопрозрачности ума приблизило его к отождествлению ментального и феноменального. Декарт считал, что всякое ментальное событие является cogitatio, то есть является собой содержание некоего опыта... И даже если Декарт

на деле не отождествлял психологическое с феноменальным, он по крайней мере допускал, что всё психологическое, достойное именоваться ментальным, имеет сознательный аспект. Для Декарта понятие бессознательного ментального состояния – это противоречие» [2, с. 30]. Такая позиция вызвана рационалистическим оптимизмом, чрезмерной верой в мощь разума как «естественному свету» в осознании не только внешнего мира, но и самого себя.

Первые эксплицитные теории интеллекта начали возникать на рубеже XIX–XX вв., что было связано со становлением психологии как обособленной научной дисциплины. Если континентальные теории интеллекта (прежде всего операционистская теория Ж. Пиаже) продолжали инспирироваться мировоззренческой проблематикой и философскими ориентирами, то американские теории стали подчёркнуто позитивистскими. Такие психологи, как Р. Кэттел, Ч. Спирман, Л. Терстоун, Д. П. Гилфорд, Г. Ю. Айзенк, пытались эмпирически зафиксировать факторы, входящие в интеллект или влияющие на него, описав их в количественных терминах, разработав методы их измерения и квазититивного моделирования. Такой подход справедливо определяется как *психометрический*. Его коренным недостатком стало то, что исследования интеллекта оказались замкнуты на феноменологическом уровне эмпирических и статистических данных, остались дескриптивными конструктами с неоднозначными онтологическими коррелятами либо вообще без них. Психологи стали изучать не интеллект как особую реальность, а результаты тестирования и шкалирования, предвосхищая, что только в них интеллект может быть зафиксирован и изучен. Ввиду этого возник ещё более глубокий концептуальный разрыв между взглядами на интеллект со стороны позитивистской психологии и со стороны философии. К. Малабу артикулирует его следующим образом: «Хотя психологи утверждали, что понятие интеллекта связано с набором эмпирических данных, философы утверждали, что они до сих пор не смогли сказать, что

это было, или объяснить, что значит “быть интеллектуальным”. Это было как будто интеллект существовал без необходимости быть. В этом и заключалась двойственность. Ни один тест не будет когда-либо равен онтологическому доказательству» [3, р. 2]. Констатируем, что психометризм воплощает антиэссенциалистский взгляд на интеллект, т. е. его понимание как функции от прохождения соответствующих испытаний или удобного описательного конструкта при фактическом безразличии к его онтологическому статусу.

Вместе с тем без адекватного сущностного анализа объекта или явления невозможно успешное построение его конкретно-научных моделей. Парадоксально, что даже те, кто постулирует дескриптивный взгляд на интеллект, исподволь пытаются фиксировать его эссенциальные черты: «Мы должны осознавать, что интеллект – это описательный термин: он описывает определённые свойства людей или группы лиц. Описательные термины во многом произвольны, и поэтому маловероятно, что описательные определения сложных идей могут удовлетворить всех. Тем не менее, все определения интеллекта имеют общий знаменатель, связанный с новизной и адаптивностью» [4, р. 5]. Это неудивительно, т. к. за любым явлением (феноменом) стоит нечто действительное, некоторая реальность, сущность которой не скрыта, а просвечивается через сам феномен. Именно философия во многом может восполнить дефицит в эссенциальном видении интеллекта.

Абрис сущности интеллекта

Однако здесь мы встречаемся со своеобразным порочным кругом: для понимания места интеллекта в человеке и его жизнедеятельности необходимо дать его определение, а последнее требует его сопотнесения с иными близкими концептами (прежде всего мышлением, психикой, сознанием). Однако это соотношение, в свою очередь, возможно при уже имеющемся его понимании. Поэтому предварительно дадим абристный набросок интеллекта, ко-

торый далее будет уточнён и конкретизирован при его сопоставлении с онтологически смежными явлениями. Заметим, что даже сейчас многие исследователи продолжают исходить из эксклюзивной привязки интеллекта к мышлению. Данный подход может быть маркирован как *когнитивизм*. Очевидно, что он подпитывается старым рационализмом. Однако в противовес ему имеет место и более широкий взгляд на интеллект, не отрицающий значения мышления, но не сводящий его только к последнему. Он был первоначально артикулирован Ж. Пиаже. Для него интеллект, вбирающий в себя помимо мышления также память, внимание, восприятие, навыки, оказывается поистине интегральным образованием. Вместе с тем он не растворяет их в себе, они сохраняют свою качественную гетерогенность, а он оказывается их *равнодействующей*: «Интеллект невозможен оторвать от других когнитивных процессов. Он, строго говоря, не является одной из структур, стоящих наряду с другими структурами. Интеллект – это определённая форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсорно-моторных механизмов ... Интеллект – это не более чем родовое имя, обозначающее высшие формы организации или равновесия когнитивных структурирований» [5, с. 10]. Признавая ведущую роль *cogito* в интеллекте, Пиаже по-антикардезински утверждает неразделимость когнитивной и аффективной жизни. Это подтверждается современными исследованиями: так, активно исследуется феномен эмоционального интеллекта, который оказывается не тождественен эмоциям самим по себе, их простому переживанию, а связан с их рефлексией и пониманием, умением управлять ими у себя и других: «Эмоциональный интеллект – это способность распознавать эмоции в других, использовать эмоций для поддержки мышления и действий, понимание эмоций и регулирование эмоций» [4, р. 11]. По-своему концептуальное расширение интеллекта наблюдается и в американской традиции, что связано

со становлением теории множественного интеллекта Г. Гарднера. Он связывает когнитивизм с тем, что активно изучались только логический и вербальный типы интеллекта, остальные же оставались в забвении: «Большая часть литературы по вопросам интеллекта изучает комбинацию лингвистического и логического интеллектов... Но досконально изучить человека можно, лишь изучив также пространственный, телесно-кинетический, музыкальный, внутри- и межличностный интеллекты» [6, р. XII]. В контексте факта наличия различных его модусов мышление оказывается только *primus inter pares* («первым среди равных»). Оно само не существует обособленно, оказывается сплетённым с прочими процессами, задействованными в интеллектуальной деятельности.

В итоге интеллект предстает комплексным гетерогенным образованием. Он скреплён прежде всего общей направленностью, связанной с пониманием и преодолением проблемных ситуаций, процессами выбора и принятия решений, освоением и эффективным применением новых знаний и навыков: «Интеллектуальная способность человека должна предполагать наличие определённых умений по решению проблем, благодаря которым человек может устраниТЬ проблемы или трудности, с которыми он столкнулся, и, когда это возможно, выработать эффективный продукт. Кроме того, такой набор навыков должен обладать потенциалом формулировать проблемы, тем самым закладывая основы для приобретения новых знаний» [6, р. 64–65]. Пиаже в каком-то смысле справедливо видел его интенцию на адаптацию как поддержание гибкого равновесия между субъектом и объектом (многоплановой средой), вместе с тем чрезмерно придавая адаптации биологический смысл. Однако в случае человека интеллект связан прежде всего с социальным измерением его жизнедеятельности, воплощающимся в созидательной деятельности, общении и взаимодействии с другими людьми, познанием и освоением реальности.

Интеллект и психика

Обрисовав контур интеллекта, мы можем перейти к проблеме его взаимоотношения с родственными феноменами. Для этого нужно в определённом смысле вернуться к артикулированному Декартом вопросу о месте интеллекта в живом человеческом Я, вместе с тем критически подойдя к рационалистической установке. Констатируем, что, говоря об интеллекте, мы прежде всего имеем в виду особый *ментальный феномен*. Поэтому для его более глубокого отражения нужно соотнести его с иными ментальными концептами, прежде всего с *психикой и сознанием*. Психика де-факто есть наиболее обширный термин, описывающий субъективную реальность. Широту психики доказывает признанное существование её животных форм (биопсихика). Что касается человеческой психики, то она внутренне разнообразна и гетерогенна. В частности, в ней имеются широкие пласти неосознаваемых явлений, состояний и процессов: «Категория психического, помимо явлений сознания, охватывает многие другие объекты психологического исследования, в том числе и бессознательно-психические явления. Последние описываются обычно весьма нечётко. К ним относятся крайне разнообразные явления – как содержательно-определенные состояния и структуры интеллектуальной деятельности, так и психические регуляторные механизмы, явно не осознаваемые» [7, с. 58]. Таким образом, психика по отношению к интеллекту – гораздо большее по объёму и достаточно нечёткое по содержанию родовое понятие, которое можно усреднённо определить как способность живых существ с высокоорганизованной нервной системой (в том числе человека) активно отражать реальность, а также взаимодействовать с ней.

Психика как активная формация не internalизирована внутри, она по необходимости обнаруживается вовне, воплощается в поведении и его регуляции. Пиаже отмечал на этот счёт, что «воздействие вещей на психику всегда завершается не

пассивным подчинением, а представляет собой ... модификацию действия, направленного на эти вещи» [5, с. 12]. Психика, будучи субъективной, находит объективное воплощение. Д. Деннет, находясь под сильным влиянием дарвинизма и бихевиоризма, связывает становление разных «видов психики» с усложнением поведенческого взаимодействия организмов со средой, постепенным становлением ядерного для неё феномена интенциональности [8]. В свою очередь, Д. Чалмерс в принципе резервирует психическое для обозначения внешних манифестаций душевного изменения в противовес самому феноменально переживаемому, квалитативному опыту: «В первом приближении можно сказать, что феноменальные понятия имеют дело с теми аспектами ментального, которые связаны с перспективой от первого лица, тогда как психологические понятия соотнесены с аспектами, связанными с перспективой от третьего лица ... Если нас интересует роль ментального в производстве поведения, мы сфокусируемся на психологических свойствах» [2, с. 34].

Тенденция видеть в психике феномен третьего лица связана и с тем, что она своими корнями уходит вглубь физиологического измерения нервной активности, т. к. по большей части между ними не может быть проведена чёткая онтологическая демаркация. В соответствии с современными представлениями, преодолевшими господствующую долгое время рефлексорную теорию, психика имеет системную информационную природу и комплексную архитектонику, обладая внутренней активностью. Психика человека качественно отличается от психики животных тем, что в ней первостепенную значимость приобретает элемент, связанный с общественной жизнью. Он становится ведущим и способен значительно корректировать или ограничивать биологическую мотивацию. Именно социальная компонента интегрирует человеческую психику в единое целое и придаёт ей направленный характер. Социальное измерение психики человека подчёркивается в таких те-

ориях, как культурно-историческая психология (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия), деятельностный подход в психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев), теория функциональных систем (П. К. Анохин, К. В. Судаков), теория человеческого субъекта А. В. Брушлинского и т. д. Последний, критикуя жёсткое дизьюнктивное противопоставление коллективного и индивидуального, отмечает внутреннюю социальность психики человека и её сплётённость с практической деятельностью: «Мыслительная, вообще познавательная деятельность неразрывно связана с изначально практической. В принципе – это единая деятельность... В самом широком смысле социальность – это всегда неразрывные взаимосвязи (производственные, чисто духовные) между людьми во всех видах активности... любой человеческий индивид и его психика изначально и всегда социальны» [9, с. 27, 31]. Социальность человеческой психики по-своему демонстрирует, что она не замкнута в ментальном измерении как в некоем «коконе»; она манифестируется в многомерной деятельности человека, его опосредованной языком и культурой и такой же многомерной интеракции с другими людьми и сообществами.

В свете изложенного интеллект во многом предстаёт как вершина развития психического аппарата. Однако эволюционно между ним и более простыми формами психического, а также даже физиологическими гомеостатическими контурами есть опосредованное генеалогическое родство. А. Дамасио указывает на то, что у человека остаются инстинктивные и автоматические регуляторные механизмы, но появляется сложный когнитивный аппарат, который многократно увеличивает социокультурный потенциал человека, в том числе в плане контроля и корректирования их паттернов: «Человек всё ещё активно пользуется автоматическим контролем и получает от него значительную пользу ... Однако у человека и у множества других видов, обладающих сложной нервной системой, есть дополнительный механизм,

в котором задействованы ментальные состояния ... Тот автоматический гомеостаз, который мы находим у бактерий, простых животных и растений, предшествует развитию разума ... Подобные новшества дали разуму способность сознательного вмешательства в предзаданные гомеостатические механизмы, а затем даже позволили творческим и интеллектуальным инновациям распространить гомеостаз в социокультурную сферу» [10, с. 64–65]. Вместе с тем интеллект глубоко качественно отличен от инстинкта – он завершает тенденцию психики к высвобождению из-под диктата конкретных условий внешнего окружения: «Именно интеллект с его логическими операциями, обеспечивающими устойчивое и вместе с тем подвижное равновесие между универсумом и мышлением, продолжает и завершает совокупность адаптивных процессов ... лишь один интеллект, способный на все отклонения и все возвраты в действии и мышлении, лишь он один тяготеет к тотальному равновесию, стремясь к тому, чтобы ассимилировать всю совокупность действительности и чтобы аккомодировать к ней действие, которое он освобождает от рабского подчинения изначальным “здесь” и “теперь”» [5, с. 12–13]. Повторимся, не следует упускать из виду, что рост потенциала гибкости и пластичности психики человека протекает сообразно усложнению среды и самой его сущности, в которых последовательно начинает преобладать социальная доминанта.

Интеллект и сознание

Вместе с тем предложенная картина пока не полна: специфика интеллекта связана с тем, что его активность в подавляющем большинстве случаев сопровождается сознательным опытом. Генеалогически сознание и разум были очень тесно связаны, если не отождествлялись. Сознание, в свою очередь, также понимается как вершина развития психического, многократно расширяющая его познавательные и регуляторные возможности: «Почему наши тела, уже обладая собственной пси-

хикой, решили приобрести вдобавок к ней наше сознание? Разве одной психики для тела недостаточно? Не всегда... старая “телесная” психика на протяжении миллиардов лет выполняла тяжёлую работу по жизнеобеспечению тела, но она действует относительно медленно и обладает довольно грубой способностью различения. Её интенциональность имеет малый радиус действия. Она легко попадается на обман. Для более сложных контактов с миром требуется более быстрая и дальновидная психика» [8, с. 86–87]. Вместе с тем подчёркивается сложность вписывания сознания в природный порядок ввиду его нередуцируемости к каким бы то ни было физическим или биологическим конструктам [11].

Сознание оказывается уникальным способом данности опыта, связанного с отчётыливым восприятием себя как обособленной самости и переживанием «от первого лица»: «Мы верим в сознание исключительно на основании нашего собственного опыта сознания. Даже если бы физическая сторона универсума была известна нам во всех деталях, ... эта информация не привела бы нас к допущению существования сознательного опыта. Моё знание о сознании первым делом идёт от меня самого, а не от какого-то внешнего наблюдения. Проблема навязана мне моим опытом сознания от первого лица» [2 с. 135]. В отношении сознания может быть констатирована его принципиальная необъективируемость. Даже когда мы пытаемся представлять или рассуждать о сознательном опыте других, мы не переходим к установке третьего лица: «Когда мы изучаем его или её, то мы изучаем меня, который есть он или она» [12, с. 40]. Таким образом, сознание никогда не может быть сведено к внешним поведенческим диспозициям. Тем более, оно не может быть воспроизведено вне и без человека. А. В. Смирнов связывает это с принципиально неалгоритмической природой смысловой реальности сознания: «Сознание и есть способность осмысливать, а способность осмысливать – и есть сознание ... смысл имеет неалгоритмическую природу ... если гово-

рить, что сознание – это “машина смысла” (или “мыслящая машина” и т. п.), что вся деятельность сознания – это вычисление, то это будет плохой метафорой, поскольку вычисления совершаются по алгоритмам, а смысл и осмысленность не таковы» [13, с. 7–8].

Отрыв интеллекта от сознания и его редукция к феномену третьего лица

Несмотря на то, что активность интеллекта протекает через включение сознания, эти явления в настоящее время имеют тенденцию к различию, а иногда и противопоставлению. Ф. И. Гиренок констатирует, что, несмотря на то что «интеллект человека упакован в сознание», «в человеческой реальности всегда можно найти алгоритмическую часть и неалгоритмическую. Первая является интеллектуальной, сопряжённой со знанием. Вторая – сознательной» [14, с. 23, 26–27]. Их контрапорность обусловлена всё большей ассоциацией интеллекта с «третьим лицом», т. е. безличностным и вполне объективируемым «механизмом». На наш взгляд, это тренд во многом инспирирован рационалистической, и в частности логоцентристической традицией. Именно сращение интеллекта с логикой привело к его оценке как нейтрального по отношению к сознанию феномена и одновременно заложило концептуальный фундамент его логико-вычислительного воплощения [15]. Логика генеалогически строилась как система принудительных правил и форм, которые никак не зависят от субъективности. Концептуально это нашло своё высшее выражение в движении антипсихологии в логике. Г. Фреге писал, что «задача логики состоит в постоянной борьбе с психологическим обрамлением мысли» [16, с. 291]. В современную же эпоху нейтральность интеллекта достигла своего крещендо в концепте искусственного интеллекта (ИИ). Само название феномена раскрывает амбициозный план по машинной реализации интеллектуальных процессов: «Исследования в области искусственного

интеллекта (или ИИ) в значительной своей части были нацелены на воспроизведение ментального в вычислительных машинах» [2, с. 389]. Однако данная идея не могла бы возникнуть без установки, что интеллект может быть отделён от сознания и технологически объективирован. В свою очередь, современные направления ИИ до сих пор плотно задействуют логический аппарат, объективирующийся в программах и алгоритмах.

Вместе с тем разрыв между сознанием и интеллектом неадекватен даже в случае некорректного отождествления интеллекта с мышлением. Д. И. Дубровский справедливо указывает на то, что логическая форма, несмотря на то что она фиксирует объективную закономерность последнего, в итоге бытийствует внутри сознания: «Всякая логическая форма есть форма мышления, форма познавательной деятельности и её продукт. Из-за того, что отображённое и зафиксированное в ней свойство (отношение, закономерность) существует объективно реально, вовсе не вытекает, что и сама логическая форма существует вне и независимо от сознания» [7, с. 63]. Объективность означает, что логические формы и процессы, развёртываясь в мыслящем сознании, не должны зависеть от его субъективных состояний. Однако модальное понятие «должен» говорит о том, что это только желательно. В реальности мышление человека не строго нормативно: оно вполне может нарушать логические законы и правила, быть подвержено многочисленным ошибкам и искажениям, полагаясь на многочисленные эвристики, которые чаще всего не имеют рационального основания и по большей части интуитивны. Нормативное логическое рассуждение проигрывает гибкости и нелинейности реальной интеллектуальной деятельности, пусть они приводят в том числе к неточности и подчас ошибочности: «Правда человеческой жизни состоит в том, что для выживания и коммуникации погоня за точностью, как и скрупулёзное следование законам логики, не является абсолютным приоритетом» [17, с. 94]. Есть все основа-

ния полагать, что неточность и нечёткость являются позитивными свойствами психики человека, выражением её природной и социокультурной адаптивной гибкости.

Логика действительно обнаружила свой потенциал к вынесению за пределы мыслящего субъекта, а именно в рамках функционирования особых вычислительных машин и их систем. Д. И. Дубровский обозначает такой модус бытия логики как отчуждённый: логическая форма «может существовать в отчуждённом от человеческой психики виде, т. е. в виде системы графических знаков, в программе ЭВМ, в конструкции технического устройства ..., в осуществляемых ЭВМ логических процессах нет идеального, хотя они строго воспроизводят некоторые логические операции человеческого мышления» [7, с. 64, 67]. Однако логика – это не само мышление. Она есть абстрактная схема, которая, как и всякая прочая, обладает элементами упрощения и искусственностии и поэтому глубоко не тождественна оригиналу. Ж. Пиаже подчёркивает, что не мышление человека являются «зеркалом» некой изначальной логики как своего прототипа, а, напротив, сама логика «является не чем иным, как идеальной “моделью” мышления» [5, с. 35]. Поэтому, несмотря на успешную объективацию логических операций в современных вычислительных устройствах, нельзя полагать, что вместе с ними «выносится» и само мышление. Интеллект, в свою очередь, не сводим к одному мышлению и поэтому имеет ещё более опосредованное отношение к логическому измерению. Повторимся, он не может быть оторван от других ментальных процессов (восприятие, память, внимание, эмоции), которые имеют подчас гораздо большую квадратичную нагрузженность, чем когнитивная активность.

Реабилитация интеллекта как феномена первого лица

Таким образом, сознание и интеллект не тождественны друг другу, но они взаимосвязаны и вместе сосуществуют в кон-

тинууме субъективной реальности. В итоге сознание в случае человека – это более интегральная ментальная категория, чем интеллект. Она обозначает все феномены и состояния, которые так или иначе феномально переживаются субъектом и о которых он способен дать отчёт (как минимум самоотчётом). Интеллект тоже по-своему интегрален, но он специфически обобщает ментальные явления и процессы, которые так или иначе заточены под освоение нового, постановку и преодоление проблем, принятие решений, формулирование плана действий. Обобщая, он плотно связан со способностью целеполагания. Цель же как идеальный образ желаемого будущего всегда так или иначе осознаётся. Мышление как главный драйвер реализации интеллектом указанных функций также чаще всего сознательно и интенциально. Конечно, имеют место бессознательные психические процессы, в том числе существует и особое когнитивное бессознательное, которое понимается как «ментальные структуры, процессы и состояния, которые могут влиять на опыт, мысль и действия за пределами феномального внимания и волевого контроля», и которое, несмотря на свою имплицитность, «может вносить значимый вклад в интеллектуальное поведение» [18, р. 443]. Однако в конечном счёте оно занимает периферийное место в поле действия интеллекта, диалектически дополняя и обогащая центральный сознательный компонент.

Интеллект тем самым выступает частью, стороной человеческого сознания, одним из наиболее сложных и комплексных его проявлений, и может получить свою полную дефиницию только в данном ракурсе: «Так или иначе, но все другие ментальные понятия – вроде интенциональности, субъективности, ментальной каузальности, интеллекта и т. д. – могут быть в полной мере поняты как ментальные лишь по отношению к сознанию» [12, с. 94]. В условиях мощного прогресса систем ИИ необходим новый фокус взгляда на интеллект как на элемент живого сознания. Л. Нагль указывает на то, что именно последнее

оказывается основным препятствием для его технологической объективации: «Алгоритмы не изобретают сами себя, сами себя не запускают и не ставят перед собой цели, являющиеся результатом рефлексии. Проще говоря, имитируемый алгоритмами “интеллект” направлен на другого, “тетерономен”. Он не является продуктом “я”, имеющего независимую волю. Так называемая “автономия” ИИ – не что иное, как автоматизм выполнения задач на основе полученных данных» [19, с. 70]. Вслед за логикой ИИ остаётся приблизительной, а в чём-то грубой и нерелевантной моделью незначительного фрагмента реального человеческого когито.

Признание континуальной и вместе с тем диалектической взаимосвязи сознания и интеллекта способствует реабилитации последнего в качестве антропологического феномена, эссенциально фундированного опытом целостного «Я». Интеллект в целом выступает как удачный кандидат для синтеза установок первого (феноменологическая программа и методы субъективной данности и описания) и третьего лица (натуралистическая программа и объективные, например нейрофизиологические, методы изучения) в его исследовании, но при признании первого в качестве ведущего ввиду фактической погруженности интеллекта в сознание: «Следует объединить критерии научной объективности (перспективы от третьего лица) и способы описания феноменально проживающего опыта со стороны приватной субъективности (перспективы от первого лица). Вся наука о сознании в принципе должна опираться на данные от первого лица, т. к. сама природа сознания состоит в том, чтобы быть приватной... Как следствие, и нейрофизиологии, и феноменологии необходимо совместить усилия по сохранению перспективы от первого лица» [20, с. 84].

Укажем на один из многообещающих ориентиров в деле ре-антропологизации интеллекта, а именно на сцепленность интеллекта с чувственно-эмоциональным подполем сознания, которое часто приводится в качестве максимума в шкале субъектив-

ности и квазитативности. В этом контексте вновь актуален Пиаже, писавший, что «аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми, оставаясь в то же самое время различными» [5, с. 9]. К важности эмоций приходят и более современные теории сознания, подчёркивающие генеалогическую связь этих двух сторон психики. Так, А. Дамасио видит их общий знаменатель в социальности, которая одновременно фундируется и рационально, и эмоционально: «Мощная социальность, ставшая основой интеллекта Homo Sapiens и сыгравшая такую важную роль в появлении культуры, зародилась, по-видимому, из механизмов влечений, мотиваций и эмоций, развившихся из более простых нервных процессов более примитивных существ» [10, с. 136]. В его теории самости эмоции воплощают её нижний ярус (протосамость), наиболее приближенный к непосредственному переживанию своей погруженности в реальность. Ввиду этого эмоции оказываются ценным источником, сигнализирующим интеллекту о личностной значимости как объектов, так и мыслей, позволяя ему ориентироваться и концентрироваться в условиях эмпирического многообразия: «Чувства могут быть в нашем разуме более или менее заметными. Разум, занятый разнообразными видами анализа, воображения, нарратива и решений, уделяет больше или меньше внимания данному объекту в зависимости от того, насколько он важен в данный момент» [10, с. 131]. В конечном счёте эмоции являются важным (но не единственным) медиумом между интеллектом и сознанием, а также подчёркивают их общую погруженность в телесное измерение и постоянное интерактивное сообщение с многоплановым средовым окружением.

Заключение

Современные расширительные трактовки интеллекта, в общем и целом, мо-

гут найти компромисс с традиционным взглядом на то, что ведущим в интеллекте является мыслительный компонент. Само мышление начинает пониматься шире, оно уже не привязано исключительно к построению корректных рассуждений и умозаключений, так что о логоцентризме говорить не приходится. Логика, конечно, сохраняет важное значение в понимании процессов организации человеческого рассуждения, оставаясь важным арбитром истинности. Однако она де-факто есть формальная модель и поэтому безразлична к реальному мышлению. Интеллект – это подвижная структура, которая по самой своей природе не может быть полностью подчинена своду неких нормативных правил. Интеллект не ограничивается мышлением, однако последнее остаётся его «гравитационным центром»; в то же время оно само понимается как живой, гибкий и нелинейный процесс, не происходящий «в вакууме», но находящийся в многомерной системе реципрокных связей с иными психическими явлениями и процессами.

Сознание, в свою очередь, есть более интегральное образование, фиксирующее субъективный способ данности. Интеллектуальная активность человека протекает в большинстве своём в сознательном регистре, так что интеллект и сознание сосуществуют в диалектическом сопряжении: ни одно из них не унифицирует другое, но каждое из них предполагает другое. В итоге традиционная дихотомия первого лица сознания и третьего лица не релевантна для отражения их сложной диалектики. Интеллект может иметь некоторую объективную презентацию, но она всегда будет оставаться инсубстанциальной моделью реальной интеллекуальной деятельности, которая по своей сути глубоко личностна. Поэтому подлинный живой интеллект в итоге также оказывается феноменом именно первого лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
2. Чалмерс Д. Созидающий ум: в поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2019. 512 с.

3. Malabou C. *Morphing Intelligence: From IQ Measurement to Artificial Brains*. New York: Columbia University Press, 2019. 198 p.
4. Pfeifer R., Scheier C. *Understanding Intelligence*. Cambridge: MIT Press, 2001. 700 p.
5. Пиаже Ж. *Психология интеллекта*. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
6. Gardner H. *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. New York: Basic Books, 2011. 464 p.
7. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
8. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
9. Брушлинский А. В. *Психология субъекта*. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
10. Дамасио А. Странный порядок вещей. Жизнь, чувства и рождение культур. М.: ACT CORPUS, 2024. 320 с.
11. Гаспaryan D. Э. The First-Person Perspective Description Error in Naturalism // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 3. С. 403–415. DOI: 10.21638/spbu17.2021.303.
12. Сэйль Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
13. Смирнов А. В. Смысл и вариативность разума // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 2. С. 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-5-17.
14. Гиренок Ф. И. Почему сознание – это не интеллект? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2023. Т. 47. № 2. С. 19–32. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-2-19-32.
15. Желнин А. И. Объективное воплощение логики: от вычислительных машин к жизни и интеллекту? // Философская мысль. 2024. № 2. С. 34–48. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.2.69896.
16. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 512 с.
17. Михайлов И. Ф. Человек, сознание, сети. М.: Институт философии РАН, 2015. 200 с.
18. Kaufman S. B. Intelligence and the Cognitive Unconscious // *The Cambridge Handbook of Intelligence* / ed. R. S. Sternberg, S. B. Kaufman. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Р. 442–467.
19. Нагль Л. Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 1. С. 60–88. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-1-3.
20. Гаспaryan D. Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 1. С. 80–96. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96.

REFERENCES

1. Descartes, R. (1994). *Works. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
2. Chalmers, D. (2019). *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
3. Malabou, C. (2019). *Morphing Intelligence: From IQ Measurement to Artificial Brains*. New York: Columbia University Press.
4. Pfeifer, R. & Scheier, C. (2001). *Understanding Intelligence*. Cambridge: MIT Press.
5. Piaget, J. (2004). *Psychology of Intelligence*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).
6. Gardner, H. (2011). *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. New York: Basic Books publ.
7. Dubrovsky, D. I. (2002). *The Problem of the Ideal. Subjective Reality*. Moscow: Kanon+ publ. (in Russ.).
8. Dennett, D. (2004). *Kinds of Minds Toward an Understanding of Consciousness*. Moscow: Idea-Press publ. (in Russ.).
9. Brushlinsky, A. V. (2003). *Subject Psychology*. St. Petersburg: Aletheia publ. (in Russ.).
10. Damasio, A. (2024). *The Strange Order of Things: Life, Feeling, and the Making of Cultures*. Moscow: AST CORPUS publ. (in Russ.).
11. Gasparyan, D. E. (2021). The First-Person Perspective Description Error in Naturalism. In: *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 37 (3), 403–415. DOI: 10.21638/spbu17.2021.303.
12. Searle, J. (2002). *Rediscovering Consciousness*. Moscow: Idea-Press publ.
13. Smirnov, A. V. (2023). Meaning and Variability of Reason. In: *Philosophical Journal*, 16 (2), 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-5-17.
14. Girenok, F. I. (2023). Why Isn't Consciousness Intelligence? In: *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 47 (2), 19–32. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-2-19-32 (in Russ.).
15. Zhelnin, A. I. (2024). Objective Embodiment of Logic: From Computing Machines to Life and

- Intelligence? In: *Philosophical Thought*, 2, 34–48. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.2.69896 (in Russ.).
16. Frege, G. (2020). *Logic and Logical Semantics*. Moscow: LIBROKOM publ. (in Russ.).
17. Mikhailov, I. F. (2015). *Man, Consciousness, Networks*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences publ. (in Russ.).
18. Kaufman, S. B. (2011). Intelligence and the Cognitive Unconscious. In: *The Cambridge Handbook of Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press publ., pp. 442–467.
19. Nagl, L. (2022). Digital Technologies: Reflections on the Difference between Instrumental Rationality and Practical Reason. In: *Kantian Journal*, 41 (1), 60–88. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-1-3 (in Russ.).
20. Gasparyan, D. E. (2020). Phenomenology without a Transcendental Subject: Neurophenomenology and Enactivism in Search of a First-Person Perspective. In: *Philosophical Journal*, 13 (1), 80–96. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желнин Антон Игоревич (г. Пермь) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: zhelnin@psu.ru; ORCID: 0000-0002-6368-1363

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton I. Zhelnin (Perm) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Professor, Department of Philosophy, Perm State National Research University;
e-mail: zhelnin@psu.ru; ORCID: 0000-0002-6368-1363

Научная статья

УДК 001.8

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-18-26

«ХОРЁК ДОКИНЗА» И АВТОКОММУНИКАЦИЯ

Марков А. В.¹, Штайн О. А.²

¹Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: markovius@gmail.com

Поступила в редакцию 30.03.2025

После доработки 18.04.2025

Принята к публикации 05.05.2025

Аннотация

Цель. Показать ограничения биологического редукционизма со стороны автокоммуникации, осуществляющей как на индивидуальном, так и на всеобщем уровнях.

Процедура и методы. Анализируются вероятностные модели биологического редукционизма в сопоставлении с моделями контингентности, применяются историко-философские данные, методы интерпретации дискурса и коммуникации, реконструкция и моделирование условий автокоммуникации. Процедурой становится поэтапная критическая проверка применимости редукционизма к факту автокоммуникации.

Результаты. Сделан вывод о природе автокоммуникации как не сводимой к когнитивным операциям контингентной ситуации опыта. Последовательная критическая проверка показывает несводимость опыта к его фиксациям, а также возможность превращения моделирований опыта в элементы опыта. Современный мир в эпоху языковых моделей искусственного интеллекта позволяет проделывать такие операции текущего обогащения опыта, которые дают и новый стимул развития для религиозной философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показаны как гносеологические, так и онтологические импликации автокоммуникации в её несводимости к когнитивным операциям.

Ключевые слова: автокоммуникация, вероятность, детерминизм, контингентность, опыт, языковые модели

Для цитирования:

Марков А. В., Штайн О. А. «Хорёк Докинза» и автокоммуникация // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 18–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-18-26>.

Original research article

DAWKINS' WEASEL AND AUTOCOMMUNICATION

A. Markov¹, O. Shtayn²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

²Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Received by the editorial office 30.03.2025

Revised by the author 18.04.2025

Accepted for publication 05.05.2025

Abstract

Aim. To show the limitations of biological reductionism from perspective of autocommunication which is carried out at both individual and general levels.

Methodology. Probabilistic models of biological reductionism are analyzed in comparison with models of contingency, historical and philosophical data, methods of discourse and communication interpretation, and reconstruction and modeling of autocommunication conditions are applied. The procedure becomes a stepwise critical test of the applicability of reductionism to the fact of autocommunication.

Results. It is concluded that the nature of autocommunication as a contingent situation of experience is not reducible to cognitive operations. Consistent critical verification shows the irreducibility of experience to its fixations, as well as the possibility of transforming modelings of experience into elements of experience. The present world in the era of linguistic models of AI allows such operations of ongoing enrichment of experience, which also provides a new developmental stimulus for religious philosophy.

Research implication. Both epistemological and ontological implicita of autocommunication in its irreducibility to cognitive operations have been presented in this work.

Keywords: autocommunication, probability, determinism, contingency, experience, language models

For citation:

Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2025). Dawkins' Weasel and Autocommunication. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 18–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-18-26>.

Введение

Российский философ В. В. Бибихин (1938–2004) в одной из лекций говорил, что лучше обращать внимание не на текст Гегеля, а на примечания к нему. В ответ на недоумения студентов философ пояснил, что в тексте статьи или лекции философ следует тому порядку вопросов, который задаёт внешняя среда, сами условия ознакомления публики с философией, тогда как в примечаниях философ проговаривается, даёт намёки на глубинный метод и глубинные интуиции.

Здесь Бибихин вполне следовал традиции изучения бессознательного в искусстве, от Аби Варбурга до Карло Гинзбурга, где бессознательные жесты художника скрыты от фальсификатора, подражающего стилю воспроизведенного оригинала. Например, фальсификатор идеально передаёт колорит и выражения лиц, что не отличишь от оригинала, но форма уха или особенности мазка при изображении блика, т. е. те участки живописи, где художник меньше всего себя контролирует, позволяют отмежевать подлинник от подделки. Примечания тогда и оказываются такими же бликами или росчерками, выдающими подлинные стремления философа. Смысл

[1], след [2], выдача (сдача, разоблачение) [3] и предзнаменование [4] как взаимосвязанные части конструкции познания уже хорошо изучены знатоками Варбурга.

Представители биологического редукционизма, Ричард Докинз (р. 1941) и Роберт Сапольский (р. 1957), приобрели всемирную известность не в последнюю очередь благодаря блестящему и остроумному изложению идей. Полемический задор, одновременная критика обыденных представлений и устойчивых обычаяев религиозных групп, поспешная типологизация взглядов противников и наглядность доводов, иногда даже прямая до откровенной грубости – всё это может говорить о новом и удачном литературном стиле этого философского направления.

Мы предполагаем, что внутри этого стиля также есть основной текст, следующий условиям популярного представления достижений естественных наук и общественных заявлений, не разделённым границами стран, и есть примечания, в которых такие авторы проговариваются о самом заветном. На примере одного из примечаний Сапольского мы покажем, как именно неожиданные черты или формулы подлинности указывают на ограничения биологи-

ческого редукционизма, и как совершенно парадоксальным образом позиция нового атеизма может обогатить религиозную философию.

Хорёк вместо обезьяны, или свободна ли воля

Биологический детерминизм хотя и представлен разными исследовательскими программами даже у одного автора (мысль Ричарда Докинза, например, никогда не стояла на месте), говорит не о свободе воли, а об эпистемической ситуации ответственности или когнитивной достоверности того, что мы сейчас совершаем поступок [5]. Споры вокруг этого вопроса нас здесь не занимают. Мы ставим проблему иначе: сама по себе эпистемическая или когнитивная ситуация подразумевает перебор вариантов и их исчерпание. Это могут быть два варианта, правильный или ложный поступок, но может быть и огромное число вариантов, где мы не знаем о последствиях поступков и поэтому перебирать варианты, пока мы получим ясное представление, что мы делаем, мы будем долго.

Такие моральные дилеммы, в которых подразумевается долгий перебор вариантов, вполне подразумеваются и христианством. Так, притча о блудном сыне показывает парадоксальное поведение отца, который прощает сына в моральном и организационном смысле за счёт правильного старшего брата, хотя никогда нельзя сказать, что сыну это прощение будет на пользу. Здесь отец явно перебирает разные варианты дальнейшего поведения сына, от ответной благодарности до новой неблагодарности, и в конце концов останавливается на том варианте, в котором он видит в сыне нового хозяина дома. Т. е. он и перебором возможностей приходит к милосердию, но и постулированием новой роли сына, символическим закреплением его правильного поведения, принимает итоговое решение. О соотношении перебора возможностей и закрепления правильного сценария мы и будем далее говорить, пока-

зывая, что критика биологического редукционизма возможна не только с позиций богословского персонализма [6], но и с не менее эффективных позиций философии контингентности, в которой тоже различают и сильный, и слабый варианты социальных эффектов контингентности [7].

Далее мы условно называем сильной контингентностью ту, которая ставит под вопрос все наши прежние эпистемические усилия, а слабой контингентностью ту, что дополняет эти усилия. В притче о блудном сыне отец располагает сильной контингентностью, а кающийся блудный сын – слабой контингентностью, но в конце концов как система дом отца-сына оказывается исполнением сильной контингентности.

Теорема о бесконечных обезьянах относится к теории вероятности. Согласно этой теореме, бесконечное число обезьян, произвольно ударяющих по клавишам пишущей машинки, за неограниченное время создадут рано или поздно полное собрание сочинений Шекспира. Главной проблемой такой теоремы оказывается то, что любая мельчайшая случайность обрекает на неудачу весь труд: обезьяна может набрать «Гамлета» верно до последней строчки, но в последней строке ударить не на ту клавишу, и нужно начинать создание полного собрания Шекспира заново.

Но эта теорема может подвергнуться экспериментальной проверке: можно использовать компьютерные генераторы случайных последовательностей знаков и программу, которая проводит сверку получаемых комбинаций с текстами Шекспира. Здесь, заметим, такая сверка труда виртуальных обезьян уже имеет в виду не умение «напечатать сначала», а успехи обезьяны, которые могут относиться к середине какой-то пьесы: если виртуальная обезьяна вдруг случайно набрала несколько строк «Гамлета», то её можно уже похвалить. Но в любом случае проблема остаётся, и Сапольский обозначает её так: при сверке результатов работы обезьян «среди этих рукописей найдётся тьма-тьмущая таких, которые до последней страницы

последней пьесы идеально воспроизводят Шекспира, а затем скатываются в ни на что не похожую тарабарщину» [8, с. 243].

Далее в этом же примечании Сапольский упоминает принцип «хорька», введённый Докинзом в книге «Слепой часовщик» (1986). В этой книге Докинз доказывал, что самопроизвольные процессы во Вселенной вполне могли породить имеющийся мир со всеми его сложными закономерностями. Докинз исходит из того, что теорема о бесконечных обезьянах подразумевает постоянные сбои без закрепления каких-то данных, без памяти, без сохранения опыта. Тогда как материя, говорит Докинз, создаёт репликацию, и рано или поздно бессмысленные сочетания букв складываются в осмысленные, – и это осмысленное сочетание и закрепляется, и становится неоспоримым, и обеспечивает дальнейшее бытие и размножение организма. «Так долго получается в случае одноразового отбора случайной вариации. Теперь рассмотрим нарастающий отбор – насколько он будет эффективнее? Очень и очень намного! Гораздо эффективнее, чем мы, возможно, себе представляем в первый момент, хотя это почти очевидно, если мы подумаем над этим чуть более. Мы снова используем нашу компьютерную обезьяну, но внесём критическое изменение в программу» [9, с. 95]. Работа тогда не идёт наスマрку из-за одной ошибки, напротив, правильные решения закрепляются, а ошибки исправляются. Таким образом, эволюция для Докинза – это ряд микромутаций, «накопление небольших изменений» (как называется глава книги) при увеличении правильных решений (правильных букв) в ряду, в результате которых возникают победители и чемпионы, которые и сопоставимы с правильно, грамотно написанными строками. Знаток бизнеса и брендингования сразу вспомнит выражение *ДНК бренда*, которое как раз, в отличие от *философии бренда*, ограничивает число неправильных вариантов.

Докинз процитировал строку из «Гамлета» “*Methinks it is like a weasel*”, где Гамлет оспаривает обыденный разум

Полония, который сравнивает облака со знакомыми формами. Сравнение Докинза имеет в виду его атеистическую концепцию – предположение о существовании высшего существа производится по аналогии: наподобие, как говорит Докинз, узнавания лица Иисуса среди облаков, тогда как на самом деле форма облака – это только некоторая условность, некоторая устойчивая форма, которая обеспечивает дальнейшее воспроизведение закреплённых признаков. В этом для Докинза позиция Гамлета состоит в том, что он ведёт себя как популяризатор науки, как тогдашний Докинз, в отличие от Полония, представляющего обыденные и привычные взгляды на вещи.

Выше Докинз пишет о формах облаков, постепенно вводя понятие нарастающего отбора: «Мы не видим при этом такого ошеломляющего подобия, какое мы видим в биологических адаптациях – продукте нарастающего отбора. Подобие насекомого листу растения или подобие богомола соцветию розовых цветов мы описываем как сверхъестественное, жуткое или захватывающее. Подобие облака хорьку только слегка развлекает и достойно лишь привлечения внимания нашего компаньона. Не говоря уж о том, что мы, весьма вероятно, тут же изменим своё мнение насчёт того, на что это облако похоже точнее» [9, с. 93]. Заметим здесь, что сами понятия «жуткого» или «захватывающего» психоаналитические, и имеют в виду те самые эффекты непроизвольности, контингентности бессознательного, которые и выдают подлинное чувство.

Для Докинза сходство облака и хорька – пример закрепления образа, что можно не следовать привычным способам проведения случайных сходств, не оказываться в положении обезьяны, безрассудно стучащей по клавишам, но рассудительно до провокационности оспорить общее мнение. Но облака – как раз не самый пригодный материал для этого: достаточно вспомнить, как Гёте в труде «Формы облаков по Говарду» (1820) характеризовал визуальную составляющую облаков: не как

некоторый образ, указывающий на что-то, но как морфологическую характеристику порядка. Например, Гёте описывал перистые облака: «Каждый их узнает, когда они, подобные стаду идущих друг за другом барабанов или похожие на распущеный хлопок, показываются более или менее повторяющимися рядами» [10, с. 38]. Здесь Гёте отмечает закономерность, но не в смысле нарастающего отбора, а в смысле как раз сохранения контингентности, «более или менее», внутри морфологии. Речь он ведёт не о субъективном зрении, но об объективной (сильной, ставящей под вопрос наши прежние успехи в накоплении знаний) контингентности, встроенной в саму идею подобия или уподобления, как мультиPLICATIONи, которая только за счёт зазора контингентности имеет эффект реальности: мы говорим об облаках, а не о тумане и не о закрытом небе. Облака – это формы закрепления воды в небе, это реальность, но не реальность фиксации, и в этом смысле «часовщик» у Гёте не слеп: это некоторый зазор внутри подобий и уподоблений, вдруг вводящий переменную реальности. Слабой контингентностью было бы говорить о том, что сходства в облаке не ставятся в ряд, что они капризны, тогда как уликовый принцип, что облако выдаёт в себе ряд вроде ряда овец, оказывается сильной контингентностью.

Сапольский, цитируя Докинза, понимает Гамлета не как человека, закрепляющего какие-то свойства и приоткрывающего тайну эволюции, но как скептика в соответствии с дальнейшей шуткой Докинза, что облака не способны к естественному отбору. Сапольский пишет в том же примечании, что Гамлет говорит, «ставя под сомнение об общей для всех реальности и бросая вызов обезьянам-машинисткам» [8, с. 243]. В тексте книги Докинза никакогозыва не упоминается, есть поиск просто более эффективных средств. Докинз сначала обратился к маленькой дочери с просьбой имитировать обезьяну, потом использовал компьютерные коды.

Дело в том, что Докинз и Сапольский спорят с различными вещами. Докинз по-

лемизирует с концепцией разумного замысла, в которой он видит просто нелепость, подразумевающую, что никакие биологические качества не будут закреплёнными, они будут только регулироваться высшим разумом. Тогда как Сапольский, учитываящий и дальнейшую критику поведения религиозных людей, нападает на социальный конформизм, на дух Полония. Это определяет, что атеизм его книги заострён против именно ресурсов конформизма в религиозных сообществах: например, он подробно рассказывает об эксперименте, выявившем «преднастройку» [8, с. 273]. Грубо говоря, хотя благочестивые практики, например чтение Писания или посещение религиозных собраний, вроде бы должны способствовать милосердию, верующие оказывались нетерпимее (к иноверцам или миноритарным группам), когда обращались к этим практикам, чем когда вели повседневную жизнь и разделяли светскую этику. В заявлявших себя верующими говорил фундаментализм. На самом деле, эксперимент фиксировал социальный конформизм, а не собственные эффекты практик. Отсюда привносимый смысл – противопоставление скептицизма Гамлета и конформизма Полония.

В чём-то модель Докинза напоминает высказывание Шостаковича в ответ на травлю: «Вообще, музыка должна играть сразу же, тогда публика вовремя получает удовольствие, а композитору легче выразить то, что он хочет сказать. Если он ошибся, можно попытаться исправить это в следующей работе. А иначе получится такая же ерунда, как с Четвёртой»¹. Т. е. как раз уже промежуточные достижения хороши, потому что они вызывающие, а ошибки, исправленные в следующей работе, позволят создать каноническое собрание сочинений – тогда как слушателям нужна живость впечатлений, как и природе нужна живость процессов.

¹ Шостакович Д. Д. Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича, записанные и отредактированные Соломоном Волковым (1979) [Электронный ресурс]. URL: <https://testimony-rus.narod.ru/4.htm> (дата обращения: 30.03.2025).

Но заметим, что как раз позиция Шостаковича здесь содержит вызов, ту самую сильную и усиленную провокацию Гамлета, которого вовсе нет в тексте Докинза, но который появляется в примечании Сапольского. Забавно, что своё примечание Сапольский завершает фразой «меня это страшно раздражает», т. к. теорему о бесконечных обезьянах иллюстрируют чаще всего с помощью шимпанзе, которые не обезьяны, а гоминиды. Понятно, что как раз Сапольский, борясь против социального конформизма, хочет видеть эволюцию в её апофеозе, закреплении признаков, на чём и держится его концепция отсутствия свободы воли: мы никогда не можем сказать, что именно в нашем поведении эволюция уже использовала для своего движения.

Сапольский в своей книге доказывает отсутствие свободы воли, просто исходя из того, что никогда мы не можем отличить нашего решения от решения, продиктованного генетическими или социальными механизмами. Собственно, оспорить подход Сапольского невозможно исходя из того самого гамлетовского скептизма. Но его можно оспорить исходя из представлений об автокоммуникации. Автокоммуникацию мы понимаем как постоянное предпочтение сильной контингентности слабой контингентности, выбор в пользу сильной контингентности. Хотя Лотман не сразу ввёл этот термин, свойства автокоммуникации он описал уже в ранних работах.

Так, Ю. М. Лотман в «Лекциях по структуральной поэтике» (1964) говорит о лирических повторах не просто как о закреплении, а как о появлении качественных изменений. В примечании он оговаривает, что говорит не о мотивном, а только об информационном анализе, а в основном тексте противопоставляет письменное и устное восприятие баллады: «Человек, привыкший к графическому восприятию текста, видя на бумаге повторение слова, полагает, что перед ним – простое удвоение понятия. Между тем чаще всего речь идёт о другом, более сложном понятии,

связанном с данным словом, но усложнённом совсем не количественно.

Вы слышите: грохочет барабан,
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней,
Уходит взвод в туман, туман, туман,
А прошлое ясней, ясней, ясней...
(Б. Окуджава)

Второй стих совсем не означает приглашения попрощаться дважды. В зависимости от интонации чтения он может означать: «Солдат, торопись прощаться, взвод уже уходит», или «солдат, прощайся с ней, прощайся навсегда, ты её больше никогда не увидишь», или «солдат, прощайся с ней, со своей единственной». Но никогда: «Солдат, прощайся с ней, ещё раз прощайся с ней». Таким образом, удвоение слова означает не механическое удвоение понятия, а другое, новое, усложнённое его содержание» [11, с. 106].

Как мы видим, Лотман противопоставляет письменное считывание, т. е. закрепление в духе Полония или фундаменталистов, когда механическая мультипликация просто требует усилия, переходящего в насилие, и устное или слуховое считывание, включающая в себя автокоммуникацию. Ведь «ты больше никогда её не увидишь» или «ты моя единственная» – это внутренняя речь, это разговор солдата с собой, эта внутренняя речь станет внешней речью, например, в признании «Ты моя единственная», но «я больше никогда тебя не увижу» не может стать внешней речью.

В позднейшей работе Лотман подробно характеризует автокоммуникацию: «Механизм передачи информации в канале «Я – Я» можно представить следующим образом: вводится некоторое сообщение на естественном языке, затем вводится некоторый добавочный код, представляющий собой чисто формальную организацию, определённым образом построенную в синтагматическом отношении и одновременно или полностью освобождённую от семантических значений или стремящуюся к такому освобождению. Между первоначальным сообщением и вторичным ко-

дом возникает напряжение, под влиянием которого появляется тенденция истолковывать семантические элементы текста как включённые в дополнительную синтагматическую конструкцию и получающие от взаимной соотнесённости новые – рефлексионные – значения. Однако, хотя вторичный код стремится превратить первично значимые элементы в освобождённые от общеязыковых семантических связей, этого не происходит. Общеязыковая семантика остаётся, но на неё накладывается вторичная, образуемая за счёт тех сдвигов, которые возникают при построении из значимых единиц языка ритмических рядов различного типа. Но этим смысловая трансформация текста не ограничивается. Рост синтагматических связей внутри сообщения приглушает первичные семантические связи, и текст на определённом уровне восприятия может вести себя как сложно построенное асемантическое сообщение. Но синтагматически высокоорганизованные асемантические тексты имеют тенденцию становиться организаторами наших ассоциаций. Им приписываются ассоциативные значения. Так, всматриваясь в узор обоев или слушая непрограммную музыку, мы приписываем элементам этих текстов определённые значения. Чем более подчёркнута синтагматическая организация, тем ассоциативнее и свободнее становится семантические связи» [12, с. 171]. Таким образом, Лотман как раз включает в автокоммуникацию не просто вызов, но и свободу, свободу назвать облако хорьком, хотя облака – это всего лишь узоры. Эта автокоммуникативная свобода проявляется и на уровне индивидуальном, и на уровне всеобщем. Например, Роберт Сапольский решил написать свою книгу, может быть, под влиянием всех обстоятельств; но книга Сапольского в мироздании (в смысле «всего», всё, по-гречески в плероматическом смысле) – один из элементов свободного самоопределения мироздания. Таким образом, свобода воли действует на уровне индивидуальном (в момент решения, как решение блудного сына вернуться) и уровне всеобщем (в момент собирания всего

своего имущества, как решение отца вручить власть над домом сыну, перстень, т. е. официальную печать). В остальных случаях она может не действовать, но при этом её действие есть автокоммуникативное действие, противостоящее конформистским предрассудкам.

Заключение

Остановка эксперимента с бесконечными обезьянами и превращение его в эксперимент по закреплению признаков присутствует и в массовой культуре наших дней. Достаточно указать на обе вышедшие части фильма «Дюна» Д. Вильнёва, где представлена смена разных религий через образ песка, состояние которого всегда контингентно. Пророческая религия Джесики, основанная на мимесисе, отличается от мессианской религии Поля, в которой важен архив, – Пол, выпив яд червя, уже не просто знает будущее, но умеет соотносить прошлое, настоящее и будущее, т. е. создавать особую мессианскую ситуацию, мессианское время, исполнение времён. Но в конце концов обе религии должны смениться харизматической, исключающей борьбу за специи в песке. Тем самым, хотя и происходит закрепление признаков, т. е. закрепление в сознании Поля программы его действий, как ему действовать всё более безошибочно, – он уже не «обезьяна», а «хорёк» Докинза – религиозность в этом мире «Дюны» сохраняется. Ведь в фильме говорится не только о ситуации конформизма и общего действия, но и о собственной предельной психологической ситуации Поля, который должен быть мессией, и о состоянии Вселенной, способной порождать новые векторы и новые возможности борьбы за власть, накладывающиеся на технические возможности цивилизаций этой Вселенной, но не сводящиеся к этим техническим возможностям. Т. е. опять есть и индивидуальная, и холистическая контингентность, тогда как яд песчаного червя можно понять как образ перехода от коммуникации к автокоммуникации.

Бесспорно, развитие теории автокоммуникации приведёт к новому пониманию тех проблем, которые поставили Докинз и Сапольский. Автокоммуникация может быть понята как первичная ситуация человека, который познаёт сначала саму возможность производить новые действия, по Лотману, превращает узоры, намёки, некоторые внутренние заметки или воспоминания для себя, в обращение к себе, никак не следующее из предыдущего состояния системы. Тогда «бесконечная обезьяна» просто создаёт осмысленный текст – он может быть абсурдистским, но он прочитывается как осмысленный, комбинация клавиш порождает осмысленность намёков, например, можно прочесть, как замечает Лотман, сначала кажущуюся бессмысленной комбинацию букв как абревиатуру целой важнейшей фразы, например ЯТЛ – для влюблённого без объяснений понятно, что это «Я тебя люблю». В автокоммуникации бесконечная обезьяна весьма скоро обретёт смысл своей жизни и деятельности.

Тогда как контингентность всего – это тогда вариант «хорька Докинза», т. е. неожиданной провокации, когда всё, что мы знаем, может оказаться ещё лучше, исправить ошибки в следующем своём «выпуске». Это имеет множество параллелей с богословским учением о действии по благодати: сами по себе добрые дела могут быть совершены без содействия благодати, но именно благодать, как нечто контингентное, совершенно внезапное, позволяет этим действиям закрепиться в вечности и стать жизнью вечной. Благодаря такому «хорьку Докинза» можно лучше понять и ключевые богословские термины «спасения», «вечной жизни» и др., освободив их от некоторых обыденных или буржуазных импликаций, например, сводящих вечную жизнь к потреблению вечной жизни. Таким образом, атеистическая философия Докинза и Сапольского вполне может получить продолжение в современной религиозной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванеян С. С. Панофский, Гомбрих и смысл значения в искусстве и иконологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. № 1 (10). С. 21–43.
2. Гусельцева М. С. Психология и история: от макроанализа к микроанализу [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 3. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/927?articlesBySameAuthorPage=1> (дата обращения: 10.09.2025). DOI: 10.54359/ps.v3i10.927.
3. Котелевская В. Бульварный ангел истории: к «Труду о пассажах» Вальтера Беньямина // Versus. 2022. Т. 2. № 3. С. 154–171.
4. Монин М. А. Между следом и предназначением. Парадигма улик – как знание и как практика // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 154–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-154-166.
5. Адамов М. С. Проблема эпистемической ответственности и её психофизиологические основания // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 2. С. 205–228. DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-205-228.
6. Хитрук Е. Б. Осмысление человека в контексте меметической теории религии: от «образа и подобия» к «транспортному средству» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 101. С. 118–135. DOI: 10.15382/sturI2022101.118-135.
7. Кралечкин Д. Предназначение и контингентность: после меритократии // Логос. 2023. Т. 33. № 6 (157). С. 85–110.
8. Сапольский Р. Всё решено. Жизнь без свободы воли / пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. 534 с.
9. Докинз Р. Слепой часовщик / пер. с англ. В. Гопко. М.: АСТ, 2024. 496 с.
10. Гёте И. В. Неожиданный Гёте / сост. Г. М. Вайсман. М., СПб.: Летний сад, 2012. 157 с.
11. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. М.: Языки русской культуры, 1994. С. 17–245.

12. Лотман Ю. М. Автомедиация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 159–177.

REFERENCES

1. Vaneyan, S. S. (2013). Panofsky, Gombrich and the Meaning of Meaning in Art and Iconology. In: *St. Tikhon's University Review. Problems of History and Theory of Christian Art*, 1 (10), 21–43 (in Russ.).
2. Guseltseva, M. S. (2010). Psychology and History: From Macroanalysis to Microanalysis. In: *Psychological Research*, 3. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/927?articlesBySameAuthorPage=1> (accessed: 10.09.2025) DOI: 10.54359/ps.v3i10.927.
3. Kotelevskaya, V. (2022). The Boulevard Angel of History: Toward Walter Benjamin's Work on Arcades. In: *Versus*, 2 (3), 154–171 (in Russ.).
4. Monin, M. A. (2020). Between Trace and Omen. The Paradigm of Evidence: As Knowledge and as Practice. In: *Questions of Philosophy*, 4, 154–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-154-166.
5. Adamov, M. S. (2024). The Problem of Epistemic Responsibility and Its Psychophysiological Foundations. In: *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 8 (2), 205–228. DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-205-228 (in Russ.).
6. Khitruk, E. B. (2022). Understanding Man in the Context of the Memetic Theory of Religion: From “Image and Likeness” to “Vehicle.” In: *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 101, 118–135. DOI: 10.15382/sturI2022101.118-135 (in Russ.).
7. Kralechkin, D. (2023). Purpose and Contingency: After Meritocracy. In: *Logos*, 6 (157), 85–110 (in Russ.).
8. Sapolsky, R. *Determined. The Science of Life Without Free Will*. Moscow: Alpina Non-Fiction publ. (in Russ.).
9. Dawkins, R. *The Blind Watchmaker*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
10. Goethe, J. W. (2012). *The Unexpected Goethe*. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad publ. (in Russ.).
11. Lotman, Yu. M. (1994). Lectures on Structural Poetics. In: *M. Yu. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School*. Moscow: Yazyki russkoi kultury publ., pp. 17–245 (in Russ.).
12. Lotman, Yu. M. (2000). Autocommunication: “I” and “Other” as Addressees (On Two Models of Communication in the Cultural System). In: Lotman, Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPB publ., 159–177 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марков Александр Викторович (г. Москва) – доктор филологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российской государственной гуманитарного университета;

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com; ORCID: 0009-0004-1701-3147

Штайн Оксана Александровна (г. Екатеринбург) – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com; ORCID: 0009-0004-1701-3147

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Markov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities;

e-mail: markovius@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6874-1073

Oksana A. Shtayn (Ekaterinburg) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Social Philosophy, Ural Federal University;

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com; ORCID: 0009-0004-1701-3147

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-27-41

О РУССКОЙ ЭКОНОМИКЕ. ОТ ПОЗДНИХ СЛАВЯНОФИЛОВ К НЕОСЛАВЯНОФИЛАМ

Алёхина Е. В.^{1*}, Курабцев В. Л.¹, Деникин А. В.², Фридман М. Ф.³, Иноземцев В. А.⁴

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

⁴Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.09.2025

После доработки 05.10.2025

Принята к публикации 14.10.2025

Аннотация

Цель. Показать непреходящее значение экономического учения славянофилов, противостоящее господствующей западной политэкономии, являющейся теоретической основой современного потребительского общества, обессмысливающего существование человека вообще и не соответствующего задачам развития России как уникальной цивилизации.

Процедуры и методы. Сопоставлены взгляды сторонников либерального и консервативного направлений русской социально-философской мысли на принципы экономического развития страны в переходные периоды рубежей XX и XXI вв.

Результаты. Авторы обосновывают тезис, согласно которому в период противоречивого развития «русского капитализма», проводимого либеральными реформаторами по западным моделям и приводящего к порабощению и разорению страны западным капиталом, сформировалось альтернативное направление философско-экономической мысли, объединявшее выдающихся учёных-теоретиков и профессионалов-практиков, православных патриотов и государственников. Они детально разработали и предложили программу системного изменения курса страны, включавшего финансово-экономические преобразования в единстве с очищением государственно-управленческой сферы от коррумпированной бюрократии и укреплением общинных (народных) начал в земстве и в православной церкви. Эти меры должны были привести к государственному планированию гармоничного развития производительных сил страны, раскрытию трудового потенциала, повышению народного благосостояния и укреплению суверенитета страны, но без революционных потрясений. Некоторые их идеи были реализованы в советское время и особо востребованы в постсоветское в условиях борьбы за национальную модель развития.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена необходимостью суверенизации и мобилизации сфер социальных наук и образования для осмысления проходящего в мире глубинного перелома и выбора правильных решений с опорой на принципы славянофильской философской традиции, в которой экономика рассматривается как поприще для человека, ведущего осмысленную хозяйственную деятельность в соответствии с христианскими ценностями.

Ключевые слова: абсолютные деньги, «денежная цивилизация», лженаука, славянофильская экономика, христианский социализм

Для цитирования:

О русской экономике. От поздних славянофилов к неославянофилам / Е. В. Алёхина, В. Л. Курабцев, А. В. Деникин, М. Ф. Фридман, В. А. Иноземцев // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 27–41. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-27-41>.

Original research article

ON THE RUSSIAN ECONOMY. FROM THE LATE SLAVOPHILES TO THE NEO-SLAVOPHILES

E. Alyokhina¹, V. Kurabtsev¹, A. Denikin², M. Fridman³, V. Inozemtsev⁴

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

³*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

⁴*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation*

Received by the editorial office 24.09.2025

Revised by the author 05.10.2025

Accepted for publication 14.10.2025

Abstract

Aim. To demonstrate the enduring significance of the economic teachings of the Slavophiles, which opposes the dominant Western political economy as the theoretical basis of modern consumer society depriving human existence in general meaning not corresponding to development of Russia as a unique civilization.

Methodology. The views of proponents of the liberal and conservative schools of Russian social philosophical thought on the principles of the country's economic development during the transitional periods at the turn of the 20th and 21st centuries are compared.

Results. It is proved that during the contradictory development of "Russian capitalism", pursued by liberal reformers following Western models and leading to the enslavement and ruin of the country by Western capital, an alternative school of philosophical and economic thought emerged, uniting outstanding academic theorists and professional practitioners, Orthodox patriots, and statisticians. They specified and proposed a program for a systemic change in the country's course, including financial and economic reforms coupled with the cleansing of the public administration sphere from corrupt bureaucracy and the strengthening of communal (popular) principles in the zemstvos and the Orthodox Church. These measures were intended to lead to state planning for the harmonious development of the country's productive forces, unlocking labor potential, increasing public well-being, and strengthening the country's sovereignty, avoiding revolutionary upheaval. Some of their ideas were implemented during the Soviet era and were particularly in demand in the post-Soviet era, amid the struggle for a national development model.

Research implications consist in the need to establish sovereignty and mobilize the social sciences and education to understand the profound global shift taking place and to choose the right solutions based on the principles of the Slavophile philosophical tradition, which views economics as a field for individuals engaged in meaningful economic activity in accordance with Christian values.

Keywords: absolute money, "monetary civilization", pseudoscience, Slavophile economics, Christian socialism

For citation:

Alyokhina, E. V., Kurabtsev, V. L., Denikin, A. V., Fridman, M. F., Inozemtsev, V. A. (2025). On the Russian Economy. From The Late Slavophiles to the Neo-Slavophiles. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 27–41. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-27-41>.

Введение

Системная трансформация в капиталистическое общество, которую проходит современная Россия с 80-х гг. XX в., и те кризисные процессы, которые её сопровождают [1], вынуждают учёных обратиться к истории России с 80-х гг. XIX в. и до Революции 1917 г., оказавшейся перед аналогичным выбором стратегии развития. Обогатившись историческим опытом строительства социализма в СССР и его разрушения, современные исследователи-неославянофилы – патриоты и государственники – в критических оценках западнической либерально-буржуазной модели развития и в своих проектах создания русской экономической модели [2] обращаются к наследию поздних славянофилов. И это не случайно, поскольку современная Россия восстанавливает свой суверенитет, преодолевая полуколониальную зависимость от Запада [3], в которую она попала 35 лет назад. В похожем положении финансово-экономической зависимости от Запада наша страна пребывала с конца XIX – начала XX в. после либеральных реформ Александра II и финансовой деятельности министра финансов С. Витте, открывших двери для иностранного капитала, что угрожало разорением и порабощением России. Поздние славянофилы разработали конкретную программу выхода из этого положения мирным путём, по сути, проект социализма без революций. Если религиозные философы, объединившись вокруг журнала «Вехи», разоблачили утопическую социалистическую идеологию революционной интеллигенции, доказываясь до её антихристианских корней, то представители поздних славянофилов сосредоточились больше на критическом анализе буржуазно-либерального курса властей и соответствующей официальной экономической науки, не обходя своим

вниманием также популярного экономического учения марксизма. И те, и другие, таким образом, противостояли отходу от «русской идеи», предвидя катастрофический ход событий в случае следования западным моделям.

В «тайну» капитала и буржуазно-капиталистической цивилизации пытались проникнуть с разных позиций (наиболее известная у нас – марксистская). Эта тема интересовала также поздних славянофилов. Современные исследователи обращаются к раскрытию сущности господствующей в мире капиталистической социально-экономической модели, используя термины «рыночная экономика», «постиндустриальное общество». Известный экономист-неославянофил В. Ю. Катасонов удачно ввёл термин «денежная цивилизация», идентифицирующий модель, основанную на ростовщикском капитале, построившем «мировую финансовую пирамиду, с помощью которой осуществляется эксплуатацию большей части человечества, экономический и политический контроль над отдельными странами и миром» [4, с. 2]. Прослеживая историю борьбы ростовщиков за власть в «перманентной денежной революции», особое внимание он уделяет России, которая дважды за свою историю втягивалась в мировую финансовую пирамиду на правах полуколонии. *Нравственная оценка капитализма как «денежной» экономики* [4, с. 150–169] раскрывает причинно-следственные связи между деятельность ростовщиков, занимающихся выпуском кредитных денег, и циклическими кризисами: ссудный процент торговцев деньгами уничтожил экономику, которая традиционно существовала как домостроительство, жизнеобеспечение. Метаморфозы экономики начались с того, что *цель и средства поменялись местами*:

при запрете на ростовщичество деньги были средством обмена продуктов, а целью трудовой деятельности было удовлетворение естественных потребностей. В результате длительной борьбы ростовщиков за легализацию ссудного процента акционеры смеялись: целью экономики стало получение прибыли любым способом, в том числе через удовлетворение греховных и вредных наклонностей людей.

В этой связи особенно актуальны анализ неославянофилами опыта построения советского социализма как альтернативной социально-экономической модели, а также план демонтажа «денежной цивилизации» и возвращения к основам *христианской цивилизации и христианского социализма*. Он отмечает явную недостаточность православной литературы именно по экономическим вопросам в то время, как выработкой социально-экономических моделей активно заняты представители других направлений религиозной мысли.

В ситуации поиска идеологического обоснования самобытного пути России актуальна реалистическая оценка имперского периода русской истории, что позволяет увидеть за его пышным фасадом достижений серьёзные упущения. Так, некоторые современные авторы, вспоминая, «какую Россию мы потеряли», как бы не замечают противоречивости экономического развития, которое осуществлялось за счёт иностранных займов, что приводило к быстро растущему внешнему государственному долгу, уничтожению отечественного товаропроизводителя, росту безработицы, обезземеливанию крестьян, бедности и резкой социальной поляризации общества. В целом, следование либеральным экономическим доктринаам ослабляло государство, угрожало его независимости.

В наше время особенно востребовано учение об экономической функции государства, которое было бы лишено крайностей как либеральных теорий, минимизировавших его роль, так и теорий коммунистического тотального огосударствления всей экономики на основе установления жёст-

кого идеократического режима. Несмотря на положительный опыт управления народным хозяйством в советский период, позволившего освоить огромные природные богатства, обеспечить научно-технический прогресс и создать военно-промышленный потенциал, современные славянофилы замечают слабую основу этой системы: «ававилонская башня» социализма была построена «на песке» атеизма, материализма, экономизма и рухнула по причине «антропологической необоснованности». Сменившая её нынешняя капиталистическая полуколониальная экономика РФ по той же причине и особенно в условиях военных действий требует возврата к традиционной русской мобилизационной модели, «военному социализму», к объединению достижений управления в Российской империи и в СССР.

Интересна и по-прежнему актуальна проблема роста влияния *государственной бюрократии*, основательно разработанная поздними славянофилами. Они критически оценивали факты узурпации чиновниками государственного аппарата, присвоения ими полномочий самодержавия, возникновения «государства в государстве», разрушающего единий народный организм. Паразитирующая сущность бюрократизма, извратившая смысл власти как служения Богу и проявившаяся в коррупции и казнокрадстве, привела государство к кризису. Ранние славянофилы показали, что с XVIII в. управленческая элита стала секуляризироваться и поклоняться маммоне¹, теряя веру, нравственные принципы и рассматривая государственную службу, бюджет как источник дохода. Почвенник Ф. М. Достоевский назвал «чиновника-либерала, управляющего по немецкому образцу», главным врагом России. В социалистическом государстве армия чиновников многократно увеличилась (бюрократизм «прозаседавшихся» – сквозная тема в советской публицистике); вопреки ожиданиям, постсоветская система

¹ Бог богатства, он же Баал, изображаемый в виде могучего быка в древнем Ханаане. См. [5, с.58].

«рыночной экономики» в несколько раз увеличила бюрократический аппарат. Сейчас можно утверждать об общемировой тенденции усиления власти «глубинного (анти)государства» с упразднением демократических структур, образованием «номенклатурных» партий, соединением государства с различными корпорациями (маркёр фашизации общества).

Необходимо отметить, что если наследие ранних славянофилов и их общефилософские взгляды были изучены достаточно подробно, то не получило должного внимания экономическое учение поздних славянофилов, к которым относятся: И. С. Аксаков, Г. В. Бутми, А. В. Васильев, Н. П. Гиляров-Платонов, Ю. Г. Жуковский, Н. Н. Зворыкин, В. А. Коркев, А. И. Кошелев, Н. Е. Марков (*Марков Второй*), Д. И. Менделеев, А. Д. Нечволоводов, П. Н. Оль, А. А. Стахович, Ю. Ф. Самарин, С. Ф. Шарапов, А. Г. Щербатов и др. Несмотря на различия их профессиональных интересов, они сходились в своих выводах о колониальном характере торговли России с Европой и необходимости «импортзамещения» при переходе к производственной автаркии, о государственной защите русского товаропроизводителя, об установлении государственной монополии в регулировании валютного курса рубля, ограничении иностранного капитала и улучшении условий кредитования отечественного товаропроизводителя.

В советский период ряд их экономических идей нашли практическое воплощение, а некоторые теоретические положения впоследствии развивались зарубежными экономистами (Дж. Кейнс). Теоретические пробелы ликвидируются в наше время. Примечательно, что обращение к консервативной социально-философской и экономической мысли было инициировано РПЦ и православными духовно-просветительскими общественными организациями («Переправа», Институт русской цивилизации, Русское экономическое общество им. С. Ф. Шарапова).

Западничество и экономический либерализм в России XIX в.

Западничество стало господствующей идеологией в России в первой половине XIX в. Даже император Николай I, будучи защитником монархии, признавался в своём республиканском мировоззрении. Не только политический либерализм, но и английская политэкономия и экономические либеральные идеи свободы рынка, конкуренции, стихийного ценообразования, максимальной прибыли как основы накоплений, невмешательства государства стали весьма популярны среди аристократии и образованных слоёв населения России. Как следствие, реформы царя-освободителя Александра II вызвали в обществе такие изменения, с которыми государство не смогло справиться, находясь под влиянием либеральной доктрины «невмешательства государства» в хозяйственную жизнь, надеясь на «рыночный механизм». О секуляризации властной и управленческой элиты России, начавшейся в XVIII в., писали ранние славянофилы, которые критически оценили реформы Петра I и его последователей, увидев в них причину разделения общества на два «народа» – западно-просвещённое меньшинство (дворянство) и укоренённое в традиционной культуре и православии, консервативно настроенное большинство (народ). Об этом много было сказано религиозными философами в XIX в., но нам представляются очень точными наблюдения государственного деятеля, историка и философа второй половины XVIII в. князя М. М. Щербатова. Он сделал упор на ослаблении влияния православной церкви и веры: «вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, тайны Божественные в презрение впали» [6, с. 7], что, в свою очередь, привело к падению нравственности: «нравы ... в разврат стали приходить» [6, с. 17], к девальвации понятий долга, чести, верности, утверждению индивидуализма («каждый живёт за себя») и эгоизма («самости»), расцвету алчности, обмана, взяточничества, стрем-

лению к роскоши и мотовству. Реформы Александра II не только не преодолели разделения России, но ещё более усугубили этот разрыв, постепенно разрушали христианскую вертикаль власти: Бог – царь (помазанник) – управленческий аппарат, «государевы слуги» (государственный чиновник) – народ. Когда русская аристократия, находившаяся у руля государственной власти, стала терять веру в Бога, она стала поклоняться мамоне, рассматривая свои должности как «кормушки». Следующий её шаг – предательство национальных интересов европейским банкирам и биржевикам. Яркими примерами крупной финансовой аферы чиновников во времена Александра II являются сделка по продаже Аляски и государственной Николаевской железной дороги, а также госзакупки и иностранные займы. «Происходило, – как пишет В. Ю. Катасонов, – сращивание государственной бюрократии и иностранного капитала на почве общей любви обеих сторон к деньгам ... за каждым так называемым иностранным инвестором в России стояли чиновники – российские и зарубежные, которые защищали и продвигали “курируемые” предприятия и соответственно были “бенефициарами” этих предприятий» [7, с. 180]. В результате займов Россия по размерам внешнего долга занимала первое место в мире¹, что неизбежно вело и к внешнеполитической зависимости от стран-кредиторов (прежде всего Франции и Англии), которые втягивали Россию в военно-политический альянс, сталкивая с Германией и готовя большую континентальную войну.

Противоположную позицию занимали славянофилы-почвенники, которые были государственниками, монархистами, консерваторами. В лице Ф. М. Достоевского почвенники исходили из констатации трагического факта разделения России на две части: национально-патриотическую, «корневую», в которую входят все сословия, работающие на благо России, и

либералов-западников, социалистов, анархистов и т. п., которых объединяет отход от православия, непринятие исторической русской государственности и русской культуры (замаскированные патриотическими фразами о благе народа). Как писал поздний славянофил С. Ф. Шарапов, «между этими верхами и корнями нет никакой творческой, живой и деятельной связи, никакого разумения» [8, с. 30]. При этом он правильно конкретизировал причину отхода управленческой элиты от принципа христианского служения в приверженности к либеральной и якобы научной доктрине «невмешательства государства в экономическую жизнь народа». На деле «государство отрекалось от положительного творчества в области народного труда». Поздние славянофилы, жившие в период бурного развития капитализма, боролись с финансово-экономической политикой власти (С. Шарапов написал докладную записку Государю, но ответа на неё не получил). Кроме них весомый вклад в православное понимание экономики внесли: В. С. Соловьёв С. Н. Булгаков, А. И. Васильчиков, В. П. Воронцов, Н. Я. Данилевский, И. Зейпель, К. Д. Кавелин, К. Н. Леонтьев, М. О. Меньшиков, К. Н. Пасхалов, Л. А. Тихомиров, Ф. В. Чижов, А. П. Шипов, А. Н. Энгельгардт, В. Ф. Эрн и др. [9; 10]. Творческому и профессиональному толкованию экономического наследия поздних славянофилов мы обязаны неославянофилам: М. Ф. Антонову, О. А. Платонову и, прежде всего, В. Ю. Катасонову [11; 7].

Особое внимание В. Ю. Катасонов уделил экономическим работам С. Ф. Шарапова (1855–1911) – известного публициста, литератора, общественно-политического деятеля, предпринимателя, организатора образцового хозяйства в своём имении («помещичьего колхоза»). Отслужив в Министерстве финансов, прекрасно зная финансовую систему и её недостатки, он пришёл к выводу, что в результате финансовой реформы С. Витте государство утратило контроль над денежным обращением в стране, а вследствие этого и контроль над

¹ После Революции большевики отказались от выплаты внешних долгов, сделанных царским правительством.

экономикой. В своём наиболее крупном произведении «Бумажный рубль: Его теория и практика» (1895) [12] С. Ф. Шарапов исследовал историю ростовщичества, раскрыв механизм его власти – «тайну золота», отверг курс России на «дикий капитализм», предложив альтернативную – христианскую – модель экономики и денежной системы. В. Ю. Катасонов как видный учёный-экономист высоко оценил его финансово-экономическую программу, которую отличает «тищательная проработанность конкретных вопросов и системность, главными элементами которой являются абсолютные (бумажные) деньги, мнимые капиталы, запасные капиталы, государственные банки, казённые монополии в ключевых отраслях экономики, регулируемый государством валютный курс рубля и др.» [7]. Очень важно, что он органично вписал свою экономическую программу в социально-философскую концепцию общества, которая охватывала государственное устройство, церковную жизнь, семейные отношения, geopolитику и т. п. Разделяя главные идеи славянофилов, он утверждал, что экономическое возрождение России возможно лишь на фундаменте «православия, самодержавия и народности».

Свои экономические исследования и разработку программы коренного изменения финансово-экономической системы России С. Шарапов начинает с критической разборки методологии *официальной экономической науки*, которой руководствовались высшие чиновники России, проводя судьбоносные реформы. Выше уже упоминались его высказывания относительно либеральной идеи «невмешательства государства» в рыночный механизм, сведения государства до роли «ночного сторожа»: занятого общественным порядком, правосудием, обороной и т. п.¹ Его

¹ Отметим, что в наше время подобные идеи звучали с высоких трибун, в прессе и с телеканалов на рубеже 1980 – 1990-х гг. Сейчас становится очевидным, что в таком случае и оборона, и суды, и силовые ведомства неизбежно коммерциализуются и приватизируются, что наглядно демонстрирует пример реформы армии, проведённой с 2008 г., негативные последствия которой оказались с начала СВО.

критический взгляд на финансово-экономическую политику государства развивали другие представители позднего славянофильства. Предприниматель В. А. Кокорев, отдавая дань победе над Наполеоном, отметил наши поражения на финансовом фронте, к которым привело невежество властей, слепая вера в истинность западных учений, копирование «европейских финансовых систем и порядков». «Финансовая война против России, – тревожится он, – настойчиво ведётся Европой с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственно-го недомыслия полное поражение нашей финансовой силы» [13, с. 239]. Многие исследователи обратили внимание на то, что переход к золотой валюте означал изменение всей модели капитализма. Суть изменений в том, что банковский капитал окончательно подчинил себе капитал промышленный и торговый. Подробный анализ журльнической операции по введению министром Витте золотого рубля без законодательного оформления такого введения дан во многих источниках [14; 15, с. 154–170; 16, с. 68–71]. Предприниматель, общественный деятель и публицист Г. В. Бутми в книге «Золотая валюта» описал депрессию, в которой находилась экономика «золотых» стран Европы. Генерал и историк А. Д. Нечволоводов в книге «От разорения к достатку» (1906) приводит дополнительные аргументы и примеры, касающиеся взаимосвязей внутренних и международных денег, убедительно доказывая, что изоляция от международного денежного рынка сохраняет независимость страны. Таким образом, они утверждали, что переход к золотой валюте обесценивает труд, одновременно увеличивая богатство финансовых олигархов. Непонимание этой очевидности было следствием заимствования либеральных экономических учений, составлявших содержание экономического образования дворянской и разночинной молодёжи в российских университетах, находившихся под прямым влиянием европейских профессоров (позитивистов, атеистов, материалистов). Из критики за-

падных экономических теорий следовала необходимость создавать собственную альтернативную финансовую науку, построенную не на цене золота, устанавливаемой международными «менялами», а на абсолютных («нейтральных») деньгах как необходимом условии доступного кредитования отечественного предпринимательства и достижения общественного благосостояния.

О бюрократизме и диктатуре в программе укрепления российской государственности

Славянофилы признавали официальную формулу «православие, самодержавие, народность», но, как пишет М. Ф. Антонов, «вкладывали в неё своё, национальное содержание... Православие – со свободной Церковью, освобождённой от гнёта государства, превратившего её в часть своей машины управления. Да, Самодержавие, но Русское, руководствующееся нашими народными началами, опирающееся на сеть сельских и городских общин, а не на бюрократическую машину, построенную на западный образец... Да, Народность, но основанная на тысячелетней жизни народа в рамках мира-общины, а не на навязанных сверху, списанных с западных кодексов» [9, с. 69]. Следовательно, экономическое возрождение и благосостояние народа рассматривались ими в единстве религиозно-духовного и государственного возрождения. Поздние славянофилы, разработав программу конкретных мер спасения страны, подчёркивали эту органическую связь, что прекрасно показал Л. А. Тихомиров в своей известной книге «Монархическая государственность». Экономическое возрождение было невозможно без возрождения политического. Для преодоления кризиса государственности и раскола общества требовалось возрождение земской системы самоуправления и укрепление самодержавной верховной власти царя, которой угрожали «новые русские» олигархи – капиталисты, банкиры-биржевики и бездействовавшие чиновники-бюрократы.

В условиях преобладания в правительстве либералов идеи поздних славянофилов об укреплении национальной государственности как самодержавной власти царя и земства не встречали должной поддержки. Показательно, что выдающаяся работа С. Ю. Шарапова «Самодержавие и самоуправление» (1899) была первоначально опубликована в Берлине, а переизданный в России тираж конфискован и почти уничтожен. Эту парадоксальную на первый взгляд ситуацию В. Ю. Катасонов объясняет тем, что «в его модели российского государства совсем не было места бюрократии, которая к тому времени захватила командные позиции в государственной машине и превратилась в непреодолимый барьер между монархом и народом» [7, с. 138]. Его вывод соответствует высказыванию С. Ю. Шарапова в адрес бюрократии: «Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с которой нам с вами не справиться. Нужно вступать на иной путь. Иной, кроме Царской и Самодержавной, верховной власти в России быть не может. Но под неё нужно подвести совсем иной фундамент. Этот фундамент – широкое самоуправление, которое должно всецело заменить бюрократию. Всё будущее России – в земстве, поставленном как первооснова государственного здания» [12].

В славянофильской мысли формой народного самоуправления рассматривался также церковный приход как первичная ячейка государственной системы. Такую идею активно продвигал князь А. Г. Щербатов – общественный деятель, экономист, публицист. В работе «Православный приход – твердыня русской народности» (1909) он предлагает передать приходу функции земства – хозяйствственные, образовательные, охранные и т. п. – под управлением попечителей, избираемых прихожанами. В общем, русский народ должен «утвердиться в своих православных Приходах

и оказать через них поддержку Царскому Самодержавию»¹.

«Народная монархия» в понимании поздних славянофилов не есть парламентская демократия, которая установилась в России после подписания 17 октября 1905 г. царского Манифеста. Консервативно настроенные славянофилы, отвергая либеральную теорию демократии с её парламентаризмом, «разделением властей», обосновывали русскую модель государства-империи как военного лагеря, в котором власть должна быть самодержавной и нераздельной. В революционных условиях начала XX в. их программа по укреплению государства включала систему *чрезвычайных мер* (возникают аналогии с ВЧК 1920-х гг., но это уже была диктатура снизу). По отношению к кому? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что ещё ранние славянофилы усматрели опасность в разделении России со времён Петра I на два народа – либеральную западническую *бюрократию* и *русское общество*. Для поздних славянофилов стало очевидно, что кардинальные изменения в финансово-экономической сфере в России возможны после *наведения порядка в государственном аппарате страны*. Бюрократия, узурпировавшая государственное управление, стала преградой между верховной властью и обществом. Государственные ведомства России, заполненные непрофессионалами, отличались низкой исполнительской дисциплиной, равнодушием, преклонением перед Западом, коррупцией, кумовством, карьеризмом, волокитой. Выход из этой катастрофической ситуации С. Ю. Шарапов предлагал адекватный – временное введение царём особого политического режима – *диктатуры* – для полной смены чиновниччьего аппарата и всего курса развития страны (этой теме посвящён его роман «Диктатор»). Диктатор характеризовался такими качествами, как патриотизм, здравый смысл, твёрдость, православная вера.

¹ Святая Русь. Русское хозяйство. Большая энциклопедия русского народа. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 1057.

Примечательно, что Александр III также хотел существенно усовершенствовать государственное управление, издав прекрасный Манифест «О неправдах и хищениях»², но реализовывать его должна была всё та же государственная бюрократия, которая не собиралась меняться. По-видимому, императору не хотелось уподобиться Ивану Грозному, который одновременно ввёл диктатуру (опричнину) для властолюбивых бояр, а для народа – низовое самоуправление (земство).

Неославянофил В. Ю. Катасовов проводит параллели с нашим временем: при существенном увеличении численности чиновников Российской Федерации, «отсутствует “ясный план русской промышленной деятельности”. И это при том, что у нас накоплен уникальный опыт средне- и долгосрочного планирования народного хозяйства в течение нескольких десятков лет. После Второй мировой войны многие экономически развитые страны (Германия, Франция, Япония, Голландия и др.) изучали и практически использовали советский опыт» [7, с. 34]. Проанализировав исторический путь России в XIX–XX вв., он делает вывод: «Когда функционирование бюрократического государства приводит к системному кризису, угрожающему её собственному существованию, оно начинает спасать ситуацию, выбирая самый простой путь: привлекать в Россию иностранный капитал, который будет за правительство “поднимать” и “развивать” народное хозяйство, не думая при этом о последствиях подобного привлечения в страну “капиталистических варягов”. Сегодняшние наши власти, послушно и последовательно проводя политику “экономического либерализма”, делают то же самое: они

² Высочайший манифест императора Александра III, обнародованный вскоре восшествия его на царский трон (29 апреля 1881 г.), призывал всех верных подданных к служению верою и правдою Его императорскому величеству и государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, добром воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к возвращению порядка и правды в действии учреждений России.

“привлекают иностранные инвестиции”, т. е. окончательно подрубают сук, на котором сидят» [7, с. 35]. Несколько ранее А. Ф. Антонов высказал похожую мысль: «Российская бюрократия была убеждена: “Запад нам поможет”. Она строила всю политику страны на принципе всемерного привлечения в Россию иностранного капитала, не думая о последствиях этого “тихого захвата России иностранцами”» [9, с. 198]. И далее: в XIX в. «финансовые гении обещали, что к нам притекут иностранные капиталы, Россия получит валюту всего цивилизованного мира. Возражали им все-го три человека в России – С. Ф. Шарапов, П. В. Оль и Г. В. Бутми» [9, с. 298]. Так национальная управленческая элита становится компрадорской (посреднической) бюрократией. По убеждению В. Ю. Катасонова, идеи С. Ф. Шарапова, касающиеся введения диктатуры и чрезвычайного положения в стране, вполне пригодятся для нашего времени: «В сегодняшней России есть немало неизвестных и мало известных “полковников Ивановых”, которые готовы навести порядок в стране и которых готов поддержать народ» [7, с. 148]. Необходимость в этом заключается не столько из-замногочисленных фактов коррупции. Проблема в том, что, как считает Андрей Пинчук (министр государственной безопасности ДНР), «для коррупционного удобства создаётся неэффективная система», т. е. страна теряет потенциал будущего развития. «В итоге проблемы, с которыми столкнулась в последнее время страна в области промышленности, состояния армии – это именно отложенный эффект от действий коррупционеров в прошлом». Однако деприватизация сама по себе – не выход. Меняться должна система, а не её отдельные механизмы, убеждён он. «Коррупция – это состояние общественной системы в целом ... Для корпоративщиков принадлежность к государству – большое благо. Риски перекладываются на государство ... Но при этом строятся схе-

мы по выводу огромной прибыли, ресурсов и активов»¹.

История показывает, что верховная власть вынуждена проводить регулярную «чистку» государственной бюрократии на всех уровнях. Иначе появляется опасность узурпации ею самодержавной власти, расцвета коррупции, кумовства, что приводит к некомпетентности, бездействию и даже предательству управляемым аппаратом национальных интересов, к ослаблению и разрушению государства. В России кардинальную «смену элит» проводили цари Иван Грозный, Пётр I, Екатерина II, а вот в XIX в. такой “shutdown” для чиновников-либералов-западников был упущен. Поэтому задачу оздоровления системы управления после революции решал И. Сталин, который показал, что проще её создать заново, чем реформировать (модернизировать, постепенно улучшать). Опасаясь наметившегося кардинального обновления, высшая советская бюрократия постаралась избавиться от диктатора. В результате последующей сорокалетней либеральной трансформации в сторону Запада СССР был разрушен, ограблен, система управления кардинально «перестроена» американскими советниками по типу колониальной администрации.

Катастрофические результаты её деятельности, приведшие к значительной утрате независимости страны, В. Ю. Катасонов подтверждает фактом выплаты «дани» Западу (прежде всего США)² в виде зарубежных активов (3–4 трлн долларов), урановой контрибуции (1,5 трлн долларов), торгового дисбаланса в виде ежегодной утечки капитала в 100 млрд долларов. Первым шагом на пути восстановления экономического суверенитета он считает смену «нынешней компрадорской администрации на сплоченную команду

¹ Пинчук А. Чиновники воровать не закончат: впервые правда о коррупции от человека системы. Настоящая СВО ещё не началась [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aNr2vaNCZnqRfUWE> (дата обращения: 30.09.2025).

² Катасонов В. Ю. Россия регулярно платит дань Западу [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru> (дата обращения: 03.05.2021).

истинных патриотов и грамотных людей, понимающих, что такая экономическая безопасность страны». Таким образом, перед опасностью дальнейшего разрушения в обществе происходит осознание необходимости избавления от «пятой колонны» без революций для построения сильной и независимой России.

Неославянофилы о сущности капитализма и национальной экономической модели

Среди современных исследователей и последователей экономической мысли поздних славянофилов необходимо упомянуть прежде всего В. Ю. Катасонова [7; 11], О. А. Платонова [10], М. Антонова [9]¹, А. К. Крыленко [17], М. Ю. Медведева [18], с оговорками С. Г. Кара-Мурзу [19–21] и др. Указанные авторы концентрируются на изучении ростовщической сущности капитализма и кредитно-долговой природе денежного обращения, приведшей за последние два века к установлению однополярного «нового мирового порядка», при котором мир разделился на страны «золотого миллиарда» (ЗМ) и страны «периферии мирового капитализма» (ПМК). Суть однополярного миропорядка В. Ю. Катасонов представляет ярко и образно: «...первые ездят на вторых. Идеальная система рабовладения в мировом масштабе. При этом в учебниках по "экономике" страны ПМК так же, как и страны ЗМ, относятся к "рыночной экономике" (просто первые, по мнению "профессиональных экономистов", немного отстают от вторых в своём движении по пути "прогресса")» [22, с. 859]. Но в реальности «для стран ПМК дальнейшее пребывание в такой "мировой рыночной экономике" означает полный тупик, деградацию их хозяйства и неизбежное вымирание населения. Вариантов выхода из тупика для любой страны ПМК лишь два ... сохранение действующих законов "дикого"

капитализма, воспроизводства порядка, при котором идёт постоянная "война всех против всех". ... Второй вариант: попытаться жить по законам, отличным от законов "дикого" капитализма. Для этого, во-первых, надо также избавиться от того, кто сидит на твоей спине. Во-вторых, установить на своём поле свои суверенные законы, которые вообще исключают модель "наездник – лошадь" и утверждают модель взимовыгодного сотрудничества суверенных государств. В этой модели "лошадей" вообще не предусмотрено. Такая модель практически реализовывалась в рамках содружества социалистических стран после второй мировой войны. Прежде всего, в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ)» [22, с. 860].

Логически В. Ю. Катасонов приходит к постановке кардинального и очень актуального вопроса: «Почему это взаимовыгодное сотрудничество закончилось крахом социалистического лагеря? Может быть, эта модель межгосударственных отношений неконкурентоспособна по сравнению с моделью "мировой рыночной экономики"»? Ответ на него он находит у А. К. Крыленко: «Денежная держава должна либо править миром, либо исчезнуть» [17, с. 9], чем объясняется постоянная агрессия Запада. Развивая его мысли, В. Ю. Катасонов находит главную причину разрушения новой, экономически более конкурентоспособной по сравнению с «мировой рыночной экономикой» модели социалистического содружества. Всё дело в марксистской идеологии, положенной в основу политики социалистических государств, постулировавшей приоритет экономики как «базиса» социальной системы, в то время как «капиталисты-ростовщики учились по учебникам, где все в точности дооборот: идеальные, духовные, политические отношения являются базисом, а экономика вторична по отношению к нему. Вот поэтому вся энергия ростовщиков была нацелена, прежде всего, на расшатывание духовно-идейной и политической основы социалистического содружества и отдельных стран, со-

¹ См.: Русское хозяйство. Большая энциклопедия русского народа. М.: Институт русской цивилизации, 2006. 1134 с.

ставляющих его. Развал экономики был лишь следствием такого расшатывания» [22, с. 861]. Из этой цитаты сделаем вывод о «духовно-идейной» необеспеченности марксистского проекта социализма, несмотря на развитую систему институтов пропаганды и агитации. Далее, поскольку общепризнанным принципом буржуазной политэкономии считается экономизм, объяснение В. Ю. Катасонова может показаться противоречивым, если не принять во внимание то, что и буржуазный экономизм, и социалистический мессианизм являлись двумя ветвями религии Талмуда (о чём писал С. Н. Булгаков) в единой идеологии сионизма. Согласимся с нашим автором, что этих тонкостей отечественные «профессиональные экономисты», к сожалению, не принимают во внимание и поэтому продолжают пользоваться искающей оценкой «незэффективности» плановой экономики и «прогрессивности» «свободного рынка». Итак, заостряется проблема качества нашей отечественной экономической науки и социально-гуманистического знания вообще.

В комментариях к трудам С. Шарапова [7] В. Ю. Катасонов подчёркивает сходство в социально-политическом и экономическом положении России в обозначенные периоды как следствие капиталистического курса развития, чуждого русскому народу¹. Так анти-власть неизбежно загоняет страну «в колею, ведущую к обрыву». Более конкретно сходство в экономической сфере раскрывается им в таких опасных тенденциях, как: «засилье иностранного капитала в российской экономике, быстро растущий внешний долг страны, сильная зависимость государственного бюджета и всей экономики от внешнего рынка и игр спекулянтов на мировом рынке, испытываемый отечественными предприятиями постоянный денежный голод, высокие процентные ставки по кредитам, растущая социально-имущественная

дифференциация общества, паразитизм и космополитизм нашей государственной бюрократии, процветающая коррупция и казнокрадство, усиливающееся отставание российской экономики от западной экономики, неразвитость экономической инфраструктуры, бедственное положение сельского хозяйства, грозящее стране голодом; отсутствие развитой промышленности, неготовность экономики к ведению серьёзной войны и т. д. Достаточно сходна и geopolитическая ситуация той и нынешней России» [7, с. 152–155].

Спустя три десятилетия существования в капиталистической системе российские экономисты смогли раскрыть механизм колонизации: иностранные компании приходят с долларами, обменивают их в ЦБ РФ на рубли по заниженному в несколько раз курсу, скупают российские предприятия по дешёвке, утечка валюты в виде процентов и дивидендов нарастает. Поэтому российский предприниматель, пользующийся дешёвыми рублями и дорогими кредитами, как инвестор проигрывает иностранному, а страна, по сути, питает geopolитических соперников, подталкивая их к дальнейшей агрессии. Сопоставляя политическую и экономическую обстановку начала XX в. в описании С. Ф. Шарапова с современной, В. Ю. Катасонов считает, что сейчас «ситуация в России и вокруг России даже более катастрофическая». Следовательно, оправданы опасения славянофилов: «...готовятся величайшие, быть может, за всю нашу историю испытания. России придётся отстаивать ... не только свою целость и независимость, но, быть может, и самое своё существование» [12, с. 238]. Но не всё ещё потеряно.

Заключение

Современная Россия, как и в конце XIX в., может остановить глобалистскую экспансию ростовщического капитала, если власти воспримут идеи экономистов-неославянофилов, которые созвучны программе С. Ф. Шарапова, изложенной им в статье «Основы русской денежной си-

¹ Вспомним, что идеологи «перестройки», воспринявшие чуждые западнические идеи, не случайно говорили о необходимости сломать культурный код народа.

стемы» (1893). Как считает А. Ф. Антонов, «уже в этой работе Шарапов предстал перед понимающими читателями как гениальный мыслитель, горячий патриот России и, может быть, последний перед революцией ... провозвестник самобытного пути её развития, предлагавший собственную концепцию построения справедливого русского государства и основанную на русских традициях систему хозяйствования» [9, с. 272]. Конкретизацию этих принципов, касающихся русской финансово-экономической модели, представил В. Ю. Катасонов: «Во-первых, право выпуска денег принадлежит народу, которое он реализует через своё государство (пока что наш центральный банк – по сути, филиал Федеральной резервной си-

стемы США). Во-вторых, избавиться от магического, гипнотического воздействия на наши умы западных экономических теорий. Опираться нужно на здравый смысл, совесть, православное понимание смысла жизни. В-третьих, обращаться к историческому наследию России (в том числе в части устройства финансов)» [7, с. 639–640]. Последний принцип предполагает использование исторического опыта с конца XIX в. до настоящего времени, включая советский период нашей истории, а также новейший, 35-летний «опыт наших экономических и финансовых бед», когда очередные реформаторы «оказались загипнотизированными современными „жрецами“ „религии денег“» [7, с. 641].

ЛИТЕРАТУРА

- Фурсов А. И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. М.: Книжный мир, 2021. 416 с.
- Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М.: Проспект, 2022. 416 с.
- Дугин А. Г. Бытие и империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства. М.: АСТ, 2023. 784 с.
- Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис. М.: Кислород, 2014. 870 с.
- Малофеев К. В. Империя. 4000 лет. Книга первая. М.: АСТ, 2022. 464 с.
- Шербатов М. М. О повреждении нравов [Электронный ресурс] // ImWerden: [сайт]. URL: https://imwerden.de/pdf/scherbatow_o_nrawach.pdf (дата обращения: 12.10.2025).
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 656 с.
- Шарапов (под псевдонимом Тарлицкий). Что нужно прежде всего для нашего экономического возрождения? // Базули Ю. В. Двойственная природа денег: русская экономическая мысль на рубеже XIX–XX веков. СПб.: Русская симфония, 2005. С. 30–44.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 416 с.
- Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006. 797 с.
- Катасонов В. Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов. М.: Родная страна, 2015. 574 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 720 с.
- Платонов О. А. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2005. 797 с.
- Бутми Г. В. Золотая валюта. К пониманию макроэкономики государства и мира. СПб.: Памятники русской мысли, 2000. 286 с.
- Катасонов В. Ю. Золото в экономике и политике России. М.: Анкил, 2009. 286 с.
- Пасхалов К. Н. Русский вопрос. М.: Алгоритм, 2009. 717 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава. Тайные механизмы истории. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 207 с.
- Медведев М. Ю. Альтернативная экономика. Критический взгляд на современную науку и практику. М.: КноРУС, 2010. 158 с.
- Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. М.: Алгоритм, 2002. 253 с.
- Кара-Мурза С. Г. Маркс против русской революции. М.: Эксмо: Язуа, 2008. 318 с.
- Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. 700 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.

REFERENCES

1. Fursov, A. I. (2021). *Watershed. The Future That Has Already Arrived*. Moscow: Knizhny Mir publ. (in Russ.).
2. Glazyev, S. Yu. (2022). *Beyond the Horizon of the End of History*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
3. Dugin, A. G. (2023). *Being and Empire. Ontology and Eschatology of the Universal Kingdom*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
4. Katasonov, V. Yu. (2014). *On Interest: Loan, Judicial, Reckless. "Financial Civilization" and the Modern Crisis*. Moscow: Kislorod publ. (in Russ.).
5. Malofeev, K. V. (2022). *Empire. 4000 Years. Book One*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
6. Scherbatov, M. M. On the Corruption of Morals. In: *Im Werden*. URL: https://imwerden.de/pdf/scherbatov_o_nrawach.pdf (accessed: 12.10.2024).
7. Katasonov, V. Yu. (2014). *The Economic Theory of the Slavophiles and Modern Russia. S. Sharapov's "The Paper Ruble."* Moscow: Institute of Russian Civilization publ. (in Russ.).
8. Sharapov (under the pseudonym Tarlitsky) (2005). What is Needed Above All for Our Economic Revival? In: Bazuli, Yu. V. *The Dual Nature of Money: Russian Economic Thought at the Turn of the 19th-20th Centuries*. St. Petersburg: Russian Symphony publ., pp. 30–44 (in Russ.).
9. Antonov, M. F. (2008). *The Economic Doctrine of the Slavophiles*. Moscow: Institute of Russian Civilization publ. (in Russ.).
10. Platonov, O. A. (2006). *Russian Economy Without Globalism*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
11. Katasonov, V. Yu. (2015). *Russian Sociological Thought at the Turn of the 19th-20th Centuries*. K. Leontyev, L. Tikhomirov, V. Solovyov, S. Bulgakov, S. Sharapov. Moscow: Native Country publ. (in Russ.).
12. Sharapov, S. F. (2011). *The Future Russia*. Moscow: Institute of Russian Civilization publ. (in Russ.).
13. Platonov, O. A. *Russian Economy without Globalism*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
14. Butmi, G. V. (2000). *Gold Currency. Toward Understanding the Macroeconomics of the State and the World*. St. Petersburg: Pamyatniki Russkoi myсли publ. (in Russ.).
15. Katasonov, V. Yu. (2009). *Gold in the Economy and Politics of Russia*. Moscow: Ankil publ. (in Russ.).
16. Paskhalov, K. N. (2009). *The Russian Question*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
17. Krylenko, A. K. (2009). *Monetary Power. Secret Mechanisms of History*. Moscow: Institute of Russian Civilization publ. (in Russ.).
18. Medvedev, M. Yu. (2010). *Alternative Economics: Critical Look at Modern Science and Practice*. Moscow: Knorus publ. (in Russ.).
19. Kara-Murza, S. G. (2002). *Ideology and Its Mother Science*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
20. Kara-Murza, S. G. (2008). *Marx Against the Russian Revolution*. Moscow: Eksmo publ., Yauza publ. (in Russ.).
21. Kara-Murza, S. G. (2005). *The Lost Mind*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
22. Katasonov, V. Yu. (2013). *Capitalism. History and Ideology of the "Monetary Civilization."* Moscow: Institute of Russian Civilization publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алёхина Евгения Викторовна (г. Москва) – доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Курабцев Василий Леонидович (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, специалист Технопарка «Кванториум» Государственного университета просвещения;
e-mail: kurabtsev@mail.ru ORCID: 0000-0003-4757-731X

Деникин Анатолий Васильевич (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: andenikin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-2466-0703

Фридман Михаил Феликсович (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: mffree79@mail.ru ORCID: 0000-0002-1430-967X

Иноземцев Владимир Александрович (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии (СГН-4) Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: inozem_63@mail.ru ORCID: 0000-0002-4693-5624

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia V. Alekhina (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Vasily L. Kurabtsev (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Specialist, Quantorium Technopark, Federal State University of Education;
e-mail: kurabtsev@mail.ru ORCID: 0000-0003-4757-731X

Anatoly V. Denikin (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
Email: andenikin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-2466-0703

Mikhail F. Fridman (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: mffree79@mail.ru ORCID: 0000-0002-1430-967X

Vladimir A. Inozemtsev (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy (SGN-4), Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: inozem_63@mail.ru ORCID: 0000-0002-4693-5624

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-42-53

ОПЫТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ: КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО. ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ

Ванчугов В. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2025

После доработки 18.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Аннотация

Цель. На материале классического евразийства реконструировать процесс разработки новой философии. Выявить и оценить не только корпус текстов и группу интеллектуалов, но и контекст, совокупность социальных факторов, оказавших влияние на идеологически мотивированный «кreatивный» процесс. Из всего периода эволюции евразийства упор делается на третьем, завершающем этапе, когда видны уже результаты, а не набор деклараций.

Процедура и методы. Используется комплекс приёмов, характерных для историко-философского исследования: определение репрезентативной эмпирики в виде первоисточников, анализ их содержания, оценка идей участниками процесса и наблюдателями, учёт факторов объективного и субъективного плана, формирование контекста. Таким образом, задействованы техники и практики герменевтики, анализа (контекстуального и структурного).

Результаты. Определены ключевые персонажи третьего этапа эволюции классического евразийства, интеллектуальными усилиями которых формируется «новая» философия, не только выражающая базовые установки этого движения, но и претендующая быть методологической платформой для полидисциплинарных исследований. Таковыми участниками оказываются Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин, Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский. Выявлено, что в данный момент предпринята попытка интегрировать в формируемую на втором этапе «персонологию» – учение Н. Ф. Фёдорова «Общее Дело», найти точки опоры в критически переосмысленном марксизме, а также сформировать концепт «идеократии».

Теоретическая и/ или практическая значимость. Полученные результаты создают платформу для понимания произошедшего в определённом месте и при определённых условиях события (конструирования новой философии). Классическое евразийство оказывается продуктивным «кейсом» для философского исследования, поскольку появляется возможность наблюдать опыт как организации междисциплинарных исследований, так и создания нового философского направления, которое претендовало на выражение новой идеологии в категориях академической философии.

Ключевые слова: доктрина, евразийство, идеология, метафизика, методология, мировоззрение, проектирование, установка сознания, учение

Для цитирования:

Ванчугов В. В. Опыты конструирования философии: классическое евразийство. Идеократический персонализм // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 42–53. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-42-53>.

Original research article

EXPERIENCES ON PHILOSOPHY DESIGN: CLASSICAL EURASIANISM. IDEOCRATICAL PERSONALISM

V. Vanchugov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Received by the editorial office 01.09.2025

Revised by the author 18.09.2025

Accepted for publication 30.09.2025

Abstract

Aim. To reconstruct the process of developing a new philosophy based on “classical Eurasianism.” To identify and evaluate not only the body of texts and the group of intellectuals, but also the context and the set of social factors that influenced the ideologically motivated “creative” process. Throughout the entire period of Eurasianism’s evolution, emphasis is placed on the third, final stage, when results, rather than a collection of declarations, are noticeable.

Methodology. A set of techniques characteristic of historical and philosophical research are used: empirics in the form of primary sources are defined, their content is analyzed; ideas by participants in the process and observers are evaluated, considering objective and subjective factors; a context is formed. Thus, the techniques, practices of hermeneutics, and analysis (contextual and structural) were used.

Results. The key characters of the third stage of classical Eurasianism evolution are identified, whose intellectual efforts form the “new” philosophy. This philosophy not only expresses the basic principles of the ideological movement but also claims to become a methodological platform for multidisciplinary research. Such participants are N. S. Trubetskoy, L. P. Karsavin, N. N. Alekseev, V. N. Ilyin, D. P. Svyatopolk-Mirsky, P. P. Suvchinsky. It is revealed that at a certain point an attempt was made to integrate N. F. Fedorov’s teaching “Common Cause” into the “personology” formed at the second stage, as well as to find points of support in a critically rethought Marxism, and to formulate the concept of “ideocracy.”

Research implications. The results obtained in the study create a platform to understand what has happened at the certain place and under certain conditions to compose a “new” philosophy. Classical Eurasianism turns out to be a productive “case” for philosophical research, since it becomes possible to observe both the experience of organizing interdisciplinary research and the creation of a new philosophical direction that claimed to express a new ideology in the categories of academic philosophy.

Keywords: doctrine, Eurasianism, ideology, metaphysics, methodology, worldview, design, mindset, teaching

For citation:

Vanchugov, V. V. (2025). Experiences on Philosophy Design: Classical Eurasianism. Ideocratical Personalism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 42–53. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-42-53>.

Введение

В центре внимания исследования – классическое евразийство в интеллектуальном, прежде всего философском аспекте. Под «классическим евразийством» здесь понимается направление мысли, общественное течение, идеология, обосновывающая

необходимость построения «континента Россия-Евразия», где ключевую роль сыграли отечественные эмигранты в период времени с 1921 по 1929 гг. Стоит отметить, что в 1929 г. движение продолжает своё существование несколько лет, но это уже особая фаза, ситуация нарастающего рас-

кола, и евразийство принимает формат, который отличается от предыдущего периода. Евразийство всё ещё находится в процессе изучения, и на данный момент отсутствует единство в понимании многих элементов. Проблемными являются на данный момент даже такие моменты, как начало и конец движения, его участники. Значительный объём интерпретаций содержится в исследовании Р. Р. Вахитова [1]. Опираясь на свою эмпирику, другие образы событий даёт, к примеру, К. Б. Ермишина [2]. Пример толкования евразийства в зависимости от исходных установок и убеждений является, например, исследование А. Мартинкуса [3]. Эти и другие исследования необходимо учитывать, формируя контекст для разного рода тематических исследований. Историко-философская реконструкция, представленная в настоящей работе, подразумевает выявление прежде всего попыток формирования внутри этого движения самостоятельной, собственной, партийной, так сказать, философии. В последнее время интерес проявляется и к чисто философской компоненте движения, что видно по работе Т. Оболевич [4] и массе журнальных публикаций. Однако очевидно всё же во всех исследованиях одно упущение: отсутствие целенаправленного воспроизведения процесса формирования внутри «ордена» собственной философии. Много говорят о евразийской философии как определённом учении, но нет акцента на евразийской философии как технической части этого учения, определённого базового элемента.

Необходимо сделать терминологическое уточнение, говоря о евразийской философии.

Есть широкое толкование, когда говорят о евразийстве как философии. Евразийство понимается обычно как мировоззрение, в котором есть комплекс идей (от исторических до теологических). Нас прежде всего интересует, как в евразийстве начинается формироваться философия именно в узком, техническом, академическом плане; когда и как внутри

движения приступают именно к созданию особого концептуального ядра, собственно «философии», используя специфический язык (термины), приёмы, манеру, стиль, присущие философскому сообществу, копируя основные атрибуты академической философии; выстраивают историко-философские экскурсы в поисках опорных точек в интеллектуальном прошлом; разрабатывают философию теоретическую и практическую (онтологию, гносеологию, этику, эстетику). Говоря иными словами: когда в комплексе наук – истории, географии, политэкономии, этнологии и проч. – появляется комплекс идей, маркируемых как «философия», формируется стиль мышления, подбирается доминантный термин. И в итоге наблюдается попытка формирования философии, установка на «философское» обоснование евразийства.

Примечательно, что с самого своего зарождения евразийцы принимаются за проектирование внутренней философии (1921–1923). Первыми здесь отметились Г. В. Флоровский с его рассуждениями о «новой православной философии» и П. Н. Савицкий («благая метафизика»). Второй этап (1925–1927) «конструирования» евразийской философии отмечен активностью в этом направлении Л. П. Карсавина и Н. С. Трубецкого в виде плана комплекса наук о человеке и «симфонической личности». Евразийская философия разрабатывается как альтернатива марксистской философии, идеологии.

Н. Н. Алексеев, только что примкнувший к евразийству, в статье «Евразийцы и государство» (1927) отметил, что направление является прежде всего «объединением идеологическим», констатировал: «У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое миросозерцание, целая философия» [5, с. 180]. Однако, обладая исторической дистанцией и философским материалом, мы понимаем, что евразийская философия продолжала формироваться, вступая в третью фазу своей эволюции. Примерно с 1929 г. можно зафиксировать третий этап в деле формирования собственной фило-

софии, философии как органической части евразийского учения.

Уже упомянутый Н. Н. Алексеев, отмечавший в 1927 г., что у евразийцев имеется не только программа, но и доктрина, совокупность догм, целое миросозерцание, целая философия, пояснял также: «В этом смысле формально мы ближе стоим к социалистам и коммунистам, особенно к таким, как марксисты. Но от социализма нас решительно отделяет всё наше миропонимание. Помимо того, что мы строим совсем другую социальную систему, чем социализм, помимо этого мы выдигаем совсем иные моральные, социальные, философские и религиозные учения» [5, с. 180]. И первым моментом реконструкции будет прежде всего выявление отношений евразийцев к «фоновому» на том момент умонастроению, а именно марксизму, в отталкивании от которого происходит становление новой философии.

Евразийская рецепция марксизма

В то время как Н. Н. Алексеев только приступал к переложению евразийского учения в контексте философии и права, Л. П. Карсавин уже многое сделал для конструирования собственно евразийской философии, которую он определял как «просопология», или персонализм. И формируемую философию рано или поздно пришлось бы сопоставлять с другими системами, и прежде всего с той, которая установилась в Советском Союзе. В 1929 г. в газете «Евразия», которую критики (внутри движения) обвиняли не только в излишней философичности, но и в пропролетарском уклоне, состоялся обмен мнениями о значении политики ВКП(б) (Всероссийской коммунистической партии (большевиков)) в области философии.

9 марта 1929 г. в «Евразии» (№ 16) появилась статья «Философия и В.К.П.». Автором был А. В. Кожевников (после 1937 г. – Кожев), изучавший философию уже после оставления России в Берлинском и Гейдельбергском университетах (1921–1927).

К удивлению многих читателей, он положительно оценил политику ВКП(б). Он считал, что философия в СССР не так уж «элементарна», и в чём-то «ценна и сама по себе». Но даже если бы она и была элементарной, то всё же сложившиеся условия играют положительную роль в развитии философии, а потому всякий, кто будет приветствовать появление «действительно новой культуры и философии, – потому ли, что она будет не восточной, не западной, а евразийской, или просто потому, что она будет новой и живой, в отличие от уже выкристаллизовавшихся и омертвевших культур Запада и Востока, – должен принимать и всё то, что этому проявлению способствует» [6, с. 74].

6 апреля того же года в № 20 газеты «Евразия» появляется отклик Л. П. Карсавина «Философия и В.К.П. По поводу статьи А. А. Кожевникова». В отличие от своего собеседника, Карсавин – не только философ со стажем, но и давний участник евразийского движения. К тому же он фактически играл роль партийного (евразийского) философа. Как и А. В. Кожевников, он пытается в анализе российской действительности держаться гегелевской диалектики, что предполагает в отрицании не забывать утверждение, в негативном – позитивное, в репрессивном – прогрессивное. А потому в запретительных действиях власти есть моменты и поощрения чего-то нового в области умонастроения. По мнению Карсавина, именно потому, что в дореволюционной России существовала свобода словесного и печатного философствования, философия в России не стала оригинальной, самобытной. Причина того, что русские интеллектуалы «не заметили» зарождения русского философствования, является именно добровольное «рабствоование их перед философией европейской», и «вольная мысль» сразу же обнаружила свою свободу тем, что «свободно пошла в кабалу к Европе». В итоге всё сделанное русскими философами-специалистами должно быть включённым в историю европейской, преимущественно немецкой, мысли. Окончательный

вывод Карсавина таков: следует положительно оценивать тот факт, что «искусственный» гнёт силою революционного процесса переродился в «естественный». Таким образом философия получает возможность развития, потому что её борьба за свою свободу становится реальной и предметной. Но тем самым определяется и конкретизируется философская проблематика. До сих пор эта проблематика оставалась отвлечённой и безжизненной, потому именно и подверженной определениям её извне, из Европы. Зато теперь перед Россией и человечеством «встают новые и очень конкретные задачи ... Действительность конкретнее и ставит более конкретные задания» [7, с. 77].

Продолжая формировать философскую тему внутри движения, Л. П. Карсавин публикует в 1929 г. статью «Евразийство и монизм». В том же году в Праге публикуется коллективный сборник трудов, где уже в титульном названии присутствует, среди прочих дисциплин, философия: «Евразийский сборник. Книга шестая. Политика, философия, россиеведение» [8]. В структуре сборника нет отдельного раздела «философия», но она присутствует как особая тема, как направление мысли, модальность умонастроения. В частности, есть статья недавно примкнувшего к движению В. Н. Ильина «О религиозном и философском мировоззрении Н. Федорова», а также отдельные суждения авторов других статей, например, у Н. Н. Алексеева («Евразийство и марксизм»), В. Никольского («К проблеме познания Азии»), и даже в такой статье, как «О необходимости пересмотра еврейского вопроса» Я. А. Бромберга.

Н. Н. Алексеев, двумя годами ранее разбиравший особенности движения в контексте темы государства («Евразийцы и государство», 1927), на этот раз в качестве проблемного поля и тематического фона выбирает марксизм («Евразийство и марксизм»), что позволяет также затронуть ряд философских тем [8, с. 7–15]. И освещение структурных элементов марксизма делается не просто сквозь призму евразийского

учения в целом, но и с учётом тех философских построений, которые к этому времени были сделаны Л. П. Карсавиным. А это, как уже было выше отмечено, просопология, или персонология, выработанная Л. П. Карсавиным.

Прямыми философскими предшественниками марксизма, как видится Н. Н. Алексееву, является «антропологизм» Л. Фейербаха с ключевым понятием «питания», имеющим основное значение для человеческого бытия и бытия. И Маркс придаёт антропологии Фейербаха социологический и исторический конкретный характер, почти физиологический, поскольку всякое дело для него означает факт траты мускульной энергии в социальном аспекте. И эти «факты» определяют всё содержание жизни человека, начиная от религиозных воззрений и до политических форм. И как ко всему этому «антропологическому» нарративу следует отнести представителям евразийского проекта?

Евразийство, как полагает Н. Н. Алексеев, по основному своему духу «религиозно и метафизично», потому всякого рода «материалистический антропологизм», формулируется ли он в абстрактно-индивидуалистическом виде, как у Фейербаха, или, как у Маркса, приняв социально-исторические формы для нового движения, также занятого преобразованием жизни человека, неприемлем. Разбирая отношение евразийства к марксизму, Н. Н. Алексеев не может обойти стороной и западную философию в целом. В отличие от «нового антропологизма» в исполнении и Фейербаха, и Маркса, западные религиозно-метафизические системы близки евразийству, потому что, даже утверждая первенство акта и практики, защищая тезис «в начале было дело», все эти системы подразумевали всё же и «дело Божие», и потому разнообразные дела человеческие получали смысл в плане высшего дела в контексте божественного акта. Впрочем, это не значит, что евразийство может принять «практицизм» западных религиозно-философских систем. Ведь известны и другие практики: есть и религиозно-ме-

тафизические системы Востока. А потому в западном практицизме можно и нужно сделать поправку на восточный идеал созерцательного покоя, что представлено в религиозно-метафизических учениях восточного христианства. В итоге хотя он и не принимает «философский тезис религиозного Запада» целиком, всё же он ему ближе, чем «антропологизм» Фейербаха и Маркса, которые видятся ему как «поистине, самые далёкие, самые чуждые мыслители» [8, с. 9]. Они чужды ему как крайности «западного практицизма». И Алексеев за «переустройство мира», но предлагая опереться на такое созерцание, которое деятельности не противоречит, деятельность не выворачивает наизнанку. Обыгрывая название давнего сборника статей С. Н. Булгакова («От марксизма к идеализму», 1903), Алексеев настаивает, что для него представляется «логически не мыслимым и практически несущественным» какой-либо органический переход «от марксизма к евразийству» или «от евразийства к марксизму» [8, с. 9].

Маркс и его учение, прежде всего в советской интерпретации, по теоретическим и практическим аспектам становятся темами для индивидуальных и коллективных рефлексий, о чём свидетельствуют многочисленные публикации внутри движения.

Оrientированные на формирование новой культуры с использованием баланса теории и практики, конструирование правильной идеологии, в которой бы учитывались интересы жизни, и жизнь не подменялась бы искусственно созданной доктриной, евразийцы много внимания уделяют разбору учения, принятого за основу мировоззрения в Советской России. Но в поле их зрения оказываются и мыслители совершенно иного типа, но не менее решительно настроенные на радикальную «пересборку» всего мироустройства. И потому евразийцы вскоре погружаются в изучение жизни и творчества автора «Общего Дела», Н. Ф. Фёдорова.

Евразийская рецепция «Общего Дела» Н. Ф. Фёдорова

Из всего прошлого России в историко-философском контексте идеологами движения на первом этапе задействован был лишь небольшой по объёму и содержанию фрагмент. Говоря о предвестниках идеологии, Савицкий объявил («Евразийство», 1925), что таковыми «нужно признавать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов)». Но тот же Савицкий стал расширять круг «предшественников» хронологически и тематически, так что евразийцы «в целом ряде идей» оказались «продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления», а у истоков оказались не только ранние славянофилы (XIX в.), но и «ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV и началу XVI века» [9, с. 84]. А вскоре появляется ещё один персонаж, вводящий в проблемное поле новый круг идей.

Переехавший в 1925 г. в Харбин Н. А. Сетницкий смог наладить выпуск ряда текстов, в которых пропускали контуры мало известного россиянам учения Н. Ф. Фёдорова (1829–1903). В 1928 г. Сетницкий приступает к переизданию «Философии общего дела», опубликовав три выпуска, включившие в себя части главного сочинения Фёдорова «Вопрос о братстве, или родстве». Эти и многие другие тематические издания переправлялись в Европу, где находился огромный корпус русских интеллектуалов в изгнании. В 1927 г. Сетницкий вступает в переписку с П. П. Сувчинским, посыпает ему подборку материалов из «Философии общего дела». Вскоре по инициативе Сувчинского в одном из местных альманахов была переиздана работа Сетницкого «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Фёдорова». Во время служебной поездки в Европу летом 1928 г. Сетницкий встретился с Сувчинским для обсуждения

вопроса о возможном сотрудничестве [10, с. 321–322].

Как результат – в X выпускe «Евразийской хроники» появляется заметка, автор которой погружает читателей в атмосферу своеобразного учения, которое может пригодится и новому движению: «В основе Философии Общего дела заложен религиозный опыт, равного которому по глубине, цельности и здоровью трудно найти в истории человечества ... Учение о воскрешении органически включает в себя всю многообразную конкретность исторического становления и делания и переходит в план Общего Дела, как разумно-направленного процесса преображения мира», в философии «Общего Дела» даны «абсолютные основания зарождающейся в происходящей на наших глазах исторической мутации культурного типа России-Евразии новой идеократической культуры» [11, с. 643].

И вскоре учение Фёдорова начинает то и дело возникать в контексте разбора евразийцами марксистского учения, да и вообще всяких практик, претендующих на преобразование мира. Появившийся в 1929 г. в Праге «Евразийский сборник» (Книга шестая. Политика, философия, россиеование), помимо статьи Н. Н. Алексеева «Евразийство и марксизм», содержал и рассуждение В. Н. Ильина «О религиозном и философском мировоззрении Н. Фёдорова». Если углубиться в основную тему фёдоровского «учения», то всякий беспристрастный исследователь, искушённый в философии, сможет зафиксировать, как видится автору, что он имеет дело с активно-прагматической и реалистической постановкой основополагающего вопроса о смысле жизни и пределах смерти. Смерть хотя и является «страшной» проблемой, её можно и нужно решать, выдвигая на первый план задачу воскрешения, делая её доминантой всякого творчества. Поэтому у Фёдорова, как видится Ильину, стоит знак равенства между философией и воскрешением, и воскрешение есть предел философии, и в этом смысле уместно будет сказать, что у Фёдорова «философия» есть

любомудрие, где и любовь, и мудрость, и активное стремление к действенному осуществлению любомудрия в жизни [11, с. 678]. В учении Фёдорова Ильин видит суд над «капитализмом и сексуализмом», суд, который не по силам осуществить «элодеям-самозванцам марксо-коммунизма». Как гносеология, так и онтология Фёдорова, вычищенная из творчества Федорова Ильиным, свободны от тенденций в виде искусственной «надстройки» Маркса или «сублимации» Фрейда. Таким образом, «Философия Общего Дела» в своей основе «метасоциальна» и видится автору наиболее теоретически привлекательной и человечно-практичной для преобразования мира.

Впрочем, в это же время В. Н. Ильин, воспевший оду «Общему Делу» Фёдорова и осмеявший притязания марксизма, отходит от евразийского движения. Точнее, отходит от «левой» версии евразийского учения. Следует сделать контекстуальную оговорку, учитывая реалии движения: после 1929 г. евразийство существует в формате «правого» и «левого» направления. Д. П. Святополк-Мирский, например, выступал, говоря о Марксе или Фёдорове, с позиций «левого» еразийства. Что касается мнения по этому предмету «правых», то с ним можно было ознакомиться, например, посетив публичное собрание 10 декабря 1929 г., организованное в Париже в Музее Гимэ, где В. Н. Ильин выступил с докладом «Карл Маркс, Фёдоров и евразийство», или открыв газету «Возрождение» от 14 февраля 1929 г., со статьёй «Евразийцы в лоне абстрактных идей».

Сопоставление двух типов учения, ориентированных на преобразование действительности, учений, которых можно и нужно взять на вооружение евразийскому движению, обогатить этими идеями собственную философию, содержится в заметке Д. П. Святополк-Мирского «Путь Евразийства», опубликованной «Евразии» в начале января 1929 г. Д. П. Святополк-Мирский отмечает, что в самораскрытии духа евразийства немалую роль сыграл Фёдоров, что его «Философия Общего

«Дела» оказалась «ключом, открывшим нам истинное содержание нашей собственной философии». И хотя евразийцы всё же не «фёдоровцы» и в центральной идеи Фёдорова следует видеть лишь «гениальный миф», но всё же его можно признать своим учителем [11, с. 656]. Именно благодаря кругу идей из учения Фёдорова евразийцы пришли к пониманию того, что из всех западных мыслителей самым близким стал для них Маркс. И подобная метаморфоза произошла благодаря учению Фёдорова. Святополк-Мирского в Марксе привлекает прежде всего то, что и у Федорова, «установка на действие», на «философию делаемую», а не «философию думаемую». «Философы до сих пор только разными способами истолковывали мир, но дело в том, чтобы его переделать». Эти слова Маркса, которые также могли быть высказаны и самим Фёдоровым, всецело принимаются автором и его единомышленниками. Конечно, евразийцы ещё меньше марксисты, чем «фёдоровцы». Как Фёдоров, так и Маркс должны быть творчески, диалектически «преодолены». Однако в эволюции евразийства они на всегда останутся моментами решающего значения, и в евразийстве будущего «должно раскрыться полностью то, что у Фёдорова и у Маркса проявляется не полной мере, односторонне» [11, с. 657].

И в контексте диалектической переработки учений Фёдорова и Маркса Д. П. Святополк-Мирский вынужден вступить в полемику с П. Н. Савицким, который видит в левом уклоне отход от принципов канонического, ортодоксального евразийства. Свои аргументы Святополк-Мирский представил в одиннадцатом номере газеты «Евразия» в виде заметки «Наш марксизм» (1929). В попытке творчески освоить и конструктивно пересмотреть проблематику марксизма Святополк-Мирский и его единомышленники наткнулись на неожиданное для них сопротивление, которое исходило не от официальных марксистов, а от П. Н. Савицкого. Так как именно евразийство становится идеологией, наиболее полезной для послереволюционного

строительства, то и всё, что для этого строительства полезно, то пригодно и евразийству. В этом контексте, безусловно, пригоден и марксизм. Он представляется левым евразийцам не «догматической твердыней», каждый «камень» которой нужно защищать, а историческим явлением, разнообразным и текущим, а потому требующим вдумчивого подхода. Два момента привлекают его внимание прежде всего: возникновение учения «в гениальной голове» Маркса и роль его учения в русском революционном процессе. Русский марксизм, как ленинизм, важен как та реальная сила, которая организовала сначала революционную стихию, а затем и всё послереволюционное строительство. Так что марксизм в основе своей – политическая, волевая сила, элемент миросозерцательный в нём подчинён целям практической политики, философия его утилитарна, целиком определяется политическим требованием, интересами пролетариата. Главной проблемой Святополку-Мирскому видится то, что первичной философской интуиции Маркса дано было одностороннее развитие. И потому евразийцам с использованием диалектики по силам восстановить полное содержание марксизма и тем самым преодолеть упрощённый марксизм. И своеобразным «символом» такого «преодоления» для него стала философия Н. Ф. Фёдорова, которой преодолевается всякий односторонний монизм, будь то спиритуалистический, или материалистический, и преодолевается в направлении не только истинно-евразийском, но и истинно-христианском [11, с. 662–663].

Так сближение с кругом идей Фёдорова подвело левую часть евразийства к признанию конгениальности их взглядов к учению Маркса. Хотя симпатии части евразийцев к «Общему Делу» Фёдорова и учению Маркса были обоснованы практическим характером их философии, некоторые усмотрели в этом политическую деградацию, идеологическое приспособление к советскому строю. В итоге Н. С. Трубецкой в «Письме в редакцию» (1929) заявил, что «... газета “Евразия” в вышедших до сих

пор номерах отражала почти исключительно только одно из течений евразийства, притом течение склонное к замене ортодоксально евразийских идеологических положений элементами других, ничего общего с евразийством не имеющих учений (марксизм, фёдоровство)» [5, с. 300–301].

Раскол евразийского движения не только вносил раздор, но и усложнял дело создания собственной философии. Однако усилия в этом направлении не ослабевали, хотя и не приносили желаемого результата.

«Философия организационной идеи» П. Н. Савицкого (1933)

1 января 1933 г. Н. С. Трубецкой сообщал П. Н. Савицкому: «Вы спрашиваете моего суждения о харбинских фёдоровцах. Не будучи философом, я, конечно, не могу судить особенно компетентно ... Всё мировоззрение Фёдорова представляется мне некоторым эквивалентом позитивистического культа Разума, но только глубоко автохтонным русским. Безоговорочная вера в науку и в прогресс была характерна для того времени. У Фёдорова эта вера настолько сильна, что стала равна религии. Не думаю, однако, чтобы при настоящем философском подходе можно было оправдать это отождествление науки и религии» [11, с. 687]. И в следующем письме вновь затрагивают эту тему, которая из потенциально продуктивной стала деструктивной. Если сравнить современную стадию евразийства с предшествующим, то он видит как упадок «идеологического творчества» в целом, так и утрату «идеологической самостоятельности». «Соблазн, – пишет он 19 июня 1934 г., – вместо выковывания собственной самобытной идеи принять готовые чужие учения Маркса и Фёдорова восходит к Сувчинскому. Соблазн этот не только не преодолён, но наложил на всё последующее евразийство, как кламарское, так и некламарское, глубокий отпечаток. Разговоры о синтезе Фёдорова и Маркса всё продолжаются, и не только у дальневосточных попутчиков евразийства, но,

по-видимому, и в европейских е/враз/а/зийских/-группах» [11, с. 687].

С 7 по 10 июля 1934 г. в Праге проводилось совещание членов Президиума ЦК евразийской организации с членами Пражской евразийской группы. И на одном из заседаний был поставлен вопрос, среди прочего, об отношении к представителям фёдоровского движения. После обсуждения вопроса об отношении евразийства к фёдоровству П. Н. Савицкий предложил резолюцию, которая была принята. В ней в частности констатировалось, что принятие учения Фёдорова и его последователей – дело личного убеждения каждого евразийца, однако евразийству как движению в целом лучше «отграничиться» от «фёдоровства». 9 июля в рамках обсуждения вопроса «о дальнейшем развитии теории идеократии» снова поставил вопрос о Фёдорове, и последовали уточнения по разграничению учений, суть которых следующая: от философии Фёдорова не отказываемся, но и не растворяемся в ней.

Тема «идеократии» становится домinantной для евразийства последней фазы эволюции. Не вдаваясь здесь в детализацию значения концепта, отметим лишь, что идеократия подразумевает особый общественный строй, равно как и особую модель умонастроения. Идеократия, как верно подметил ещё в 1927 г. Н. А. Бердяев, есть господство подобранного правящего слоя, который является носителем «истинной идеологии». Эта идеология, по сути своей, и есть собственно евразийская философия. Особое значение этот концепт имеет для П. Н. Савицкого. Идеократический нарратив становится организующим для той группы, которая идентифицируется им как ортодоксальная. Оказавшись в ситуации раскола движения, Савицкий активнее использует разработку темы идеократии как интеллектуальной платформы для дальнейшего формирования собственно евразийской философии. И контуры этой философии представлены им в работе «Евразийство как исторический замысел» (1933). Статья Савицкого является раскрытием смысла истории и

контуров будущего в плане евразийского миропонимания, в основе которого видны и философские составляющие.

Каким же видится современный Савицкому мир, явления которого интерпретируются, точнее, описываются идеократическим языком? Установки сознания, которые демонстрирует Савицкий, роднят его, отчасти, и с Марксом. Ведь каждый, уверен Савицкий, в ком не умерли воля и чувство, может повторить один из тезисов Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Но не исключает он и другой модели поведения: лишь объясняя определённым образом мир, можно стремиться к его изменению. И евразийство демонстрирует как раз тот желанный ему тип поведения, когда, объясняя окружающую действительность, идеолог ставит себе задачей переделать её на иной, совершенный лад. Прежде всего переделке предназначена Россия и окружающий её мир.

Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом, и в других смыслах. Это не составная часть Европы или Азии, это «третий мир» Старого Света, отличный и в то же время соразмерный им. Россию-Евразию евразийцы воспринимают как «симфоническую личность». «Идея и понятие личности» занимают центральное место в мировоззрении евразийцев. Образ «личности» они привносят в проблемное поле своей философии истории, в итоге культурно-исторические миры они трактуют как особого рода «симфонические личности».

Коммунисты, взявшиеся за переделку России, не в состоянии понять, с чем они имеют дело в реальности, поскольку они искажены своей идеологией, и не владеют соразмеренной проблеме философией. Они не современны эпохе, в которой оказались. А новая эпоха обнаруживает идеократические тенденции не только в политической сфере, но и философской. Для новой эпохи характерно поведение,

когда носители сознания умеют создавать модели, прообразы, поскольку именно идея подчиняет себе материю, воплощается в ней, делается организационной идеей. «Философия евразийства есть именно философия организационной идеи» [9, с. 112]. Евразийская философия («философия организационной идеи») ограничена как от материализма, так и от отвлечённого идеализма. При этом евразийцы демонстрируют особого рода внимание к материальному, имеют особое «чутьё» к нему, а потому их часто обвиняют в «географическом материализме», материализме историческом и прочем. Но то материальное, с которым евразийцы имеют дело, – это «материя, проникнутая идеей, это материя, в которой дышит Дух» [9, с. 112].

Обратившись, к примеру, к истории, евразийцы изучают «организационные идеи и их носителей», в силу чего мысль их обращается к первоносителю тех идей, которыми руководствуется мироздание. Таким образом, погруженная в идеиное материальное философия евразийства имеет религиозное завершение [9, с. 112]. Говоря о том же, но иными словами, философия евразийства в версии Савицкого есть не что иное, как идеалистический материализм, и, уж само собой разумеется, материализованная в его лидерах «Русская Идея». Употребляемое же им понятие «организационной идеи» напоминает не только «Общее Дело» христианина-позитивиста Н. Ф. Фёдорова, но и доктрину неортодоксального марксиста Богданова: «Тектология: всеобщая организационная наука».

Заключение

Евразийство, как и русский марксизм той поры, – большевизм, – было новым взглядом на русскую и мировую историю, своеобразным проектом нового мирового порядка. «Евразийцы – это представители нового начала в мышлении и жизни», заявлял П. Н. Савицкий. Программа, основанная на признании разнообразных «сочетаний» элементов, подразумевала синтез

во всех сферах, создание органических конструкций во всех отраслях знания и видах деятельности – от науки до народного хозяйства. Для евразийского движения необходим был не просто «штатный» приват-доцент философии, но сложившийся мыслитель. Такой личностью и оказался Карсавин, последовательно разрабатывающий в условиях смутного времени свой вариант метафизики всеединства. У него была не только метафизика с «соборным, или симфоническим субъектом», но и «философия истории», а также продуманная позиция в отношении «философской публицистики». Однако его рассуждения о «симфонической личности» в метафизическом контексте были несколько громоздкими и не всеми понимались (а то и просто не принимались даже ведущими соучастниками движения, например, Н. С. Трубецким).

В 1929 г. Карсавин опубликовал работу «О личности», где изложил свою метафизику всеединства исходя из интересов исключительно метафизики, а не насущных задач евразийства. Далее за дело разработки философии принимаются новые участники движения: Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин. Последний вскоре отходит от евразийства, а Алексеева захватывают темы из области философии права, чему он был в большей степени обучен. Оживление в дело конструирования философии вносит Д. Н. Святополк-Мирский своим пересмотром роли марксизма и жизнительной силы учения Фёдорова, однако в итоге это привело не к доработке философской доктрины, а росту напряжения внутри движения. Не спасает положение и Савицкий, пытающийся опереться на элементы персонализма и идеологему «идеократии». Его тексты остаются все теми же «манифестами», а не элементами философской системы.

В итоге стало заметным, что и в евразийском движении проявились черты, присущие «советской» философии: «озвучивание» с помощью философского категориального аппарата глобальной социальной доктрины, избирательное (прагматичное) отношение к истории философии. Философствование, чаще всего дилетантское, в рамках евразийства не привело к евразийской философии, философии, в которой развиты онтология, гносеология и прочие привычные разделы, была бы система воззрений. Евразийство оказалось промежуточной формой между русской религиозной мыслью и советской философией, стадией ментальной гибридности. Евразийство как идеология с претензией на философское измерение оказалось промежуточной формой, но не посредником между русской мыслью и советской мировоззрением.

Евразийство так и не сформировало собственной философии. У него был лишь проект философии, в котором за основу принимались некоторые положения из истории русской дореволюционной мысли. Этого было достаточно для философствования внутри воображаемого «континента», но не для изменения конкретной реальности в соответствии с принципами собственной идеологии. Таким образом, евразийская философия – это философия лишь планируемого государства, умозрительной цивилизации, философии, в которой решающую роль играет воображение. Итог проделанной работы можно проиллюстрировать письмом Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому от 20 мая 1933 г.: «Очевидно, евразийство есть слишком пёстрый конгломерат идей, систематическая связь которых обнаруживается лишь при помощи развитого (<может быть,> даже переразвитого) философского мышления» [12, с. 368].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахитов Р. Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. СПб.: Владимир Даль, 2023. 239 с.
2. Ермишина К. Б. Евразийство в зеркале исследовательских подходов, или поиски конкретного понимания идейного комплекса движения // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 1. С. 28–42. DOI: 10.21146/2949-3102-2023-1-1-28-42.

3. Мартинкус А. Соблазн могущества. Трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 367 с.
4. Оболевич Т. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 304 с.
5. Мир России – Евразия: антология / сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. 336 с.
6. Кожевников А. Философия и В.К.П // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 72–74.
7. Карсавин Л. П. Философия и В.К.П. По поводу статьи А. В. Кожевникова // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 75–77.
8. Евразийский сборник. Политика. Философия. Россиеведение. Книга VI / под ред. Н. Н. Алексеева, В. Н. Ильина, Н. А. Клепинина, П. Н. Савицкого, К. А. Чхеидзе. Прага: Политика, 1929. 80 с.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Автограф, 1997. 461 с.
10. Гачева А., Казина О., Семенова С. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 400 с.
11. Н. Ф. Фёдоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2 / сост. А. Г. Гачевой. М.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2008. 1216 с.
12. Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Мир, 2008. 496 с.

REFERENCES

1. Vakhit, R. R. (2023). *Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol. Myth.* St. Petersburg: Vladimir Dal publ. (in Russ.).
2. Ermishina, K. B. (2023). Eurasianism in the Mirror of Research Approaches, or the Search for a Certain Understanding of the Movement's Ideological Complex. In: *National Philosophy*, 1 (1), 28–42. DOI: 10.21146/2949-3102-2023-1-1-28-42 (in Russ.).
3. Martinkus, A. (2021). *The Temptation of Power. Transformation of the "Russian Idea" in the Philosophy of "Classical" Eurasianism (1920–1929)*. Moscow, Berlin: Direct-Media publ. (in Russ.).
4. Obolevich, T. (2020) *Semyon Frank, Lev Karsavin and the Eurasians*. Moscow: Modest Kolerov publ. (in Russ.).
5. Novikova, L. I., Sizemskaya, I. N., compls. (1995). *The World of Russia – Eurasia*. Moscow: Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
6. Kozhevnikov, A. (1992). Philosophy and CPSU. In: *Voprosy filosofii*, 2, 72–74 (in Russ.).
7. Karsavin, L. P. (1992). Philosophy and CPSU. Regarding A. V. Kozhevnikov's Article. In: *Voprosy filosofii*, 2, 75–77 (in Russ.).
8. Alekseeva, N. N., Ilyin, V. N., Klepinin, N. A., Savitsky, P. N., Chkhheidze, K. A., eds. (1929). Eurasian Collection. Politics. Philosophy. Russian Studies. Book VI. Prague: Politics publ. (in Russ.).
9. Savitsky, P. N. (1997). *Continent of Eurasia*. Moscow: Autograph publ. (in Russ.).
10. Gacheva, A., Kazina, O. & Semenova, S. (2003). *Philosophical Context of Russian Literature of the 1920–1930s*. Moscow: IMLI RAS publ. (in Russ.).
11. Gacheva, A. G., compl. (2008). *N. F. Fedorov: Pro et Contra. Book 2*. Moscow: Russian Christian Humanitarian Institute publ. (in Russ.).
12. Sobolev, A. V. (2008). *About Russian Philosophy*. St. Petersburg: Mir publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василий Викторович Ванчугов – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily V. Vanchugov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of History of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Original research article

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-54-64

ON SOME ASPECTS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Ya. Bondareva^{1*}, Yu. Kolesnichenko¹, N. Kargin¹, V. Ivlev², D. Kostadinovic³

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation*

³*University of Niš, Niš, The Republic of Serbia*

*Corresponding author; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Received by the editorial office 08.10.2025

Revised by the author 17.10.2025

Accepted for publication 22.10.2025

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, to reveal in detail the nature, essence and content of scientific research, to reveal some aspects of the general scientific algorithm of cognition as an integral universal tool, as well as some aspects of categorical thinking.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using methods of classification and comparative analysis.

Results. It has been established that the general scientific algorithm of cognition is formed primarily on the basis of philosophical knowledge, but at the same time, its content dialectically "subtracts" the methodological capabilities of both sectoral and specific sciences. The general scientific algorithm of cognition can rightfully be considered fundamental in the methodology of scientific research. It is the first necessary link in the methodology of analyzing all phenomena of reality without exception. The general scientific algorithm of scientific research largely determines the essence of the procedures for selecting scientific methodological tools for solving cognitive problems and, at the same time, influences the determination of the sequences of their use in the study of phenomena.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: science, methodology, algorithm of cognition, categories, activity

For citation:

Bondareva, Ya. V., Kolesnichenko, Yu. V., Kargin, N. N., Ivlev, V. Yu. & Kostadinovic, D. (2025). On Some Aspects of Scientific Research. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 54–64. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-54-64>.

Научная статья

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бондарева Я. В.*, Колеснichenко Ю. В.¹, Каргин Н. Н.¹, Ивлев В. Ю.², Костадинович Д.³

¹*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация*

²*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация*

© CC BY Бондарева Я. В., Колеснichenko Ю. В., Каргин Н. Н., Ивлев В. Ю., Костадинович Д., 2025.

³Университет в Нише, г. Ниш, Республика Сербия

*Корреспондирующий автор; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.2025

После доработки 17.10.2025

Принята к публикации 22.10.2025

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально раскрыть природу, сущность и содержание научного исследования, а также некоторые аспекты общенаучного алгоритма познания как интегрального универсального средства и категориального мышления.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. Установлено, что общенаучный алгоритм познания формируется прежде всего на базе философского знания, но вместе с тем в его содержании диалектически «сняты» методологические возможности как отраслевых, так и частных наук. Общенаучный алгоритм познания правомерно считать базовым в методологии научных исследований. Он является первым необходимым звеном методологии анализа всех без исключения явлений действительности. Общенаучный алгоритм научных исследований во многом определяет суть процедур выбора методологических средств науки для решения задач познания и в то же время влияет на определение последовательностей их использования в ходе изучения явлений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: наука, методология, алгоритм познания, категории, деятельность

Для цитирования:

On Some Aspects of Scientific Research / Я. В. Бондарева, Ю. В. Колесниченко, Н. Н. Каргин, В. Ю. Ивлев, Д. Костадинович // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 54–64. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-54-64>.

Introduction

The writing of this article is motivated by a number of factors. In our view, the most significant are the following.

As is well known, in our country, a course entitled “Methodology and Methods of Scientific Research” was introduced into the graduate student training system in 2014. Without a doubt, classes on this topic should be based on specific scientific, methodological, and methodological sources. At the same time, there are currently few sources that fully and systematically present the problems of a course devoted to the methodology of scientific research.

Fragments concerning this issue are scattered across numerous works, which undoubtedly complicates the work of graduate students studying this course. Furthermore, the lack of a systematic educational and methodological source on the methodology of sci-

entific research does not ensure a productive resolution of the contradictions presented in the works of various authors studying this topic. Analysis shows that in modern scientific literature, one can encounter mutually exclusive points of view on both the nature of scientific methodology and its content, essence, and functions.

In short, the introduction of “Methodology and Methods of Scientific Research” as a mandatory course in postgraduate training presupposes the creation and writing of a number of teaching aids devoted to these topics [1; 2].

Unfortunately, the work of teaching future research scientists the art of modern scientific methodology began in a context of a certain “allergy” to the methodological component of the development of modern science and practice. The current state of affairs can be characterized as a kind of “demethodologization”, where methodology is replaced by a host of

different methods. Furthermore, many dissertation councils have not defended dissertations on methodological topics for years, even decades. Moreover, many councils simply lack experts specifically focused on methodological issues.

Unfortunately, in recent years, a careless and oversimplified attitude toward the work of renowned scientific methodologists has become quite evident. This has particularly affected prominent philosophers who have made significant contributions to the development of general scientific methodological issues. Among them, we note once again with regret, were I. D. Andreev, V. G. Afanasyev, G. A. Brutyan, A. V. Brushlinsky, V. S. Gott, V. N. Demin, A. P. Dmitriev, E. V. Ilyenkov, B. M. Kedrov, O. I. Kedrovsky, A. A. Kokorin, M. I. Konkin, P. V. Kopnин, V. P. Kokhanovsky, S. A. Lebedev, A. N. Leontyev, I. S. Narsky, T. I. Orzeiman, M. E. Omeleyanovsky, Z. M. Orudzhev, A. I. Rakitov, G. I. Ruzavin, M. N. Rutkevich, V. N. Sagatovsky, E. F. Solopov, A. G. Spirkin, L. N. Suvorov, Zh. T. Tulenov, V. S. Tyukhtin, S. A. Tyushkevich, A. D. Ursul, S. M. Shalyutin, V. S. Shvyrev, A. P. Sheptulin, E. G. Yudin, and many others. Neglecting the experience of these researchers has essentially deprived modern methodology of a solid historical foundation, a basis for its ongoing development.

In fairness, it should be noted that the criticism of Marxist theory, and at times its rejection, has led to the “baby” – that is, Marxist methodology – being thrown out with the bathwater of nihilism regarding Marxism. The latter contained much that was constructive, productive, and vital. It is worth noting, not without satisfaction, that those modern scholars who find a fruitful component in Marx’s methodology are right to do so. This is manifested, above all, in a return to the methodology of Marxist economic theory [3].

It is justifiably concerning that a “methodological fad” has developed in contemporary scientific research – a “fashion” for the obligatory use of certain “fashionable” methodologies, often ones that have not yet fully proven their true scientific status. This weak-

ens scientific research. Among such “fashionable” methodological schools (without denying their significance, but objecting to the exaggeration of their research potential), we should mention: abstractionism, globalism, dogmatism, synergism, structuralism, sukenism, antiscentism, functionalism, evolutionism, and other “calling cards of postmodernism”. It is obvious that exaggerating the role of these methodologies weakens the methodological culture of scientific research.

Scientific research is often based not on scientific methodology, but on conventional methods – at best, common sense methodologies. While not categorically denying their existence and role in society, one must recognize the limitations of their research capabilities. This fact also necessitates rigorous approaches to understanding the essence and functional capabilities of scientific methodology.

There is reason to believe that many researchers lack a thorough understanding of the dialectic of such closely interrelated and complementary phenomena as scientific theory, scientific methodology, and scientific method. Theoretical forms are often equated, or even identified, in the minds of researchers with methodological tools (techniques, methods, approaches, methods, and methodologies), and the dialectic of methodological tools (techniques, methods, approaches, methods, and methodologies) is equated with basic methodological procedures (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, observation, abstraction, modeling, experimentation, and other procedures of scientific inquiry).

In our opinion, modern science does not devote sufficient attention to the study of the dialectical connections between the methodologies of specific, sectoral, and philosophical disciplines. Yet, it is clear that solving scientific research problems in all relevant areas of knowledge presupposes the interdisciplinary integration of methodologies. This circumstance served as a unique trigger for writing this paper.

This obvious fact hardly requires extensive comment. What is at stake? The point is that the creation of works on scientific research

methodology forms the necessary foundation for effectively integrating science and practice. In this context, one can imagine the operation of logical relationships: the more thoroughly a scientific research methodology is developed and applied, the more profound the results of scientific inquiry. And the more adequate these results are to real-life processes, the closer they are to practice, the more effectively they can serve its interests.

We could continue to state the obvious facts, but those already described are probably sufficient to note that the social demand for works devoted to scientific research methodology has been created by life itself. It has been created by science and practice. It has been created by statistics concerning scientific research in recent years, the methodological basis of which is very often below average.

Scientific Research: Nature, Content, Essence

The objectives of this topic, without a doubt, must be addressed in three directions. First, it's clear that without understanding the essence of science as a specific social phenomenon, it's unlikely that one can deeply grasp the nature, content, and essence of scientific research. Second, it should be acknowledged that understanding the essential characteristics of science doesn't solve all the chapter's objectives. These objectives require developing a rigorous, objective approach to the phenomenon of the research process (study), since this chapter deals with scientific research. Finally, a complete picture of the nature, content, and essence of scientific research can be obtained by integrating knowledge about the essence of science with an understanding of the research process.

On Some Aspects of the General Scientific Algorithm of Cognition

Let us cite authoritative researchers on this topic. According to V. M. Burmakin, "the emergence and genesis of the general scientific algorithm of cognition has a completely obvious determination. All phenomena of existence, in addition to specific laws, are subject

to the action of universal laws. This means that there exists a common foundation for their study, following the requirements of which it is possible to derive a general scientific algorithm for understanding the phenomena of existence. This foundation manifests itself in all situations and acts of scientific research, which we find confirmation of in the methodologies of both specific, sectoral, and philosophical sciences. Thus, the conclusion was born that identifying the common ground contained in the algorithms of all sciences will bring us closer to defining the essence of the general scientific algorithm of cognition, which is the main determinant of the methodology of scientific research, working in the interests of scientific research in all areas" [4, c. 61].

The author rightly believes that by its nature, the general scientific algorithm of cognition is "an integral universal tool formed in the course of the development of science, ensuring effective scientific research of all phenomena of existence without exception" [4, c. 61].

The author then rightly states: "An analysis of algorithms that have worked and are working in a wide variety of research fields has led to the following conclusions. First, no single study, in any field of knowledge, allows for the simultaneous and complete understanding of the phenomena of its subject area. Research always begins with the understanding of the elements, parts, aspects, and fragments of its objects. This is achieved through analysis, which ensures the dissection of the phenomena under study into their components and their understanding independent of the whole" [4, c. 61].

The general scientific algorithm of cognition, in its first position, prescribes the identification and study of elements (parts, fragments, aspects, sectors, etc.) of the phenomena being studied. It is obvious that, having identified and studied the essence of the elements that form the objects of cognition, it is necessary to study their interactions with one another. This is the second link, the second position, in the implementation of the methodological requirements of the general scientific algorithm of cognition.

It is common knowledge that each phenomenon under study represents a certain integrity (whole). Experience shows that the integrity of phenomena is ensured by the fact that their elements are interconnected in certain ways (in certain) sequences. These ways exist in all phenomena without exception (natural, social, intellectual).

The author rightly draws several conclusions:

1. The general scientific algorithm of cognition is formed, first and foremost, on the basis of philosophical knowledge, since it is philosophy that deals with the essence of universal processes occurring in nature, society, and human consciousness.

2. At the same time, the general scientific algorithm was formed not only on the basis of philosophy. Its content dialectically "sublates" the methodological capabilities of both sectoral and specific sciences.

3. The general scientific algorithm of cognition can rightfully be considered fundamental in the methodology of scientific research. It is the first necessary link in the methodology of analyzing all phenomena of reality without exception.

4. By itself, the General Scientific Algorithm of Cognition does not and cannot solve the entire set of scientific research problems. Its application in research must necessarily be supplemented by the methodological tools of other sciences.

5. The general scientific algorithm of scientific research largely determines the essence of the procedures for selecting scientific methodological tools for solving cognitive problems and, at the same time, influences the determination of the sequences of their use in the study of phenomena.

In short, it has a significant impact on the methods of understanding phenomena. In this rather condensed form, one can imagine the role and significance of the general scientific algorithm of cognition for the theory and practice of scientific research. In essence, the general scientific algorithm of cognition can rightfully be classified as the basic algorithm of scientific research [4, c. 65].

On Some Aspects of Categorical Thinking

V. I. Lenin's thought, recorded in his "Philosophical Notebooks" while taking notes on Hegel's "Science of Logic", is very interesting, modern, and productive. He wrote: "... concepts are the highest product of the brain, the highest product of matter" [5, c. 149]. These ideas subsequently developed, more or less, and were expressed in the following interpretations.

Some modern researchers draw our attention to the definition of a concept as a form of science, the attributes of which are presented in a fairly broad range in the pages of scientific literature. A concept is often interpreted as an idea of something, a way of understanding something, intellect, a logically dissected general thought about an object, including a number of interconnected attributes. As a rule, a concept is considered the result of intellectual activity, representing the systematization of information about a phenomenon and the naming of that phenomenon. This position has been developed in approaches to the essence of concepts as thoughts that reflect the attributes of phenomena of a certain class [6, c. 368].

The authors rightly state: "In science, there is a fairly authoritative and stable definition of concepts as a form of thought capturing the essential properties of phenomena. There is a position – its essence: a concept captures not only the general characteristics of phenomena, but also the connections between them. We believe that the following definitions of concepts deserve special attention, as they are, in many ways, consonant with what has already been said about them. However, at the same time, they carry a certain clarifying load" [6, c. 368].

In particular, it is impossible to ignore the remark that a concept is a logically formulated general thought about an object, an idea of something; a representation, information about something. It is easy to see that the authors of the above conclusions view concepts as generalized thoughts, information about something, as ideas, and even as a method, a

level of understanding something. It seems to us that with this approach, any thought about phenomena can be interpreted as a concept, and this is difficult to agree with.

Indeed, "concepts are logical forms of thinking, like judgments and inferences, which, in our opinion, are expressed through concepts. This means that it is not entirely correct to discuss concepts as opposites of these forms. In short, researchers who view concepts as thoughts, forms of thinking that reflect and generalize the essential aspects and characteristics of phenomena, are closest to the truth" [6, c. 372].

It's common knowledge that terms, definitions, qualifications, and categories stand in the same logical order as concepts. Thus, it becomes necessary to express one's attitude toward these forms.

First, let's look at terms. In scientific literature, they are presented in essentially the same way, albeit with certain nuances. First, we should agree with this version of the distinction between concepts and terms. Its authors write: "...(as a rule, a concept is interpreted as an element of thought, and a term as an element of language)..."¹. The following clarification cannot be ignored: "A term (from the Latin terminus – limit, boundary) is a word or phrase denoting a specific concept in a specific area"². Clearly, this definition of the term also contains: a) an indication that it denotes a concept; b) it is its verbal form.

In fact, the same position is expressed in another source. The only difference is that the term, as a linguistic unit, serves as a means of objectifying the work of thought. Literally, it reads as follows: "A term...A linguistic unit is a word (or combination of words) that is the result of the objectification of the work of thought, denoting concepts in a specific field of science, technology, art, etc."³ As can be

seen, the proposed conclusion contains the observation that terms serve concepts not only in science, but also in technology, art, and other social fields.

The following statement adds a unique flavor to the understanding of the essence of terms: "A term is a word or combination of words that precisely defines a concept used in science, technology, or art"⁴.

A certain intrigue arises when terms are qualified as forms that precisely reflect the essence of concepts. In this regard, it can be noted that the problem of the precise content of terms as linguistic forms requires additional attention and clarification.

It is important to note that in the above conclusion, definition is interpreted as a procedure for revealing the essence of concepts by listing their attributes. In other words, it plays the role of concretizing the essence of concepts. This can be agreed with if we consider the concrete understanding of the content of concepts.

It's not unreasonable to understand definitions as forms of consolidation, most likely terminological, of the essential features reflected by concepts. There are many findings in science that guide us toward understanding definitions as forms that capture the meaning of terms. Thus, one encyclopedic publication notes: "A definition (from the Latin *definitio* – limit, boundary) is a logical procedure for imparting a strictly fixed meaning (content) to linguistic terms".⁵ As can be seen, definitions and attributions are conflated here. This is true on the one hand. On the other, they are categorized as logical procedures for determining the meaning of linguistic terms.

A position similar to the above point of view is defended by authors who assert: "A definition (definition) 1) establishes the meaning of an unfamiliar term (word)... 2) clarifies the subject matter, unambiguously characterizes it..."⁶. This conclusion implies that definitions

¹ Елецкий Н. Д. Общая экономическая теория (политическая экономия): учебник. 2-е изд. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. С. 23.

² Куликов Л. М. Основы экономической теории: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 13.

³ Большой толковый словарь русского языка. Грамота: [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=термин&mode=slovare&dicts\[\]](https://gramota.ru/poisk?query=термин&mode=slovare&dicts[]) (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ Борисов Е. Ф. Экономическая теория: учебник для вузов. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 19.

⁵ Словарь философских терминов / науч. ред. Б. Г. Кузнецова. М.: Инфра-М, 2005. С. 392.

⁶ Новый энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2004. С. 847.

and definitions are identical; that they serve to establish the meaning of terms; that they help clarify the subject of knowledge, imparting certainty to concepts and unambiguity (relatively, of course) to their characteristics.

We believe that researchers who qualify definitions as “a brief definition, an interpretation of a concept, reflecting its main characteristics” are closest to the truth [4, c. 61]. This view of the essence of definitions is perhaps plausible. It notes at least two essential characteristics: “a) a brief definition; b) reflecting the main features of the concept. And terms are the verbal form of expression, the linguistic representation of concepts” [4, c. 62].

Definitions and qualifiers are essentially identical. They are means of establishing the meaning of terms, of concretizing, clarifying, and establishing the boundaries of the meaning of concepts, giving them semantic certainty.

Definitions and qualifiers are aimed at reflecting the main characteristics of concepts. Definitions and qualifiers can be distinguished, very conditionally, only by considering definitions as extremely brief, laconic definitions.

Thus, we can conclude: terms, qualifiers, and qualifiers are forms that help reveal and clarify the meaning and content of concepts. In other words, these are forms that work in the interests of concepts, deepening understanding of their content. Having more or less understood the unity and differences between terms, qualifiers, and concepts through an analysis of scientific literature, we will finally turn our attention to the problem of the relationship and interaction of concepts and categories.

Let's first consider what modern science has to say on this matter. First, it should be noted that the overwhelming majority of researchers view concepts and categories as forms of the same order. Most often, categories are defined through concepts. There is ample evidence for this. Second, there is a viewpoint in science that guides us toward understanding categories as semantic concepts. This view is presented in the following version: “Economic

categories – semantic concepts of economic theory...”¹.

Clearly, this approach to categories suffers from a double “suffering”. On the one hand, it's clear that there can be no meaningless concepts and categories in science. On the other hand, if this is true, then it's obvious that distinguishing or equating concepts and categories is truly meaningless.

Third, the prevailing position in science and practice is that categories are viewed as theoretical concepts. In our opinion, both concepts and categories in science are theoretical forms. It's unlikely that this assertion provides grounds for seeking their identification.

Fourth, it's worth noting that categories are fundamental concepts². If fundamentality in science is understood as the certainty, solidity, and stability of its forms, then it is clear that this characteristic extends not only to scientific categories, but also to its laws, principles, concepts, and theories. Indeed, to science itself.

Many modern authors point out that categories are also forms of science, reproducing the essence of the elements and parts of the phenomena being studied. Let's not be unfounded. Let us present premises that support this conclusion. In particular, we read: “... scientific categories are concepts expressing individual, generalizing aspects of economic phenomena”³.

Other economists approach the ontological foundation of categories in a similar way. The following premise deserves some attention: “An economic category is a logical concept that reflects, in abstract form, the most essential aspects of economic phenomena, processes, and mechanisms”⁴. As can be seen, the emphasis here is on the essential aspects of phenomena.

Sixth, an analysis of science and practice, on the one hand, shows that virtually all re-

¹ Носова С. С. Экономическая теория: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Кнорус, 2016. С. 23.

² Елецкий Н. Д. Общая экономическая теория (политическая экономия): учебник. 2-е изд. Ростов-н/Д: Феникс, 2008. С. 23.

³ Гусейнов Р. М. Экономическая теория: учебник. М.: Омега-Л, 2008. С. 13.

⁴ Экономическая теория: учебник / под ред. И. П. Николаевой. 2-е изд. М.: ЮНИТИ, 2008. С. 7.

searchers see an ontological foundation for concepts and categories. On the other hand, they often interpret this broadly, believing that they work not only to reflect the essence of the elements, parts, and properties of cognizable phenomena, but also to understand the essence of the interactions of phenomena both with each other and with the environment. In our opinion, this leads to a "blurring" and "loosening" of the ontological foundation of concepts and categories, leading us into the realm of laws – forms of science that should precisely reflect the stable, essential, and necessary connections of phenomena.

Obviously, relationships and connections can also be viewed as specific elements, parts, and fragments of being and expressed through specific categories (interaction, relation, connection, law), but this is a different ontological cross-section of reality. It differs from the first-level epistemological task – understanding the essence of the elemental composition of the analyzed phenomena. In particular, science produces conclusions whose content identifies categories and laws¹.

Seventh, concepts and categories are identified not only with the content of laws. There are conclusions that guide us toward identifying categories with principles. The reason for identifying categories and concepts with principles, as we see it, lies in ignoring their ontological (existential) foundations.

Eighth, a rather original and at the same time productive conclusion is that all "categories are concepts, but not all concepts are categories".² There's hardly any need for extensive commentary here. There's only one "working" commentary. It's widely presented in the literature. Its essence is this: categories are concepts of the utmost generality. This characteristic of categories is pointed out by many researchers, one might say the majority³. In this context, one cannot ignore the message: "Categories (from the Greek *kategoria*)

¹ Философия: учебник / отв. ред. В. П. Кохановский. М.: Кнорус, 2015. С. 263.

² Там же. С. 262.

³ Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебное пособие. М.: Персе, 2001. С. 55, 198; Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 558.

– statement; attribute), primary concepts, extremely general, fundamental concepts..."⁴

As can be seen, categories are presented here as extremely general, fundamental concepts. In connection with this conclusion, it can be noted that all scientific concepts have a high degree of generality, as they reflect the essential characteristics of phenomena of a certain class.

When considering categories as scientific concepts of the highest degree of generality, a legitimate question arises: how can we understand them, how can we discern them, and by what criteria can we classify the highest degree of generality?

Let's turn to researchers who correctly distinguish between individual and general concepts. "A general concept, as opposed to an individual concept, signifies a concept of a genus, class, or species".⁵

Indeed, over the course of human life, people develop an individual view of the world, expressed in individual concepts. At the same time, science elevates people to the level of general concepts that reflect the essence of classes, species, and genera. That's the first point. Second, distinguishing three groups of disciplines – natural science, social science, and consciousness – it's legitimate to discuss the concepts and categories of each of these fields based on their degree of commonality.

Finally, there is philosophy, which deals with the laws of nature, society, and consciousness taken together. It is this philosophy that develops categories as concepts of the utmost generality. Those researchers who observe, "Philosophy attempts to develop universal concepts – categories", are right.⁶ It seems to us that they coincide in their ontological foundation. This gives us the right to regard them as forms that differ little from each other in their content. This point of view is presented in many sources.

True, there are also "variations" on this theme. One cannot ignore the numerous con-

⁴ Новый энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2004. С. 493.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 313.

⁶ Моисеева Н. А., Сороковикова В. А. Философия: краткий курс. СПб.: Питер, 2010. С. 14.

clusions that a category is a scientific concept expressing the most general properties and relationships of phenomena in reality¹.

To summarize the above, it's easy to see that categories are interpreted in the vast majority of cases as concepts, albeit very general ones, reflecting the essential characteristics of certain classes of phenomena. Economics experts overwhelmingly agree with this conclusion.

To be fair, it should be noted that sometimes the essence of economic categories is interpreted somewhat reductively, focusing on specific areas of the economic process. Moreover, this approach deviates somewhat from the established position in the approach to categories, which asserts that their content captures the essential characteristics of phenomena. In this regard, the idea that economic categories are merely "semantic concepts of economic theory that reflect the content of production (economic) relations" is skeptical². And then, why is the subject matter of economic theory reduced in this case to the content of production relations? It seems to us that it is much broader.

It is hardly possible to fully agree that categories should be considered only as certain theoretical concepts (for example, value, trade, money, credit, etc.)³ without defining their substantive, essential and functional characteristics.

Perhaps the most striking implication in the above conclusion is the premise: categories are ultimate concepts. A legitimate question arises: what are ultimate concepts? The vagueness of the terms through which the essence of certain forms of scientific knowledge is expressed, as is well known, does not contribute to the strengthening of their theoretical foundations.

In fairness, the following statement should be cited: "A category (Greek *kategoria* – statement, accusation; attribute) is an extremely

general concept. It is formed as the final result of abstracting the specific attributes of objects. For it, a more general, generic concept no longer exists, and at the same time, it possesses minimal content, i.e., it captures the minimum attributes of the objects it encompasses. However, this content reflects the fundamental, most essential connections and relationships between objective reality and cognition"⁴.

As can be seen, it attempts to define categories as extremely general concepts. According to the authors, they possess minimal content, that is, they capture a minimum of the attributes of the phenomena they encompass. And there's much here that's puzzling and not entirely clear. What does minimal content mean? What does it mean to encompass a minimum of attributes of knowable phenomena? The conclusion that, for example, an economic category is "a scientific concept that abstractly characterizes the essence of a phenomenon" sounds quite problematic⁵.

The question arises: what does "abstractly" mean? One might assume that the category does not reflect the essential characteristics, in this case, of economic phenomena. Such categories are hardly needed in science. However, if the point is that categories reflect the essence of phenomena in a specific verbal form, then this clarification is necessary. Such a clarification has been proposed by other authors in science.

They write: "Category,... [Greek: *kategoria*] (A scientific concept denoting some very general, abstract class of phenomena, objects, or their characteristics)".⁶ One cannot ignore the conclusion that "...economic categories, i.e. logical concepts that represent a theoretical expression of the real conditions of life of society..."⁷.

⁴ Новейший философский словарь. М.: Книжный дом, 2003. С. 310.

⁵ Политическая экономия: словарь / под ред. О. И. Оруджева. М.: Политиздат, 1990. С. 579.

⁶ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1935. С. 341.

⁷ Экономическая теория: учебник / отв. ред. А. И. Добрынин, Л. С. Тарасевич. 4-е изд. СПб.: Питер, 2009. С. 20.

It follows that economic categories are, after all, theoretical expressions of real processes of existence. Quite interesting and productive is the observation that categories “focus attention on the elements of the system of production relations, while laws focus on the connections within this system...”¹.

As can be seen, the author of the above position links the content of categories with the elements of phenomena, and defines laws as their interrelations. This conclusion is particularly interesting, as it points to an understanding of categories as forms that reflect the essence of the elements that form specific phenomena. In other words, it directly points to the ontological foundation of categories, to the essence of the elements that form the phenomena of reality. At the same time, the author of this point of view points out that the ontological basis of laws is the connections

between these elements. This point of view, in our opinion, is closest to the truth.

Conclusion

Thus, in our opinion, the above conclusions essentially reflect modern researchers' understanding of the essence of categories. Let us relate them to approaches to the content of concepts. Let us present this relationship through a series of positions: concepts and categories are forms of scientific knowledge; they share a common ontological foundation – the essence of individual elements, aspects, and their connections. Essentially, while concepts reflect the essential characteristics of phenomena within certain classes, categories reflect the essential characteristics of all classes of phenomena without exception. In other words, across the entire scientific horizon, only philosophical (general scientific) concepts can attain the status of categories.

REFERENCES

1. Gorbunov, A. S. & Miroshkin, M. S. (2022). Methodological Problems of Scientific Research: On the Functions of Science. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2021)*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 106–116 (in Russ.).
2. Dzhalyu, Ya. I. & Kurabtsev, V. L. (2022). Practice and Its Social Functions. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2021)*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 117–123 (in Russ.).
3. Arkhangelskaya, N. O. & Orlova, I. I. (2022). Philosophical Categories as a Methodological Basis for Scientific Research. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the Sixth International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2022)*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 16–27 (in Russ.).
4. Burmakin, V. M. (2022). On the Nature and Content of the General Scientific Algorithm of Cognition. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2021)*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 61–66 (in Russ.).
5. Lenin, V. I. (1969). *Complete Works. Vol. 29: Philosophical Notebooks*. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
6. Filippov, I. M. & Zagrebin, M. V. (2022). On Concepts (Categories) as Science Forms. In: *Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference (Moscow, November 25, 2021)*. Moscow: Russian University of Transport publ., pp. 368–374. (in Russ.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.). М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.

¹ Елецкий Н. Д. Общая экономическая теория (политическая экономия): учебник. 2-е изд. Ростов-н/Д: Феникс, 2008. С. 25.

2. Джакю Я. И., Курабцев В. Л. Практика и её социальные функции // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2021 года). М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 117–123.
3. Архангельская Н. О., Орлова И. И. Философские категории как методологический базис научных исследований Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Шестой Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2022 г.). М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 16–27.
4. Бурмакин В. М. К вопросу о природе и содержании общенационального алгоритма познания // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.). М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 61–66.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29: Философские тетради. М.: Издательство политической литературы, 1969. 782 с.
6. Филиппов И. М., Загребин М. В. О понятиях (категориях) как формах науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов Пятой Международной научной конференции (Москва, 25 ноября 2021 г.). М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 368–374.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head at the Department, Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0438-4035

Julia V. Kolesnichenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education;
e-mail: julikol@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-9117-9125

Nikolay N. Kargin (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Theory and Methodology of Physical Education and Sports, Federal State University of Education;
e-mail: nikolay.kargin@gmail.com; ORCID: 0009-0007-9099-4019

Vitaly Yu. Ivlev (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Philosophy Department (SGN-4), Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5862-6378

Danijela D. Kostadinovic (Niš) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);
e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs; ORCID: 0009-0007-2727-2590

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0438-4035

Колесниченко Юлия Викторовна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор Государственного университета просвещения;
e-mail: julikol@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-9117-9125

Каргин Николай Николаевич (г. Москва) – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методики физического воспитания и спорта Государственного университета просвещения;
e-mail: nikolay.kargin@gmail.com; ORCID: 0009-0007-9099-4019

Ивлев Виталий Юрьевич (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» (СГН-4) Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5862-6378

Костадинович Даниэла (г. Ниш, Республика Сербия) – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша;
e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs; ORCID: 0009-0007-2727-2590

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-65-76

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

Коськов С. Н., Иваненко М. А.*

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e -mail: maksimivanenko02@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.09.2025

После доработки 07.10.2025

Принята к публикации 20.10.2025

Аннотация

Цель. Оценка современной концепции взаимосвязи философии и науки в работах С. А. Лебедева по философии и методологии науки.

Процедура и методы. Полученные в ходе данного исследования результаты основываются на аналитическом, логико-историческом и герменевтическом методах.

Результаты. Были выявлены основные пункты позитивно-диалектической концепции взаимодействия философии и науки, которые проходят через всё творчество отечественного методолога. Проект С. А. Лебедева акцентирует внимание на исследовании норм и идеалов научного познания, ценностей и научных картин мира как посредников между философией и наукой. Социальный и конструктивистский взгляд на субъект и объект научного познания и знания дополняется оригинальными концепциями: консенсуальным характером природы научной истины, системным методологическим плюрализмом, методологической культурой учёного и уровневой методологией. Реальность, определяемая через понятия эталона и объективного мира как мира возможностей, выступает средой для консенсуального диалога философии и науки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Идеи С. А. Лебедева, изложенные в его работах, вносят большой вклад в разработку сложного механизма взаимодействия философии и науки, философских идей и естественнонаучных теорий.

Ключевые слова: конвенционализм, консенсуализм, научная картина мира, научное знание, уровневая методология науки, философия науки, эпистемологический конструктивизм

Для цитирования:

Коськов С. Н., Иваненко М. А. Современная концепция взаимоотношения философии и науки // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 65–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-65-76>.

Original research article

THE MODERN CONCEPT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PHILOSOPHY AND SCIENCE

S. Koscov, M. Ivanenko*

Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

Received by the editorial office 16.09.2025

Revised by the author 07.10.2025

Accepted for publication 20.10.2025

Abstract

Aim. To evaluate modern concept of the relationship between philosophy and science in the works of S. A. Lebedev on philosophy and methodology of science.

Methodology. The results obtained during this study are based on analytical, logical-historical and hermeneutic methods.

Results. The study reveals the key points of the positive dialectical concept of the philosophy and science interaction, which can be traced in the works of the Russian methodologist. S. A. Lebedev's project focuses on human consciousness, values, and scientific worldviews as intermediaries between philosophy and science. The social and constructivist view of the subject and object of scientific knowledge and knowledge is complemented by original concepts of consensual scientific truth, systemic methodological pluralism, methodological culture of the scientist and level methodology. Reality, defined through the concepts of a standard and the objective world as a world of possibilities, acts as a medium for a consensual dialogue between philosophy and science.

Research implications. S. A. Lebedev's ideas outlined in his works make a great contribution to the development of a complex mechanism for the interaction of philosophy and science, philosophical ideas, natural science theories and practical research.

Keywords: conventionalism, consensualism, scientific picture of the world, scientific knowledge, level methodology of science, philosophy of science, epistemological constructivism

For citation:

Koskov, M. N. & Ivanenko, M. A. (2025). The Modern Concept of the Relationship Between Philosophy and Science. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 65–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-65-76>.

«Мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, – это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» [1, с. 27].

В. Гейзенберг

Введение

Работы С. А. Лебедева, доктора философских наук, заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, главного научного сотрудника философского факультета, в основном посвящены отношениям двух значимых сфер бытия и сознания: науки и философии. История этих взаимоотношений доказывает необходимость синергии, а не поглощения, сотрудничества, но не антагонизма. Безусловно, наука во всех своих проявлениях не должна подчиняться абсолютным законам «единственно верной» тотализующей философской системы. Обратный подход – превращение философии в служанку науки, отказ от специфически философской проблематики как «метафизики», приводил к бесплодным попыткам создания «подлинно научной» философии, которая

больше не говорит о ценностях и смыслах. Проведение качественного различия между философией и наукой не должно исключать их взаимосвязи, доказанной ходом исторического процесса. Основным пунктом пересечения двух сфер является человеческое мышление, конституирующее и направляющее как научное, так и философское познание – эта идея проходит через все исследования С. А. Лебедева. Вот почему обращение отечественного методолога к основному вопросу философии во введении к монографии «Философия и наука» [2] является не просто данью традиции: проблема соотношения бытия и сознания особенно актуальна в эпоху бурного развития когнитивных наук и «философии сознания». С. А. Лебедев не просто отбрасывает старые дуальные оппозиции идеализма – материализма, объективиз-

ма – субъективизма и рационализма – эмпиризма: все они являются различными аспектами процесса мышления. Так, в области теории познания на первый план выходит субъективная реальность, и оказывается прав идеализм, в онтологии первенство за бытием как материальной реальностью – здесь правда за материализмом. Если эмпирическая реальность находится в ведении рассудочного знания, то теоретическая реальность как мир идеальных объектов принадлежит разуму как мышлению в себе и для себя. Только в совокупности этих разрозненных сторон мышления обретается плюралистическая и позитивно-диалектическая картина мира, предотвращающая взаимный редукционизм. На наш взгляд, методология С. А. Лебедева ставит предельный по своей напряжённости вопрос об общих когнитивных основаниях науки и философии: как рациональное познание конструирует модели бытия?

Системное изложение С. А. Лебедева представляет современный взгляд на науку как набор конкурирующих подходов и дисциплин вопреки ошибочным упрощённым представлениям о науке (особенно в случае естествознания) как гомогенной, монолитной структуре. Хрестоматийным примером этой множественности в науке выступает появление в XX в. теорий, альтернативных классической ньютоновской механике, таких как частная и общая теория относительности и квантовая механика, «которые противоречили все вместе не только классической механике, но и друг другу» [2, с. 200]. Конкуренция альтернативных подходов в реальной науке созвучна плюралистическому духу живой философии. Отсутствие в научной и философской картине мира неизменного, тотализующего центра не приводит с необходимостью к отсутствию всякого центра. С. А. Лебедев избегает как догматизма, так и ловушек релятивизма, что крайне сложно. В структурах научного знания центр меняется, осуществляет свой переход, а неизменным остаётся только устройство нашего сознания.

При философском обсуждении субъекта науки XXI в. исследователям трудно не впасть в крайности полного растворения субъекта в сети акторов или же фундирования изолированного от сообщества и ценностей «гносеологического Робинсона». С. А. Лебедев идёт срединным путём: он перестраивает понимание субъекта познания на новых основаниях, делая акцент на социальном характере научного знания. Лаборатории, конференции, докторские советы и другие экспертные сообщества являются пространствами, где возникает, изучается и оспаривается научное знание. Социальная динамика в виде предвзятости финансирования и рецензирования публикаций пронизывает сообщество исследователей. Материальные и технические условия также в значительной степени влияют на процесс познания, а взаимоотношения между учёными побуждают к выработке подвижных временных соглашений (конвенция, консенсус), представляющих лучшее на данный момент, подкреплённое доказательствами объяснение. Развенчивая миф об учёном как о гени одиночке, С. А. Лебедев ставит на первый план коллективный субъект, включающий субъект-субъектные взаимодействия между членами научного сообщества наравне с субъект-объектными отношениями. Из этого с необходимостью следует значимость ситуативности в научном познании реальности. Важна точка зрения каждого исследователя, помещённого в сетку субъект-субъектных отношений, потому что она определяет цели познания, методы, которым отдаётся предпочтение и характеристики, которые считаются значимыми или же, наоборот, упускаются из виду. Кроме того, С. А. Лебедевым учитывается фундаментальная роль ценностей в выборе научных приоритетов. Ценностная значимость, будь то методологическая или этическая, неоднородна в зависимости от субъекта познания. Тем самым под поверхностью логических умозаключений, эмпирических данных и теоретических конструктов лежат общественные нормы, социальные предрассудки и мораль-

ные императивы. В совокупности данные аспекты познающего субъекта влияют на его когнитивную систему отчёта, структурирующую научную картину мира.

Конструктивная роль сознания и познания. Конвенционализм и консенсуализм

Познающий субъект не отражает, а конструирует реальность. В своей работе С. А. Лебедев обстоятельно критикует теорию отражения. Эта упрощающая концепция родом из научной парадигмы конца XIX – начала XX вв., рассматривает сознание как пассивный приёмник внешних истин, что противоречит накопленным фактам истории науки, нейрофизиологии, когнитивной лингвистики, свидетельствующих об активной и конструктивной роли познания. Наше восприятие реальности – это не фотографическая копия, а динамическая сборка сенсорных данных, предшествующих знаний, социокультурных рамок, и говоря словами В. Гейзенберга из эпиграфа, наших способов постановки вопросов, т. е. научной методологии. Другим недостатком теории отражения является неспособность объяснить научные революции Т. Куна: если знания просто отражают реальность, почему парадигмы меняются? Факты истории науки и эмпирические данные о работе познания свидетельствуют в пользу конструирования субъективной реальности как специфики работы нашего сознания, которая лежит в основании эффективной исследовательской деятельности. Утверждая, что любое знание есть «результат конструктивной деятельности сознания» [3, с. 21], С. А. Лебедев опирается на богатую философскую традицию конструктивизма, которая восходит ещё к И. Канту, использовавшему понятие «продуктивного воображения» [4, с. 106] в качестве синонима творчества, создания и выдвижения новых идей и новых познавательных метафор. У С. А. Лебедева также обнаруживается влияние идей представителей радикального конструктивизма. Например, создатели концепции

аутопоэзиса Ф. Варела и У. Матурана полагали, что когнитивные и биологические системы не отражают внешние стимулы, а генерируют прогностические модели, сохраняя собственную автономию. В этом же духе С. А. Лебедев описывает сознание как аутопоэтическую систему, которая относительно замкнута по отношению к внешнему миру, самодостаточна в себе и для себя и способна развиваться на собственной основе [5, с. 114]. Отсюда следует положение о том, что научная картина мира конструируется познающим субъектом, от которого зависит, каким определённым содержанием будут наполнены эти конструкты.

Одним из «главных конструктивистских требований к научному знанию независимо от его формы и содержания» [2, с. 92] является общая научная рациональность. Она составляет эпистемологический фундамент научного предприятия, определяемый семью универсальными свойствами, выходящими за рамки дисциплинарных границ: объектной предметностью, однозначной определённостью, доказательностью, проверяемостью, методологической рефлексивностью, открытостью к критике и возможностью улучшения. Эти свойства в совокупности отделяют науку от обыденного, мифологического, религиозного и художественного познания [6, с. 152–153]. Выражение данных принципов развивалось в шести диахронических, культурно-исторических типах: древневосточном, античном, средневековом, классическом, неклассическом и постнеклассическом. Несмотря на существенные различия, например, во внимании Древнего Востока к практическим аспектам и средневековому акценте на откровении или детерминизме классической рациональности в сравнении с фундаментальной относительностью постнеклассической науки, все эти типы имеют общую черту демаркации науки от других видов познания и знания. Синхронная научная рациональность переводит внимание на дисциплинарные связи. В разных отраслях научного знания синхронная рациональность адаптирует общие критерии к предметно-спец-

ифическим онтологиям. Эта пластиность демонстрирует, что рациональность не монолитна, и доказательства математической теоремы принципиально отличаются от доказательств, подтверждающих климатическую модель. Диахронная и синхронная научная рациональность вместе представляют многообразный каркас, а не жёсткий шаблон. Несмотря на то, что свойства общей научной рациональности стабильны и универсальны, их реализация исторически и дисциплинарно обусловлена. Эта пластиность позволяет науке ориентироваться в многомерной реальности, не отказываясь от своей эпистемологической автономности. Будь то эксперименты И. Ньютона или аналитика больших данных, наука сохраняет свою идентичность. Нерациональное измерение науки [7, с. 128], включающее интуицию и неявное знание, отнюдь не подрывает рациональности, а демонстрирует её адаптивную способность, которая определяет уникальный познавательный авторитет науки.

Конструктивистская перспектива меняет эпистемологические ориентиры от поиска абсолютных оснований к восприятию научного познания как динамической, порождённой человеческим разумом системы когнитивных операций для предсказания, объяснения и согласования научного знания. В этом плане нам кажется актуальным широкое рассмотрение конвенционализма и консенсуализма. Конвенция понимается С. А. Лебедевым как когнитивная процедура и научный метод (наравне с индукцией, дедукцией, редукцией), применяемый субъектом познания в силу необходимости выбора чего-либо или с целью устранения неопределенности. Основное преимущество конвенционализма заключается в разрешении тупиков, присущих строгому рационализму и эмпиризму: он освобождает науку от невозможного требования прямого соответствия неопределенной объективной реальности или неизменным первопринципам, сосредотачиваясь вместо этого на практичности и внутренней согласованности. Научные конвенции выдвигаются лидерами той или

иной школы или области познания. Они функционируют как незаменимый общий язык, обеспечивающий продуктивный диалог, критику и накопление знаний. Когда учёные публикуют эмпирические результаты, предлагают гипотезы или критикуют методы, они полагаются на взаимные конвенции относительно терминологии, процедур измерения и стандартов доказательств, а также на неявное знание. Установление и уточнение конвенций происходит посредством научной коммуникации как непрерывного процесса дебатов, принятия решений, их изменения или отклонения внутри сообщества исследователей. Конвенционализм выходит за рамки ограничений научного фундаментализма, принимая прагматическую и дискурсивную природу конструирования знаний. От выбора аксиом и стандартов измерений до теоретических границ и самого языка, обеспечивающего коммуникацию, конвенции играют роль строительных лесов здания научной рациональности.

Однако конвенционализм, сосредоточенный на индивидуальных или локально принятых положениях, сталкивается с рядом трудностей. Наиболее значимой является проблема соотношения конвенций и объективности знания. Если основные элементы науки (её язык и исходные аксиомы) являются только вопросами конвенционального выбора отдельных учёных или групп, то научное знание не может претендовать на объективность и рискует прийти к ряду несоизмеримых структур. Выход из этого тупика С. А. Лебедев находит через принятие развитой им доктрины консенсуализма. Консенсус определяется как «результат когнитивных переговоров внутри научного сообщества как главного субъекта научного познания с целью выработки общезначимого решения по любым вопросам научного познания» [5, с. 457]. Если конвенции остаются индивидуальными решениями или соглашениями небольших групп, консенсус по своей сути является интерсубъективным: не изолированный субъект, а научное дисциплинарное сообщество становится агентом,

преобразующим индивидуальные положения в коллективно сформированные соглашения. Подобная взаимозависимость гарантирует, что ни одна точка зрения не монополизирует истины, а многочисленные экспертные позиции сходятся, чтобы вместе снимать предрассудки, заполнить лакуны и находить оптимальное решение, подкреплённое доказательствами и всегда открытое для пересмотра. Консенсуализм переопределяет природу научной картины мира, отказываясь от концепции познания как прямого отражения недоступной объективной реальности. Вместо этого научная реальность интерпретируется сообществом учёных как эталонная реальность. Она не произвольна, поскольку ограничена рациональными критериями логической связности, объяснительной силы, предсказательного успеха и фальсифицируемости, а также опосредована когнитивной волей научного сообщества. Консенсуализм устанавливает общезначимость как основной критерий объективности научного знания: он фокусируется на положениях, которые являются интерсубъективно верными для всех компетентных участников научного сообщества. Делая акцент на дисциплинарном научном сообществе, конструируя реальность через рационально ограниченные эталонные модели и формируя объективность как интерсубъективную общезначимость, консенсуализм преодолевает недостатки конвенционализма.

Системный методологический плюрализм и методологическая культура учёного. Уровневая методология науки

Консенсуализм и отказ от фундаменталистских эпистемологий, таких как теория отражения, задают тон для радикального переосмыслиения научной методологии. С. А. Лебедев выдвигает концепцию системного методологического плюрализма, избегающего эпистемологического анархизма, противоположную фундаментализму крайности. Не всякий плюрализм имеет равную методологическую ценность, поэто-

му разделяются аддитивный и системный плюрализм. Слабость позиции аддитивного плюрализма как простого сосуществования методов заключается в рассмотрении методологии в виде набора изолированных инструментов, при полном игнорировании их взаимозависимости. Системный плюрализм обеспечивает не только внутреннюю связность методов, динамически взаимодействующих, но и дополнительность между противоположными методами. Этот взгляд С. А. Лебедева имеет глубокую параллель с принципом дополнительности Н. Бора, который изначально был сформулирован для примирения квантовых парадоксов, однако впоследствии датский физик предположил его расширение до общенаучного положения [8]. В применении к методологии этот принцип объясняет, что антагонистические методы коллективно разрешают различные стороны сложных проблем. И эту черту системного плюрализма косвенно доказывает история науки, демонстрируя крах всех монистических методологий, например провал логического позитивизма. Кроме того, история эпистемологии наглядно показала, что научная методология не априорна (против рационализма) и не зависит исключительно от содержания знания в объектах, известных науке (против эмпиризма).

Системный плюрализм как своего рода эпистемологическая добродетель представляет учёному и философи когнитивную гибкость при взаимных переходах между методами в зависимости от поставленной проблемы. Другое осевое понятие, которое в этом контексте разрабатывает С. А. Лебедев, – методологическая культура [9; 10], включающая понимание того, как создаются, проверяются и применяются знания, а также навыки работы с инструментами познания как набором эпистемологических практик учёного. Именно «от уровня развития методологии научного познания, от методологической культуры учёных всегда в значительной степени зависело не только содержание и прогресс науки, но и прогресс мировоззрения и культуры общества» [2, с. 236], – пишет С. А. Лебедев. В рамках дисципли-

нированного системного плюрализма как живой практики наука, свободная от диктата универсального метода, обеспечивает консенсусальное построение научной реальности, в которой учёные владеют текущими методологическими культурами.

Уникальной авторской разработкой является уровневая методология как интегративная структура, демонстрирующая роль системного плюрализма, а также консенсусального и конструктивного познания на каждом этапе научного исследования [11]. С. А. Лебедев предлагает более тонкую альтернативу традиционной диахотомии эмпирического и теоретического познания, выделяя 4 кластера методов чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней. Эта система вместо жёсткой иерархии предполагает текущее взаимодействие различных кластеров. Мы постигаем объективный мир с разных сторон, включая четыре типа объектов: ««вещи сами по себе» (материальные объекты), чувственные объекты (элементы чувственной научной реальности), абстрактные объекты (элементы эмпирической научной реальности), идеальные объекты (элементы теоретической научной реальности)» [2, с. 125].

Чувственный уровень научного знания включает такие методы, как научное наблюдение, измерение и эксперимент. Взаимодействие с чувственными объектами определяется познавательными установками учёных, интерпретативными границами и настройкой приборов. Все эти моменты контекстуализируют чувственную реальность, которая в науке раскрывается не через пассивное смотрение, а посредством активного видения как фундаментальной идеализации. Норма восприятия, основанная на нейробиологических ограничениях, свойственных всем людям, закрепляет критерий биологически адаптивной объективности чувственного знания как общезначимости.

Эмпирический уровень предполагает такое взаимодействие учёного с объектом знания, при котором отбор и абстрагирование выделяют определённые аспекты

явления, базируясь на интересах научного сообщества и технических возможностях. Данный кластер предполагает богатую методологию, включающую абстрагирование, классификацию, обобщение, индукцию и ряд других. С. А. Лебедев организует четырёхуровневую структуру эмпирического конструирования (а не логического обобщения), включающую протокольные предложения, научные факты, эмпирические законы и феноменологические теории. Полученный в результате эмпирический объект является согласованной и стабилизированной идеализацией, разработанной для надёжной и сопоставимой презентации определённых аспектов эталонной реальности.

К теоретическому уровню относятся: мысленный эксперимент, метод рациональной реконструкции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод симметрии, аксиоматический метод, метод математической гипотезы и метод принципов. Согласно С. А. Лебедеву, научные теории действуют посредством концептуальной идеализации, представляя эталонную реальность через идеальные объекты как абстракции: плоскость без трения, абсолютно чёрное тело, нульмерную точку или общественно-историческую формуацию. Теоретические объекты не выводятся из эмпирических объектов, а конструктивно добавляются в рамках теоретической структуры, будучи имманентными элементами мышления [11, с. 24]. Это усиливает взгляд на уровневую методологию как на недедуктивную систему, каждый этап которой внедряет онтологическую новизну. Ненаблюдаемость идеальных объектов подчёркивает их статус когнитивных инструментов. Целью теоретической идеализации служит выявление базовых закономерностей или аксиом. Принятие теории означает консенсус научного сообщества по поводу её конкретной совокупности идеализаций как наиболее рациональной, обоснованной и плодотворной систематизации относительно текущего приближения эталонной реальности, достигнутого на эмпирическом уровне.

Метатеоретический, высший, уровень научного знания устанавливает всеобъемлющие рамки, легитимирующие исследовательскую практику. Он включает общенациональную картину мира, общенациональные методологические, логические и аксиологические принципы, а также философские основания науки. Одним из фундаментальных постулатов уровневой методологии является положение о том, что значимость ценности, придаваемой конкретным проблемам, теоретическим достоинствам, методологическим подходам или даже интерпретации требований эталона, может варьироваться среди отдельных учёных или исследовательских групп. Именно метатеоретический уровень предоставляет площадку для согласования этих ценностей в научном сообществе. Общезначимость возникает не из навязанного единообразия, а из коллективной приверженности рациональному обсуждению и соблюдению основных методологических норм проверки, логической строгости и открытости для критики. Только так формируется рабочий консенсус относительно общенациональных принципов.

Научная картина мира понимается С. А. Лебедевым как интегративная, консенсуальная структура, синтезирующая основные концепции для приближения к эталонной реальности [6, с. 131–133]. Общенациональные картины мира возникают через динамический синтез научных знаний и априорных философских принципов, предоставляя «линзы», через которые разрозненные открытия учёных объединяются в единое видение. Все общенациональные картины мира по своей сути историчны и относительны. Они выражают историческую траекторию науки с её революциями, аномалиями и неразрешёнными противоречиями. Эта относительность не приводит к релятивизму, поскольку общенациональная картина мира остаётся привязанной к реальности как эталону благодаря своим способностям разрешать парадоксы и объединять знания несмотря на то, что её форма постоянно изменяется социально-когнитивной средой науки. Частнонаучные

картины мира объединяют кластеры смежных наук, налагая общие онтологические характеристики и действуя как дисциплинарные интеграторы. Эти региональные онтологии санкционируют то, что считается законными объектами в их области и сопротивляются редукционизму [5, с. 132]. Высшей функцией общенациональной картины мира является категориальная гармонизация частных картин. Она примиряет эмпирическое с теоретическим, санкционируя последовательную онтологию научных объектов. Это происходит посредством генерализации как связывания частных мировоззрений под влиянием научных переговоров для разрешения межтеоретического напряжения. При конструировании общенациональной картины мира особенно важно, чтобы все типы объектов (чувственные, абстрактные, идеальные) занимали стабильные роли в её архитектуре. Отвергая абстрактный монизм (примером которого является сведение картины мира к физике) и радикальный плюрализм (как отсутствие общей реальности), общенациональная картина мира должна выражать реальность, мыслимую во всей своей сложности. Таким образом, научные картины мира занимают лиминальное пространство в стратификации метатеоретического уровня. Синтезируя конструкции низших уровней, они подводят к философским вершинам.

Философские основания науки обеспечивают согласованное мировоззрение, формируя концептуальные границы научного познания. Философия не «обосновывает» науку в фундаменталистском смысле и не просто суммирует научные открытия. Наука генерирует новое содержание посредством эмпирического взаимодействия и теоретических новаций, которые зачастую входят в противоречие с прежними философскими доктринаами. Это отражает разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями: подобно тому, как идеальные объекты несводимы к эмпирическим, научные открытия, например неевклидова геометрия Н. И. Лобачевского, разрушают фреймы существующих философских систем. Авторитет науки проистекает из её

конструктивного взаимодействия с реальностью, а не из подчинения философским первопринципам. В то же время философия предохраняет науку от вырождения в технократический инструмент, оторванный от человеческого смысла, поскольку наука «в одиночку» не может ответить на экзистенциальные и этические вопросы. Опериуя трансцендентными концепциями, философия также выходит за рамки научных частностей. В то время как наука изучает взаимодействие элементарных частиц, философия задаётся вопросом, что значит «причинность». Такие вопросы выводятся не из индуктивного обобщения, а из критического размышления. Как продемонстрировал ещё И. Кант, философские горизонты обусловливают само научное исследование. Разрыв между философией и наукой носит логический и содержательный характер, потому что они относятся к разным моментам сознания: если философия имеет дело с возможными условиями, то наука – с реализованными возможностями. Но вместе они занимаются исследованием одной реальности, в которой мы существуем как носители сознания. Несмотря на постулирование когнитивной автономности двух сфер, С. А. Лебедев отмечает принципиальную необходимость схем интерпретации, функционирующих как взаимовыгодные концептуальные мосты и конструктивные посредники. Подобные интерпретативные схемы обеспечивают перевод философских принципов в научные термины, а научных прорывов – в последовательные философские идеи. Например, категория «причинности» переходит от философского концепта к научному принципу через операциональные определения в естественных науках. Это опосредование не является ни дедукцией, ни индукцией. Медиатором выступает конструктивная деятельность философов и учёных, разрабатывающих такие структуры, как эволюционная эпистемология или квантовая логика. Поэтому «зазор» между наукой и философией скорее продуктивен, чем проблематичен, и философские основания науки должны использовать

его для продвижения методологического прогресса. Философские рамки ориентируют научную интерпретацию, в то время как открытия науки форсируют философское развитие. Две сферы ратифицированы интерпретативными схемами, которые признают их суверенность. Это закрепляет роль метатеоретического уровня как регулятора взаимодействия учёных с миром.

Как подчёркивает С. А. Лебедев, более высокие методологические уровни являются не просто логическими обобщениями более низких уровней, а конструктивными дополнениями. Связующими звеньями являются четыре типа объектов, интерпретативные теории и модели. Отсутствие логической дедукции позволяет рассматривать каждый уровень как творческий скачок. Нижние уровни дедуктивно не выводятся из верхних, а верхние уровни не являются индуктивными обобщениями нижних уровней. Всепроникающая роль идеализации прослеживается на каждом уровне, работая по-разному в каждом кластере, ориентируясь на приближение к эталонной реальности посредством идеализированных конструктов.

Проблема научной истины

Вопрос о том, как наука может быть одновременно социально сконструирована и ограничена реальностью, разрешается в консенсальной концепции научной истины. Анализ различных концепций истины подводит С. А. Лебедева к отказу от вневременной и универсальной концепции истины. В истории философии и науки было множество попыток дать объективную интерпретацию содержания научного знания, что приводило к обоснованию и догматизму. В то же время исследователю необходимо избежать релятивизма, сохранив строгость науки, признавая её укоренённость в интерсубъективности как общезначимости. Такие неотъемлемые характеристики процесса познания, как социальность, историчность и общезначимость, достижимы только через методологический консенсус. В этом плане

ценной находкой С. А. Лебедева является введение понятия когнитивной системы отчёта, которая фиксирует цели, ценности и теоретические обязательства исследователя, а также внешние (инструментальные ограничения) и внутренние (предпосыльочное знание) условия познания.

Специфические критерии истинности прописаны для каждого из уровней научного знания. Для первого уровня С. А. Лебедев проводит чёткую демаркацию между природными объектами, в отношении которых действует норма восприятия как биологически адаптивная универсальность, и формальным знанием, требующим глобальной чувственной интуиции как интуитивного понимания математических и символических отношений. Это разделение интересно тем, что предполагает включение в область чувственного уровня рационального знания и, как следствие, моделирование чувственной на глядности [11, с. 165–173].

Для эмпирического уровня критерии истинности возрастают по своей сложности. Протокольные предложения опираются на соответствие утверждениям и наблюдаемым данным. Факты предполагают логическое обобщение протоколов, а научные законы требуют согласованности с фактами, последовательности, объяснительной силы и выводимости в качестве теоретических следствий. Феноменологические (эмпирические) теории включают критерии логической последовательности как отсутствия внутренних противоречий, объяснительной и предсказательной силы по отношению к фактам и законам, конструктивной и/или дедуктивной последовательности, непротиворечивости и выводимости из более глубоких (трансцендентальных) теорий [3, с. 628–633]. Данная типология выражает системное мышление С. А. Лебедева, его непрестанное выделение роли экспериментального консенсуса как эпистемологического авторитета для оценки соответствия критериям консенсуальной истины.

При определении критериев истинности для теоретического уровня

С. А. Лебедев излагает критерии истинности для аксиом научных теорий (интуитивная очевидность, плодотворность и эмпирическая эффективность) и выводимых из них логических следствий (аналитический критерий). Затем С. А. Лебедев разделяет критерии истинности для частных и фундаментальных теорий, синтезируя требования внутренней строгости (последовательность, доказательность) и внешней интеграции (совместимость с мировоззренческими, философскими основами). Это демонстрирует нисходящее влияние метатеоретических элементов (научная картина мира, философские основы науки), активно регулирующих теоретическую истину.

Метатеоретический уровень научного знания предполагает четыре типа критериев истинности. Для парадигматических, наиболее общих научных теорий требуются логическая связность, простота фундаментальных понятий и принципов, контроль как pragматический критерий (включающий институциональные механизмы исправления ошибок через экспертную оценку, воспроизводимость и др.), объяснительная и предсказательная сила, а также теоретическая плодотворность. Данная типология кажется связанной с правилами парадигм Т. Куна [12], но расширяет их с большей системной строгостью. Частнонаучная картина мира включает объяснительную плодотворность, внутреннюю непротиворечивость и мировоззренческую значимость. Плодотворность функциональна в трёх планах: объяснительном, конструктивном и синтетическом. Внутренняя непротиворечивость предполагает дисциплинарный консенсус и вместе с тем согласованность с общенациональной картиной мира. Наконец, мировоззренческая значимость также является консенсуальным критерием, связанным с социально-культурным положением научного сообщества в конкретный период времени. Таким образом, критерии частнонаучной картины мира выделяют функциональную полезность в рамках определённой дисциплины, а

также соответствие широкому консенсу-су. Общенаучная картина мира требует большего: онтологической универсальности, согласованности между науками, эвристической силы, философской обоснованности и общекультурной значимости. Последний критерий так же, как и мировоззренческая значимость для частнонаучных картин мира, явно связан с ролью сообщества учёных. Это в очередной раз демонстрирует консенсуальность как сквозную тему, проходящую через всю уровневую методологию, включая акцент на коллективном субъекте как арбитре истины, который теперь масштабируется на метатеоретическом уровне.

Истинность идеалов и норм научного познания вновь возвращает нас к концепции реальности как эталона – идеалы оцениваются по тому, насколько хорошо они помогают науке приближаться к этому эталону, несмотря на присущие ей ограничения. Методологическая культура учёного предусматривает корректируемость своих идеалов: препятствия между идеалами и практикой стимулируют методологическое совершенствование.

Условия, определяющие разумные границы научного плюрализма, кроме того, включают: коммуникационные и практические ограничения, логический анализ научного знания с целью выявления его непротиворечивости (внутренняя согласованность), эмпирическую обоснованность (адекватность данных, прогностический успех), теоретическую (объяснительная согласованность) и методологическую обоснованность (соблюдение ценностей и норм). Эти ограничения позиционируют научную методологию С. А. Лебедева как основанную на коллективной рациональности, динамичную и социально гибкую систему, в которой научная истина выражает согласованное подтверждение в рамках общей самокорректирующейся

когнитивной структуры. Консенсуальная природа научной истины проливает свет на роль философии как резервуара логически возможных вариантов решений и подсказок для сообщества исследователей.

Заключение

Реальность определяется С. А. Лебедевым в свете антропного принципа как логически непротиворечивый мир возможностей. В истории философии есть немало образцов постулирования единственного истинного варианта реальности. Например, Г. В. Ф. Гегель категории своей системы онтологизировал, представив реальность как единственную возможность, раскрытою в его «Науке логики». Но сегодня более перспективным кажется путь Платона, представившего объективный мир как мир возможностей, лежащий вне пространства и времени. В этом же духе С. А. Лебедев утверждает относительность уровней познания и всякого рода деления, не порождая очередной монистической системы, раз и навсегда законченной и выносящей всеобщее как Абсолют. С другой стороны, он остаётся далёким и от релятивизма, который снимает все различия и приводит в конце концов к само тождественности абсолютизма. В проанализированных работах нет ни претензий на вневременную и абсолютную истину, ни релятивизма, принципиально отвергающего любую рациональность, но имеются все перспективы стать ориентиром для нового поколения творчески мыслящих учёных и философов, поскольку задаётся фундамент в виде уровневой методологии и консенсуальной концепции истины. Многолетние интеллектуальные поиски С. А. Лебедева в области философии и методологии науки соответствуют его же определению философии как рационального поиска предельных оснований бытия [2, с. 309].

ЛИТЕРАТУРА

- Гейзенберг В. Физика и философия. Часть I и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
- Лебедев С. А. Философия и наука. М.: Академический проект, 2025. 316 с.
- Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. М.: Проспект, 2023. 720 с.

4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
5. Лебедев С. А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Московский университет, 2024. 575 с.
6. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
7. Косяков С. Н. Гуманизация знания и познания // Булгаковские чтения. 2008. № 2. С. 123–130.
8. Бор Н. Квантовая физика и философия // Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 526–533.
9. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного. Т. I. М.: Проспект, 2021. 188 с.
10. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного. Т. II. М.: Проспект, 2021. 213 с.
11. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.

REFERENCES

1. Heisenberg, W. (1989). *Physics and Philosophy. Part and the Whole*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Lebedev, S. A. (2025). *Philosophy and Science*. Moscow: Academiceskii Proekt publ. (in Russ.).
3. Lebedev, S. A. (2023). *Philosophy. Methodology. Science*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
4. Kant, I. (2020). *Critique of Pure Reason*. Moscow: Academiceskii Proekt publ. (in Russ.).
5. Lebedev, S. A. (2024). *Philosophy and Methodology of Science. Actual Problems*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
6. Lebedev, S. A. *Philosophy of Science: A Positive Dialectical Concept*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
7. Koskov, S. N. (2008). Humanization of Knowledge and Cognition. In: *Bulgakov Readings*, 2, 123–130 (in Russ.).
8. Bohr, N. (2021). Quantum Physics and Philosophy. In: Bohr, N. *Selected Scientific Works. Vol. 2*. Moscow: Nauka publ., pp. 526–533 (in Russ.).
9. Lebedev, S. A. (2021). *Methodological Culture of a Scientist. Vol. I*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
10. Lebedev, S. A. (2021). *Methodological Culture of a Scientist. Vol. II*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
11. Lebedev, S. A. (2020). *Level Methodology of Science*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
12. Kuhn, T. (2009). *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: AST publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косяков Сергей Николаевич (г. Орёл) – доктор философских наук, профессор кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева; e-mail: koskov6819@gmail.com

Иваненко Максим Александрович (г. Орёл) – магистрант кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева; e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Koskov (Orel) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, I. S. Turgenev Orel State University;
e-mail: koskov6819@gmail.com

Maxim A. Ivanenko (Orel) – Master's Degree Student, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, I. S. Turgenev Orel State University;
e-mail: maksimivanenko02@yandex.ru

Научная статья

УДК 1(091); 168.521

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-77-87

ПРИМЕНЕНИЕ ЛОГИКИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ: ОТ Н. М. ГЕРСЕВАНОВА ДО В. И. ШЕСТАКОВА

Прядко И. П.

Национальный исследовательский московский государственный строительный университет
(НИУ МГСУ), г. Москва, Российская Федерация

e -mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.09.2025

После доработки 24.09.2025

Принята к публикации 06.10.2025

Аннотация

Цель. Оценка вклада гидроинженера Н. М. Герсеванова и электротехника В. И. Шестакова в развитие математической логики и применение выводов этой науки в инженерном проектировании.

Процедура и методы. Ретроспективный анализ источников по истории логики, инструментарий формальной логики, сравнительно-исторический метод.

Результаты. В статье определено, что оба мыслителя применяли аппарат логики в целях синтеза и анализа дискретных систем. Применение формул алгебры логики Луи Кутюра в строительной аргументации, в частности в процессе обоснования устойчивости гидроооружений, стало инновационным для отечественного инженерного проектирования. Показана преемственность идей Герсеванова и Шестакова.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии потенциала формальной логики в сфере обоснования архитектурных проектов и решения при помощи этой науки инженерных задач. Обращение к наследию Шестакова и Герсеванова обусловлено необходимостью расширения сферы применения алгебры логики.

Ключевые слова: алгебра логики, доказательство, информатизация, простой категорический силлогизм, строительная механика

Для цитирования:

Прядко И. П. Применение логики в строительстве и электротехнике: от Н. М. Герсеванова до В. И. Шестакова // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 77–87. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-77-87>.

Original research article

APPLICATION OF LOGIC IN CONSTRUCTION AND ELECTRICAL ENGINEERING: FROM NIKOLAI GERSEVANOV TO VIKTOR SHESTAKOV

I. Pryadko

Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Received by the editorial office 10.09.2025

Revised by the author 24.09.2025

Accepted for publication 06.10.2025

Abstract

Aim. To evaluate contributions made by hydraulic engineer N. M. Gersevanov and electrical engineer V. I. Shestakov to Boolean algebra and to apply respective conclusions in engineering design.

Methodology. A retrospective analysis of sources on the history of logic, tools of formal logic, and the comparative historical method were used.

Results. The study reveals that the thinkers used the apparatus of logic to synthesize and analyze discrete systems. Using Louis Couture's formulas of logic algebra in civil engineering argumentation in the process of substantiating the stability of hydraulic structures, is an innovation in domestic structural design. The author demonstrates the continuity of ideas, formulated by Gersevanov and Shestakov.

Research implications. lies in unlocking the potential of formal logic in the field of substantiating architectural projects and solving engineering problems using this science. The appeal to the legacy of Shestakov and Gersevanov is conditioned by the need to expand the scope of application of Boolean algebra.

Keywords: Boolean algebra, proof, computerization, simple categorical syllogism, structural mechanics

For citation:

Pryadko, I. P. (2025). Application of Logic in Construction and Electrical Engineering: From Nikolai Gersevanov to Viktor Shestakov. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 77–87. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-77-87>.

Введение

Применение законов математической логики в технике и строительстве для представителей прикладного и теоретического знания в 20–30-е гг. XX в. вошло в число важных, хотя, может быть, и не самых основных, магистральных задач. Известно также, что эта тема интересовала как российских, так и зарубежных исследователей [1, с. 204–210; 2, с. 57–64]. В разное время к вопросам применения логики в технике на Западе и Востоке обращались Р. Эдлер, П. Эренфест, К. Шеннон, М. Ханзава, А. Накасима. Важными вехами на пути внедрения логических вычислений в ткань инженерных расчётов следует считать исследования российского гидростроителя Н. М. Герсеванова и новаторские разработки электротехника и логика В. И. Шестакова. Эти две вехи представляются нам довольно важными для изучения прикладных вопросов математической логики, правда, существовавшими независимо друг от друга. Иную картину представляла собой динамика западного исследования, где разработки авторов, как правило, были взаимосвязаны. В западной науке переоткрытие Клодом Шенноном логические законы синтеза и

анализа релейно-контактных схем получают широкую известность и оказывают влияние на иные сферы прикладного знания. Но совсем не принимается во внимание то обстоятельство, что исследованиям Шеннона предшествовала большая работа в области анализа и синтеза релейно-контактных схем, проделанная отечественным электротехником В. И. Шестаковым. Относительно приоритета в открытии практического применения логики в электротехнике и сегодня историками науки и техники ведутся жаркие споры [3; 4].

При этом работы В. И. Шестакова в данной области часто не принимаются во внимание даже отечественными авторами. Так, среди первопроходцев в области применения булевой алгебры в электротехнике называют японского криптолога и военного инженера Акиру Накасиму (в статье Б. В. Бирюкова и И. С. Верстина фамилия японского учёного воспроизводится как «Накисима» [5, с. 27–72]), а отечественные наработки в данной области связываются главным образом с позднейшими исследованиями, проводимыми школой М. А. Гаврилова [6, с. 283–303; 7, с. 74–79].

Именно поэтому одной из целей настоящего исследования будет воздать

должное отечественным инженерам, уделявшим в своих работах внимание прикладным вопросам математической логики – Н. М. Герсеванову и В. И. Шестакову. Несмотря на то, что оба исследователя работали самостоятельно, а Шестаков, приступивший к своим разработкам гораздо позже Герсеванова, едва ли мог знать об исследованиях, проводимых гражданским инженером, работы обоих русских учёных вписываются в единую парадигмальную схему. Особенность последней – глубокая теоретическая разработка той области, которая выступала в качестве основной для анализа и в дальнейшем практического применения.

В настоящей работе автором поставлены и решены следующие вопросы:

1. Кто из представителей инженерно-технических наук первым предложил использовать формулы математической логики в инженерных расчётах?

2. В каких целях использовалась математическая логика отечественным гидроинженером Н. М. Герсевановым, и какое место отводил ей логик и электротехник В. И. Шестаков?

3. Какие элементы системы знаков логики Луи Кутюра использовал советский инженер Н. М. Герсеванов в формулах обоснования устойчивости гидрооборужений?

4. В чём состоит новаторство В. И. Шестакова, работавшего в области применения логики в радио- и электротехнике?

5. Какое значение имеет изучение логики для гражданского инженера и электротехника?

В силу ограничений, налагаемых форматом статьи, тема логических разработок В. И. Шестакова будет только заявлена, но автор обязуется продолжить изучение данных разработок в последующих исследованиях.

В статье используются формализованный язык, заимствованный Герсевановым в «Алгебре логики» Луи Кутюра¹, а также

язык современной математической логики, где логическое сложение обозначается знаком дизъюнкции (знак “+” у Кутюра, знак “ \sqcap ” в современной символике), логическое умножение “.” соответствует конъюнкции, обозначаемой знаком “ \sqcup ”. Формула кутюровской алгебры логики ($A < B$) соответствует импликативному суждению, где знак “ $<$ ” соответствует знаку импликации, причём суждение A выступает в качестве антецедента (основания), а B является консеквентом (следствием). Среди логических констант отметим также знак эквивалентности, которая обозначается следующим образом: “ \equiv ”. Эквивалентность соответствует союзу естественного языка «если и только если». Как подчёркивает сам создатель алгебраического языка Луи Кутюра, «логическое значение и дедуктивная связь формул нисколько не зависят от их интерпретаций»². Если A и B – классы объектов, то выражение ($A < B$) будет означать, что «класс A содержится в классе B или составляет его часть». Если A и B – суждения, то выражение ($A < B$) мы интерпретируем как «суждение A заключает или имеет своим следствием B ».

Переменными A , B , C и др. в настоящей статье обозначены суждения естественного языка, в нашем случае в этом качестве выступают формулы строительной механики и неформализованные законы данной науки. При этом формулы, используемые Герсевановым, могут принимать значение “0” (ложь) или “1” (истина), о чём более подробно будет сказано ниже.

Н. М. Герсованов: применение математической логики в целях обоснования устойчивости зданий и сооружений

Николай Михайлович Герсеванов – выдающийся российский гидроинженер, создатель отечественной школы механики грунтов, строитель и архитектор, сын действительного тайного советника, тоже инженера-строителя М. Н. Герсеванова, имел довольно разнообразные научные интересы. Ещё до революции он окончил

¹ Кутюра Луи. Алгебра логики / перевод с прибавлением проф. И. Слешинского. Одесса: Матесис, 1909. 1104 с.

² Там же. С. 2.

Институт инженеров путей сообщения, получив диплом инженера-железнодорожника, однако известен стал как строитель гидро сооружений. По окончании института инспектировал строительство гражданских сооружений на юге России [8, с. 225–228]. Практическую деятельность сочетал с теоретической и преподавательской. Впервые стал использовать номограммы в строительных расчётах, ратовал за внедрение передовых математических методов в инженерное проектирование. Одной из инновационных областей в тот период была математическая логика. В 1923 г. Н. М. Герсеванов обратился к примёрам алгебры логики, применяя законы данной науки в целях обоснования устойчивости гидро сооружений. Н. М. прославился как высокопрофессиональный проектировщик, участвовал в строительстве московского метро. В послевоенные годы Герсеванов принимал активное участие в восстановлении разрушенных промышленных предприятий, таких, например, как завод «Запорожсталь», Днепрогэс и др. С именем инженера связаны строительство и реконструкция набережных и пирсов в Николаеве, Новороссийске, Одессе.

Если Н. М. Герсеванов получил признание как исследователь при жизни, то путь В. И. Шестакова в науке был труден и тернист. Уже после ухода из жизни электротехника его заслуги были по достоинству признаны российскими математиками и логиками, но, к сожалению, не инженерами. При жизни В. И. Шестаков испытывал сильное противодействие своим логико-математическим начинаниям. Даже при публикации результатов его исследований возникали серьёзные затруднения. И тем не менее, высокую оценку открытию логико-алгебраической модели электрических двухполюсников дали выдающиеся логики и математики XX в., среди которых выделим выступавших в научной периодике на данную тему С. А. Яновскую, Ю. А. Гастева, М. Г. Гаазе-Рапопорта, Д. П. Горского.

Историками науки и техники подчёркивается, что Н. М. Герсеванов был первым, кто предложил использовать новые на тот

момент способы алгебраических вычислений в сфере обоснования устойчивости зданий и сооружений. Не будучи логиком или философом, Герсеванов был волен обращаться с логико-математическим материалом так, как это необходимо было для решения практических задач. Как представитель прикладной сферы знания, он мог отвлечься от идеологических споров, которые в те десятилетия велись вокруг формальной логики. Свою единственную логическую работу строительный инженер опубликовал в 1923 г., а затем она попала в юбилейный сборник его трудов, вышедший через четверть века – в 1948 г.¹.

Идеи Герсеванова по применению логики в технике и строительстве имеют принципиальное отличие от тех методов, которые несколько позже были положены в основу логики релейно-контактных схем, – учения, которое десятилетие спустя разрабатывал В. И. Шестаков. В последнем случае речь шла о применении математической логики в целях синтеза и анализа некоторых видов релейно-контактных схем.

Во втором параграфе своего сочинения Герсеванов начинает с условных статических расчётов. Раскрывает затем он и смысл таких расчётов. В начале должно быть введено условие, касающееся свойств возводимой конструкции, действующих на неё сил, для определения которых применимы методы строительной механики. При этом инженер вынужден вводить несколько гипотез относительно сил разрушения, действующих на возводимую конструкцию. Последнее сильно утяжеляет расчёты и приводит в итоге к ошибкам в проектировании, к утверждению проектов, устойчивость которых оказывается не подтверждена, либо имеющих избыточный запас прочности. Герсеванов отмечает явную несуразность некоторых из подобного рода конструкций. И таких объектов в практике строительства довольно много. Для искоре-

¹ Герсеванов Н. М. Применение математической логики к расчёту сооружений // Герсеванов Н. М. Собрание сочинений. Т. 1. Свайные основания и расчёт фундаментов сооружений. М.: Стройвоенмориздат, 1948. С. 123–204.

нения подобных несурразностей и требуется к обоснованию устойчивости объектов привлекать тождественно-истинные формулы математической логики. Привлечение инструментария логики для Герсеванова – залог простоты и высокой прочности строительных расчётов. Именно преследуя эти цели, основатель отечественной школы механики грунтов определяет необходимые для обоснования прочности сооружений логические операции и отношения и доказывает их основные свойства.

В системе знаков Луи Кутюра интерпретируются логические константы. Так, импликация «Если A , то B » интерпретируется как неравенство $A < B$, что должно читаться как « A есть достаточное условие для B , а B – необходимое условие для A ». При $A < B$ и $A > B$ мы будем иметь эквивалентность суждений A и B , которая записывается $A \equiv B$ (читается, как « A эквивалентно B »). Здесь B необходимо и достаточное условие для A и наоборот. В качестве значения переменных инженер вводит логический «0» и «1». А среди логических констант используются знаки логического умножения и логического сложения (т. е. конъюнкция и дизъюнкция).

При этом поясняется, в чём смысл «логического ноля». Для Герсеванова логический ноль – это не только значение переменной, но и суждение, связанное с любым суждением X условной связью. Эквивалентность $X \equiv 0$ выводится из истинности суждений $0 < X$ и $X < 0$. Аналогичным образом определяется значение переменной «1» или логической единицы. В статье, посвящённой логико-математическому учению Герсеванова, написанной историками логики З. А. Кузичевой и Б. В. Бирюковым, дано определение логической единицы: это «такое суждение, что для любого X : $X < 1$, если верно $X > 1$ и $X < 1$, то $X \equiv 1$ » [9, с. 195]. X при выполнении указанного условия будет истинным. Обозначение конъюнкции и дизъюнкции в статье Герсеванова отличается от того, как оно принято в современной алгебре логики. Конъюнкция

обозначена знаком умножения, а дизъюнкция – знаком «плюс».

Доказательство устойчивости сооружений, по Герсеванову, может быть осуществлено двумя путями. Первый связан с использованием логических операций в условиях расчётах. Цель проектировщика – обнаружить необходимые и достаточные условия устойчивости сооружения. Такой метод у Герсеванова называется приведением к логическому равенству. Второй из названных Герсевановым методов – метод тавтологии. Бирюков и Кузичева приводят формулу тавтологии, используемую Герсевановым ($A \equiv AA$).

Герсеванов ссылается на доказательство данного положения (закона), которое содержится в книге Луи Кутюра (об особенностях подхода у этого математика см. работе [10]). Применение закона тавтологии позволяет строительному инженеру заметно упростить используемые им расчёты. Герсеванов сопоставляет предлагаемые логикой схемы с алгебраическими операциями. Например, он отмечает, что «отдельные члены логических формул не могут быть возведены в степень, и это обстоятельство обуславливает значительную упрощённость логических формул по сравнению с математическими». Даже если число оснований условных суждений у нас довольно велико, подчёркивает гидроинженер, их можно сократить, если будут тождественные следствия.

Умозаключение, на которые опирается Герсеванов, обосновывая устойчивость сооружений, может быть поставлено в соответствие со схемой простого конструктивного лемматического умозаключения. Вводятся условия B_1, B_2, B_3 , которые связаны с общей формулировкой закона строительной механики C следующим отношением (мы здесь применяем знак импликации (стрелку), который принят сегодня в математической логике).

$$(C \rightarrow B_1), (C \rightarrow B_2), (C \rightarrow B_3)$$

тогда если $(C \rightarrow B_1), (C \rightarrow B_2), (C \rightarrow B_3)$, то

из посылки C следует конъюнкция $(B_1 \cup B_2 \cup B_3)$.

Отсюда устойчивость X доказывается через истинность C , причём между X и C должна иметь место релевантная связь (о ней см. в работах [11, с. 83–87; 12, с. 109–120]): ($C \rightarrow X$) у Герсанова следует из ($C \cap C \rightarrow X$) на основании закона тавтологии. Таким образом, главная заслуга логических исчислений, согласно Герсанову, состоит в том, что данные исчисления сильно упрощают обоснование устойчивости гражданских сооружений. Касаясь последней импликации ($C \rightarrow X$), Герсанов пишет: «что убедиться в её истинности или ложности не представляет никаких затруднений, т. к. мы имеем дело лишь с единичным суждением C , и таким образом можно сократить число суждений, с которыми следует оперировать в условных расчётах, до возможного минимума и придать расчёту практически осуществимую форму»¹.

Помимо прямых методов доказательства отечественный инженер использовал косвенные, в основе которых лежит метод антитезы.

Анализ условий разрушения гидрообъекта средствами алгебры логики

В инженерном проектировании довольно часто на первый план выходит вопрос об условиях разрушения проектируемого сооружения. Задача проектировщика – исключить данное условие, обосновать устойчивость намеченного к строительству объекта. А для последнего надлежит рассчитать способы разрушений, определить число видов возможных повреждений будущего сооружения. Аналогично в рамках синтеза сложных дискретных систем, например, при синтезе релейно-контактных схем, важно определить число отказов, которые возможны при работе данных схем. Для такого определения радиотехником В. И. Шестаковым была

использована булева алгебра. Моделью формул булевой алгебры у Шестакова стали релейно-контактные схемы А-класса. Сколь бы ни были далеки области применения математической логики (булевой алгебры) у гидростроителя и электротехника, важна здесь общетеоретическая составляющая их поиска в области прикладных наук. Как в электротехнике, так и в строительной механике мы имеем дело с множеством простых и сложных суждений науки, соединённых посредством различных союзов естественного языка, которые мы можем выразить при помощи логических констант.

В строительной механике, как это отмечает сам Герсанов, мы имеем дело с суждениями об устойчивости на определённые виды разрушений. Поскольку сооружение должно быть устойчиво к различным видам разрушений, мы рассматриваем суждения об устойчивости как конъюнкцию посылок $A_1A_2A_3\dots$, где каждая из посылок – суждение об устойчивости на какой-либо вид разрушений. Это, поясняет Герсанов, довольно большой ряд суждений, подтверждающих устойчивость сооружения по отношению к всевозможным «мыслимым видам разрушения». Требуется обосновать логическое произведение указанных посылок, т. е. одновременную их истинность. Логическое произведение, как было сказано выше, называется *конъюнцией*. Конъюнкция суждений об устойчивости объекта по отношению к разным видам разрушений должна лежать в обоснование вывода «Данное сооружение устойчиво». В данном пункте, как представляется автору настоящей статьи, имеется расхождение между пониманием условных суждений в строительстве и значением этих суждений в формальной логике.

Для архитектора и проектировщика суждение об устойчивости зданий будет обосновано только в случае, если доказана истинность каждого находящегося в посылке суждения об устойчивости по отношению каждому из отдельных видов деформации. Формула обоснования устой-

¹ Герсанов Н. М. Применение математической логики к расчёту сооружений // Герсанов Н. М. Собрание сочинений. Т. 1. Свайные основания и расчёт фундаментов сооружений. М.: Стройвоенмориздат, 1948. С. 137.

чивости сооружения, таким образом, будет отличаться от материальной импликации, которая истинна и во всех тех случаях, когда антецедент ложен.

Таким образом, математическая логика достаточно формальна для того, чтобы анализировать проблемы архитектурного проектирования и градостроительства, что, как мы видим, хорошо осознавал сам Герсеванов. А для архитектора значение имеет содержательный аспект рассуждений. Основой классической логики, которая взята на вооружение Герсевановым, выступает *силлогистика* (современные аспекты применения силлогистики раскрыты в статье Г. Х. Хайбулаева [13, с. 99–101]). Во втором параграфе своего исследования гидроинженер в качестве примера приводит силлогизм I фигуры в виде формулы языка алгебры логики Луи Кутюра.

К сожалению, рассмотрение Герсевановым аргументации в строительстве не получило дальнейшего развития в последующих работах гидроинженера. Видимо, само обращение к алгебре логики рассматривалось учёным как некоторый математический «изыск». Ведь приводимые Герсевановым вычисления можно было делать без всяких ссылок на аппарат математической логики. Возможно, в последнем случае конструкторы гидротехнических объектов охотнее ссылались бы на рассматриваемый нами герсевановский труд. И всё же проанализированная нами статья имеет большое значение для истории науки и техники, т. к. она позволяет восстановить один из важных периодов истории отечественного прикладного знания, понять направления поиска учёных-практиков в первой половине и в середине XX в.

Логическое моделирование дискретных устройств

Известно, что алгебраизация логики во второй половине XIX в. открыла возможность применения данной науки в различных областях человеческой деятельности. В строительной механике, электротехнике или, если быть точнее, в теории синтеза и

анализа электрических схем возможности логики были оценены только в XX в.¹. Мы уже отмечали, что идея использования математической логики при моделировании дискретных систем высказывалась ещё в 1910 г. российско-голландским физиком Паулем Эренфестом. Учёный предлагал применять такие системы в телефонии. Однако в 1910 г. идею Эренфesta никто не поддержал. Считается, что в 1930-е гг. идея дискретности была использована японским электриком А. Накасимой, правда, учёный не связал поначалу свои выводы с булевой алгеброй.

И только в исследованиях В. И. Шестакова, а затем К. Шеннона отчётливо прозвучала мысль о соответствии состояния контактов реле (функций сопротивления) булевым логическим функциям. Так, последовательному и параллельному соединению контактов реле должны соответствовать логическая дизъюнкция и конъюнкция [5, с. 28]. Споры о приоритете в сфере приложения математической логики (булевой алгебры) в электротехнике не утихают и сегодня. Современный исследователь В. И. Левин отдаёт приоритет в данной области японским электротехникам Ханзаве и Накасиме, о которых в отечественной научной литературе упоминалось обычно вскользь и мимоходом. Большинство зарубежных авторов создателем логики релейно-контактных схем называют Клода Шеннона, игнорируя тот факт, что разработка данной темы российским логиком В. И. Шестаковым была начата раньше, чем это сделал его американский коллега, и диссертация Шестакова была защищена раньше, чем обнародование результатов исследования было осуществлено Шенном. На этом, в частности, настаивали такие историки логики, как И. С. Верстин, Б. В. Бирюков,

¹ Ср.: Овченко А. Ю. Дискретная математика: булева алгебра: учебно-методическое пособие. Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2023. 21 с.; Введение в теорию и практику научных исследований: учебное пособие. 2-е изд., доп. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2025. 172 с.

Т. В. Баранова и некоторые другие [14, с. 214]. Этими авторами обращается внимание на перипетии научной биографии русского учёного, трудности, которые возникли у электротехника при публикации его работ. Исследования подобного рода проливают свет на динамику отечественной логики в 30-50-е гг. XX в. и на идеологические споры того времени вокруг этой науки.

Будучи ограничены форматом статьи, отметим только, что разработанный Шестаковым-Шенномоном метод позволял не только моделировать дискретные системы, но и определять способы их оптимизации. Подробно эти способы уже изучены большим числом авторов, и отдельные аспекты такой оптимизации будут рассмотрены нами в другом исследовании.

Заключение

Подведём итоги статьи.

1. Внедрение логических вычислений в структуру технических расчётов происходит в XX веке. Идеи по использованию логики были высказаны физиками Р. Эдлером и П. Эренфестом. Однако глубокая проработка возможностей использования логики в различных сферах прикладного знания была осуществлена Н. М. Герсевановым, а позже В. И. Шестаковым. Именно отечественные исследователи определили цель, с которой логика привлекалась в строительный и электротехнический расчёт.

2. Применение математической логики в строительной механике Н. М. Герсеванов связывал с необходимостью обоснования устойчивости гидросооружений. В одних случаях используется обоснование, связанное с законом таждества, а, кроме этого, применяются косвенные методы доказательства. Для Шестакова булева алгебра была средством анализа и синтеза электрических и электронных сетей.

3. В единственной логико-математической работе Герсеванова используются знаки логико-алгебраических операций,

предложенные в начале XX в. французским математиком Луи Кутюра.

4. В. И. Шестаков, создавший логику релейно-контактных схем, применял булеву алгебру в радиотехнике осознано, двигаясь от теории к практическому применению данной теории. Отметим, что зарубежные коллеги Шестакова в большей мере отталкивались от предпринятых ими практических шагов, нащупывая, часто интуитивно, подходы к логической теории. В целом же можно утверждать, что идея применения математической логики в целях синтеза и анализа электронных сетей уже буквально носилась «в воздухе», и потому приложение логики к электротехнике было открыто почти одновременно. К этой идеи пришли независимо друг от друга учёные, жившие в разных частях света.

5. В обращении к математической логике ведущих инженеров XX в. проявляется одна из характерных особенностей науки этого столетия и всей современной науки в целом – это поиск синтеза познавательных практик, стремление объединить усилия различных дисциплин для получения целостного и достоверного знания о мире. Поиск Герсеванова и Шестакова находится в русле тех тенденций, которые намечены были ещё в начале прошлого столетия. Результаты работы двух учёных дают нам возможность вспомнить и другие примеры исследований, лежащих на пересечении наук. Так, ещё А. Белый, создавая типологию искусств, обращался к закону сохранения энергии и в качестве методологического принципа использовал *энергетизм* В. Оствальда. Так и С. А. Есенин с Н. С. Гумилёвым пытались разработать математические алгоритмы стихосложения. Так, отец А. Белого математик и философ Н. И. Бугаев рассматривал законы математики сквозь призму лейбницианской монадологии. И подобных примеров можно обнаружить довольно много.

Отметим ещё один, на наш взгляд, немаловажный аспект изучения логического наследия отечественных инженеров и электриков. Широкое применение логики в инженерном вычислении связано с укреп-

плением позиции технологической цивилизации, со становлением технологического общества как такового в XIX–XX вв. Проникновение логики в различные сферы общественной практики соответствует тенденциям современной инженерии, особенностям современного образовательного процесса и общим требованиям индустриального общества. Применение схем алгебры логики в проектировании вписывается в контекст логики инженерной деятельности, логики принятия решений или логики функционирования и эволюции техники. Усилия Шестакова и Герсеванова показали, что логика должна занимать одно из ведущих мест как в инженерном проектировании, так и в методологии технических наук.

В заключение отметим следующее.

Историков науки мог бы удивить тот факт, что создатель логики релейно-кон-

тактных схем В. И. Шестаков, первым применивший формулы математической логики для анализа и синтеза релейно-контактных схем А-класса, ничего не знал о разработках советского гидроинженера: прикладное техническое знание в нашей стране в XX в. развивалось дискретно. И именно в данной связи восстановление отдельных пробелов в истории инженерной науки XX в. приобретает особенную важность.

Автор убеждён, что большой интерес разобранная в статье работа гидроинженера Герсеванова представляет для архитекторов и гражданских инженеров, особенно тех, кто только овладевает профессией, обучается ремеслу строителя и архитектора. Знакомство с методами алгебры логики Герсеванова углубит их теоретическую подготовку.

ЛИТЕРАТУРА

- Червенчук И. В. Применение методов математической логики при принятии решений // Социально-экономическое развитие регионов в условиях цифровой трансформации: материалы международной научно-практической конференции (Омск, 30 ноября – 1 декабря 2023 года). Омск: ОмГА, 2024. С. 204–210.
- Задворнова А. С., Бабенко А. С., Матыцина Т. Н. Применение элементов математической логики при изучении понятий системы и совокупности // Математика и информатика, астрономия, физика и технология и совершенствование их преподавания: материалы научно-практической конференции (Ярославль, 19–21 марта 2024 года). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 2024. С. 57–64.
- Федосова Е. Б. Исторический аспект создания моделей технических систем на основе булевой алгебры логики // Современные технологии в науке и образовании: сборник трудов IV Международного научно-технического форума (Рязань, 03–05 марта 2021 года): в 10 т. Т. 5. Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина, 2021. С. 18–21.
- Абдуразаков М. М. Аспекты межпредметной и метапредметной образовательной связи информатики, математики и логики // Пространство педагогических исследований. 2025. Т. 2. № 2. С. 7–24. DOI: 10.23859/3034-1760.2025.54.99.001.
- Бирюков Б. В., Верстин И. С., Левин В. И. Жизненный и научный путь Виктора Ивановича Шестакова – создателя логической теории релейно-контактных схем // Логические исследования: ежегодник. 2007. № 14. С. 27–72.
- Левин В. И. Михаил Александрович Гаврилов и логическая теория проектирования дискретных систем управления // Системы управления, связь и безопасность. 2023. № 4. С. 283–303.
- Сясина Т. В., Лигенчук Д. Д. Приложение алгебры логики к релейно-контактным схемам // ТОГУ-старт: фундаментальные и прикладные исследования: материалы региональной научно-практической конференции (Хабаровск, 12–16 апреля 2022 г.). Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. С. 74–79.
- Зуев А. В. Программа портостроительных работ в России в конце XIX – начале XX вв. и её итоги // Казачество. 2024. № 78 (5). С. 225–228.
- Бирюков Б. В., Кузичева З. А. Из истории приложений логики: о работе Герсеванова «Применение математической логики к расчёту устойчивости сооружений» // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы X Общероссийской научной конференции (26–

- 28 июня 2006 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 194–196.
10. Коськов С. Н. Конвенции и конвенционалистская методология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Директ-Медиа, 2024. 172 с.
 11. Ермаков А. А. Энтилемматичность логического следования: альтернативный подход к решению парадокса материальной импликации // Логико-философские штудии. 2024. Т. 21. № 2. С. 83–87. DOI: 10.52119/LPHS.2024.43.65.004.
 12. Бабина Д. А. О логике в философской системе Н. О. Лосского // Вопросы философии. 2025. № 3. С. 109–120. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-3-109-120.
 13. Хайбулаев Г. Х. Логика как наука о формах правильного мышления по Аристотелю // Современные тенденции развития исследовательских компетенций в условиях инновационного кластера: сборник статей Международной научно-практической конференции (Казань, 10 апреля 2025 г.). Уфа: Аэтерна, 2025. С. 99–101.
 14. Бирюков Б. В., Верстин И. С., Баранова Т. В. Коллизии жизненного и научного пути В. И. Шестакова // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: материалы VIII Общероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, июнь 2006 г.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 214–216.

REFERENCES

1. Chervenckuk, I. V. (2024). Application of Methods of Mathematical Logic in Decision-Making. In: *Social Economic Development of Regions in the Context of Digital Transformation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Omsk, November 30 – December 1, 2023)*. Omsk: OmskGA publ., pp. 204–210 (in Russ.).
2. Zadvornova, A. S., Babenko, A. S. & Matytsina, T. N. (2024). Application of Elements of Mathematical Logic in Studying the Concepts of a System and a Set. In: *Mathematics and Computer Science, Astronomy, Physics and Technology and Improving Their Teaching: Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Yaroslavl, March 19–21, 2024)*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University publ., pp. 57–64 (in Russ.).
3. Fedosova, E. B. (2021). Historical Aspect of Creating Models of Technical Systems Based on Boolean Logic Algebra. In: *Modern Technologies in Science and Education: Collected Works of the IV International Scientific and Technical Forum. Vol. 5 (Ryazan, March 3–5, 2021)*. Ryazan: Ryazan State Radio Engineering University publ., pp. 18–21 (in Russ.).
4. Abdurazakov, M. M. (2025). Aspects of Interdisciplinary and Meta-Disciplinary Educational Connections Between Computer Science, Mathematics, and Logic. In: *Education Research Environment*, 2 (2), 7–24. DOI: 10.23859/3034-1760.2025.54.99.001 (in Russ.).
5. Biryukov, B. V., Verstin, I. S. & Levin, V. I. (2007). The Life and Scientific Path of Viktor Ivanovich Shestakov – the Creator of the Logical Theory of Relay-Contact Circuits. In: *Logical Studies: Yearbook*, 14, 27–72 (in Russ.).
6. Levin, V. I. (2023). Mikhail Aleksandrovich Gavrilov and the Logical Theory of Designing Discrete Control Systems. In: *Systems of Control, Communication and Security*, 4, 283–303 (in Russ.).
7. Syasina, T. V. & Ligenchuk, D. D. (2022). Application of Boolean Algebra to Relay-Contact Circuits. In: *TOGU-Start: Fundamental and Applied Research: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference (Khabarovsk, April 12–16, 2022)*. Khabarovsk: Pacific National University publ., pp. 74–79 (in Russ.).
8. Zuev, A. V. (2024). The Program of Port Construction Works in Russia in the Late 19th – early 20th Centuries and Its Results. In: *Kazachestvo*, 78 (5), pp. 225–228 (in Russ.).
9. Biryukov, B. V. & Kuzicheva, Z. A. (2006). From the History of Logic Applications: on Gersevanov's Work "Application of Mathematical Logic to Calculating the Stability of Structures. In: *Modern Logic: Problems of Theory, History, and Application in Science: Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference (June 26–28, 2006)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 194–196 (in Russ.).
10. Koskov, S. N. (2024). *Conventions and Conventionalist Methodology*. Moscow: Direct-Media publ. (in Russ.).
11. Ermakov, A. A. (2024). Enthymematicity of Logical Consequence: An Alternative Approach to Resolving the Paradox of Material Implication. In: *Logical and Philosophical Studies*, 21 (2), 83–87. DOI: 10.52119/LPHS.2024.43.65.004 (in Russ.).
12. Babina, D. A. (2025). On Logic in the Philosophical System of N. O. Lossky. In: *Questions of Philosophy*,

- 3, 109–120. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-3-109-120 (in Russ.).
13. Khaibulaev, G. Kh. (2025). Logic as a Science of the Forms of Correct Thinking According to Aristotle. In: *Modern Trends in the Development of Research Competencies in the Context of an Innovative Cluster: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference* (Kazan, April 10, 2025). Ufa: Aeterna publ., pp. 99–101 (in Russ.).
14. Biryukov, B. V., Verstin, I. S. & Baranova, T. V. (2006). Collisions in the Life and Scientific Path of V. I. Shestakov. In: *Modern Logic: Problems of Theory, History, and Application in Science: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference* (St. Petersburg, June 2006). St. Petersburg: St. Petersburg State University publ., pp. 214–216 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Приядко Игорь Петрович (г. Москва) – кандидат культурологии, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8570-6533;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor P. Pryadko (Moscow) – Cand. Sci. (Culturology), Prof., Moscow State University of Civil Engineering;
e -mail: priadcko.igor2011@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8570-6533

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-88-97

КОНЦЕПЦИЯ РЕСЕНТИМЕНТА В ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ И ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Васюков Р. В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: rostislawwww@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2025

После доработки 21.04.2025

Принята к публикации 12.05.2025

Аннотация

Цель. Раскрыть современное социально-философское значение концепции ресентимента Фридриха Ницше и выявить причины и последствия её редукционистского прочтения.

Процедура и методы. Методологическая основа работы включает герменевтический анализ основных текстов Ницше, дополненный междисциплинарным подходом, объединяющим философский, социальный и психологический дискурсы и критическим анализом концепции ресентимента.

Результат. Установлено, что вульгарное толкование основных понятий философии Ницше связано с игнорированием их экзистенциально-творческого и духовного содержания, что ведёт к искажению всей ницшеанской философии и формирует почву для её использования в милитаристских и экстремистских целях. Предложена авторская интерпретация ресентимента через концепт «воли к свободе», подчёркивающий диалогичность человеческого бытия и этическую ответственность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенная интерпретация ресентимента позволяет преодолеть бинарную социально-онтологическую оппозицию «сила – слабость» за счёт интеграции идей современной социальной философии и психологии. Исследование в целом позволяет расширить возможности применения ницшеанской мысли в современных антропологических и этических исследованиях. Практическая ценность работы заключается в противодействии манипуляциям и экстремистским интерпретациям философской концепции Ницше.

Ключевые слова: воля к власти, диалог, ответственность, ресентимент, свобода, социальная стратификация, социальная философия, социальное неравенство, экзистенциальный выбор, экстремизм

Для цитирования:

Васюков Р. В. Концепция ресентимента в философии Ницше: социально-философские поиски и экстремистские интерпретации // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 88–97. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-88-97>.

Original research article

RESSENTIMENT IN NIETZSCHE'S PHILOSOPHY: SOCIO-PHILOSOPHICAL INQUIRIES AND EXTREMIST INTERPRETATIONS

R. Vasyukov

Russian State Social University Moscow, Russian Federation
e-mail: rostislawwww@mail.ru

Received by the editorial office 31.03.2025

Revised by the author 21.04.2025

Accepted for publication 12.05.2025

Abstract

Aim. To reveal the contemporary social philosophical significance of Friedrich Nietzsche's concept of ressentiment and to identify the causes and consequences of its reductionist reading.

Methodology. Hermeneutic analysis of Nietzsche's key texts, complemented by an interdisciplinary approach integrating philosophical, social, and psychological discourses, as well as a critical analysis of the concept of ressentiment, was complemented.

Results. It is established that the vulgarization of Nietzsche's core philosophical concepts, stemming from the disregard of their existential creative and spiritual content, distorts his philosophy and creates grounds for its exploitation in militarist and extremist agendas. An original interpretation of ressentiment is proposed through the concept of the "will to freedom," emphasizing the dialogical nature of human existence and ethical responsibility.

Research implications. The proposed interpretation of ressentiment enables the overcoming of the binary social ontological opposition "strength – weakness" through the integration of ideas from modern social philosophy and psychology. The study expands the potential applications of Nietzschean through contemporary anthropological and ethical research. The practical value lies in countering manipulative and extremist interpretations of Nietzsche's philosophical concepts.

Keywords: will-to-power, dialogue, responsibility, resentment, freedom, social stratification, social philosophy, social inequality, existential choice, extremism

For citation:

Vasyukov, R. V. (2025). Ressentiment In Nietzsche's Philosophy: Socio-Philosophical Inquiries and Extremist Interpretations. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 88–97. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-88-97>.

Введение

Философское наследие Фридриха Ницше продолжает формировать интеллектуальные и культурные ландшафты современности, сохраняя статус одного из самых влиятельных и противоречивых в истории философской мысли. Идеи Ницше остаются актуальными не только как объект академических исследований, но и как источник смыслов, способных вплоть до сего дня вдохновлять как на великие творческие порывы, так и на социально опасные действия. Эта двойственность проистекает из самой приро-

ды ницшеанской философии, бросившей вызов фундаментальным основам традиционного мировоззрения. Философский «молот» Ницше обрушился на догматические системы XIX в. – религиозные, научные и философские, – потребовав вместе с этим радикального пересмотра самих их оснований.

Важнейшим в этом глобальном плане философского демонтажа стал отказ от традиционных моральных парадигм. Ницше утверждал, что моральные нормы, претендующие на универсальность, на деле представляют собой продукт социаль-

ных отношений. Мораль, по его мнению, является производным социальным конструктом, который рождается из «стадного инстинкта». Для убедительности и эффективности своего действия этот инстинкт скрывает себя под масками «вечных» религиозных истин, формирует вокруг себя ложные ореолы, вводящие в заблуждение. Ключом к пониманию этого процесса выступает введённый философом термин – ресентимент. Этот термин отражает сложный психосоциальный феномен, при котором подавленная воля к власти (главная онтологическая категория у Ницше) трансформируется в скрытую ненависть к сильному и творческому началу.

Особую актуальность концепция ресентимента имеет сегодня по двум основным причинам. Во-первых, она раскрывает механизмы формирования коллективного и индивидуального сознания, превращение слабости в мнимую добродетель, зависти – в моральное превосходство, что продолжает иметь место в социальных, политических, культурных и повседневных практиках [1]. Во-вторых, эта идея наделяет учение Ницше элементом особой провокативности, которая также обусловлена и особой, для многих притягательной, афористичной, намеренно эпатажной формой изложения.

Стилистика и содержание идей Ницше создают риск того, что неподготовленная читательская аудитория, воспринимая эти идеи вне контекста всей философии Ницше, может интерпретировать их как призыв к тотальному разрушению, что недрого становится почвой для экстремистских настроений [2].

Методологическая основа

Методология исследования сочетает философскую рефлексию с междисциплинарным подходом, что позволяет не только реконструировать идеи Ницше, но и раскрыть их актуальность в контексте современности. Такой синтез даёт возможность проследить, как ресентимент – изначально абстрактное и, казалось

бы, произвольное понятие в философии Ницше – трансформируется в востребованный концепт, активно развивающийся в рамках современных социально-гуманистических исследований. В основе работы лежит герменевтический подход, включающий интерпретацию текстов «К генеалогии морали», «По ту сторону добра и зла», «Так говорил Заратустра» в контексте полемики Ницше с идеями христианской морали и рационализма, структурно-семантический анализ терминологической системы Ницше, историко-философскую реконструкцию идей Ницше в интеллектуальном контексте XIX–XX вв.

Кроме того, методологическая основа исследования включает элементы критического анализа, позволяющего выявить риски вульгаризации, упрощённых и экстремистских рецепций философии Ницше, актуальных в современную эпоху.

Концепция ресентимента в контексте моральной философии Ницше

Понятие *ресентимент* (фр. «озлобленность», «затаённая обида») не имеет точного аналога в русском языке, объединяя значения мстительности, злопамятности и подавленной агрессии. В философии Ницше ресентимент лежит в основе «рабской морали» – мировоззренческой установки, в общем и целом противоположной тем установкам, которые свойственны сильному, господскому типу личности [3, с. 253]. Ресентимент возникает как реакция слабого на силу. Вместо реализации «воли к власти» индивид подавляет жизненную энергию, отрицает её, превращаясь в декадента, умертвляющего жизнь в себе и инфицирующего аналогичными установками других через ценности.

Этот феномен проявляется в двух формах. *Социальная форма* – коллективная месть «слабых» носителям подлинных ценностей через создание искусственных ценностных регуляторов – религиозных догм, законов, моральных императивов. Объединяясь, «стадо» низвергает сильных, подменяя естественную иерархию навя-

занными, искусственными нормами, подавляющими силу. *Индивидуальная форма* – это аскетизм, самоограничение, при которых естественная природная агрессия направляется внутрь, порождая лицемерное отрицание жизни.

Показателем силы личности для Ницше становится её способность к открытому, искреннему следованию воли к власти. Различные формы альтруизма, взаимопомощи или жертвенности рассматриваются философом как симптомы вырождения – способы маскировки собственной слабости под личиной показной добродетели.

Ницшеанский анализ обнажает экзистенциальную несостоительность этого явления, за кажущейся строгостью аскетического идеала скрывается показная театральность самоотречения. Ницше раскрывает природу аскезы либо как агрессивного навязывания ценностей, принципиально враждебных жизни (вспомним христианские императивы с их отрицающим импульсом – «не убий», «не возжелай»), либо как изощрённой формы самоуничтожения. В последнем случае изначально созидательная воля к власти, составляющая ядро человеческой природы, извращается до своей противоположности – жизненная энергия, подавляемая под маской духовного очищения, превращается в инструмент саморазрушения.

Ключевой тезис Ницше строится на отрицании идеи равенства. Философ убеждён, люди изначально не равны по своей природной силе, следовательно, всякое искусственное уравнивание – будь то в этике, политике или социальных отношениях – есть ложь, порождённая ресентиментом. Только признание этой иерархии позволяет избежать культурного вырождения.

Экстремистский потенциал ницшеанства проявляется в ультимативной дилемме, которую оно бросает читателю как своеобразный жизненный вызов. На одной чаше весов – декадент, добровольно заковавший себя в цепи иллюзорной морали из страха перед собственной немощью. На другой – сверхчеловек [4, с. 31–32], чья неудержимая воля к власти разрывает ус-

ловности, превращая моральные табу в прах, сметая на своём пути любые препятствия. Эта антиномияозвучна раскольниковскому противостоянию «твари дрожащей» и «право имеющего»¹, но если у Достоевского решение обретается через покаяние, то Ницше доводит данный конфликт до экзистенциального предела. Его провокативная риторика оказывается не просто интеллектуальным экспериментом, но экзистенциальным триггером, призванным запустить разрушение привычной, устоявшейся эмоциональной и мировоззренческой рутине, заставить человека сделать решительный экзистенциальный выбор, исключающий какие-либо компромиссы.

Именно здесь кроется опасность вульгарной интерпретации. Аdeptы насилия и милитаристской риторики зачастую цинично эксплуатируют образ «сверхчеловека», намеренно отрывая его от философского контекста. В упрощённом прочтении ницшеанский идеал редуцируется до оправдания физической агрессии, тогда как у самого философа речь идёт, прежде всего, о напряжённой духовной борьбе. Разрушительный дух нигилизма, заложенный в критике традиционной морали, подменяется примитивным культом грубой силы. Внимание переносится с самоопределения на насилие. Неподготовленное сознание, не различающее уровней экзистенциального и социального, легко превращает сложную систему взглядов в программу разрушения – будь то политический радикализм или эстетический бунт. Акцент с преодоления собственной ограниченности смещается в сторону уничтожения внешних ограничений.

В философской системе Ницше индивидуальное величие и мощь становятся центральной осью, вокруг которой вращается смысл существования. Всё, что находится вне этого фокуса, обречено на слабость и поражение. Само пребывание за пределами «оси силы» философ трактует как экзистенциальный вызов, и если сверх-

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Наука, 1970. С. 213.

человек принимает его, бросая вызов собственным границам, то декадент бежит от этой борьбы, отрицая сам принцип самоутверждения. Источником ресентиментности, по Ницше, становится мучительное осознание дистанции между собой и идеалом величия. Это чувство усугубляется осознанием различия с теми, кто движется к цели, – отсюда рождается соответствующее внутреннее состояние, разрешающееся через ресентимент – отрицание чужого успеха, трактуемого ресентиментной личностью как иллюзорного или безнравственного.

Примечательно, что ницшеанская апология силы, действительно, не скрывает своей антидемократической сущности, восхождение к величию предполагает тотальное подчинение слабого. Философ конструирует модель социума, радикально разделённого на два полюса – аристократию духа, реализующую волю к власти через творческое доминирование, и подчинённую массу, чья роль сводится к обслуживанию элиты. Последняя, в целом, согласно Ницше, должна полностью принимать своё положение, не генерировать ресентимента, а выступать необходимым условием стабильности природной иерархии. Эта безжалостная стратификация, по Ницше, не просто социальная модель, но и органичный закон мироустройства – сила узаконивает себя не через моральные сентенции, а через акт самоутверждения в бытии.

Проблема актуализации концепции ресентимента

Концепция ресентимента, введённая Ницше как инструмент критики морали, оказалась исключительно плодотворной для междисциплинарных исследований. Немецкий психиатр Эрнст Кречмер адаптировал это понятие для психологии. «Под рессентиментом мы подразумеваем комплексную установку чувств людей, действительно или мнимо обойдённых в жизни; порождённые завистью и нуждой жизненные воззрения; перспективу жизни снизу; сверлящее, постоянно возобновляю-

щееся чувство скрытого внутреннего возмущения; типичную установку слабого против сильного, бедного по отношению к богатству, безобразного по отношению к красоте, больного, вырождающегося и увядающего по отношению к здоровью и молодости; и вместе с тем здесь отмечается тенденция к кататимной переоценке, придающей слабому и бедному этически более высокую ценность» [5, с. 294].

Кречмер интерпретирует ресентимент как источник сверхкомпенсации – механизма, при котором гипертрофированное демонстрирование определённых поведенческих свойств маскирует внутреннюю уязвимость. Например, показная агрессия часто скрывает глубинный страх, а напускная уверенность – сомнения в собственной значимости.

Кроме того, немецкий психиатр отметил особое значение борьбы за власть в становлении характера человека. В целом, Кречмер оценивал ресентимент и как возбудитель, и как симптом психопатологий [5, с. 295–299]. Благодаря интерпретациям Кречмера ницшеанские понятия перешагнули границы философии, войдя в инструментарий психотерапии и закрепившись в анализах социального поведения.

Новый этап осмысливания ресентимента был связан также с работой Макса Шелера «Ресентимент в структуре моралей». Автор, сохраняя ницшеанскую традицию критики морали, расширяет её социально-философским и психологическим анализом. В отличие от Ницше, Шелер не акцентирует внимание на христианстве и в качестве основного источника ресентимента рассматривает социально-психологические причины.

Особую остроту проблеме, по Шелеру, придаёт противоречие современных обществ, провозглашающих эгалитаризм и вместе с этим воспроизводящих иерархию и неравенство:

«Максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права и, соответственно, формальное, публично признанное социальное равноправие

соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т. е. в таком обществе, где каждый имеет “право” сравнивать себя с каждым и не может сравниться реально» [6, с. 21].

Несмотря на плодотворные интерпретации ресентимента в социальной психологии и политической теории, его философская концептуализация остаётся незавершённой. У Ницше ресентимент возникает не только как критика религиозного лицемерия, но и как экзистенциальный протест против гуманистических иллюзий. Человек в его трактовке – существо, обречённое на самоотчуждение, и ресентимент становится признаком экзистенциальной капитуляции – неспособности принять мир в его суровости и утверждать себя в нём через волю к власти.

Шелер, развивая эту категорию, в большей степени переводит дискурс в социальнофилософскую область, дополняет психологический аспект феномена социальным измерением – конкурентной природой современных обществ.

И здесь возникает сложность, поскольку если признать ресентимент антропологической константой, то логично попытаться институционализировать его, превратив в катализатор социальной динамики. Недовольство, лишённое выражения, и скрытая зависть могли бы стать ресурсом для создания различных форм конструктивной компенсации в труде, творчестве и т. п. Вместе с этим, встраивая ресентимент в структуру социального взаимодействия, общество рискует скорее не преодолеть его, а еще более гипертрофировать, превратив в устойчивый элемент культурного кода.

Сегодня часто можно услышать, что ресентимент (чувство зависти, злобы, скрытой мести) – это неотъемлемая часть человеческой природы: люди всегда будут завидовать и мстить, и с этим ничего не поделать. Такие рассуждения становятся удобным оправданием. Общество как бы признаёт вред ресентимента, но на деле

смиряется с ним, считая его нормой. Но так ли это на самом деле? И можно ли преодолеть это разрушительное чувство?

Шелер связывал ресентимент не с «плохой» природой человека, а во многом с социальным неравенством. По его мнению, это чувство возникает у тех, кто проиграл в социальной борьбе и оказался в проигрышном положении. У проигравшего возникает два пути: смириться – отказаться от амбиций и принять свою роль, или мстить – попытаться низвергнуть победителя, подменив природную силу и энергию хитростью или моральным превосходством (например, объявить слабость «добродетелью»).

Ницше полагал, что свобода возможна только через власть. Если человек не господствует, он становится чьей-то собственностью. Гегелевская диалектика «раба и господина» [7, с. 101–104] разрешается им в духе идеи о том, что раб мечтает не о свободе, а о том, чтобы самому стать господином. Однако философ как будто намеренно не отвечает на важный вопрос – может ли подчинение власти быть добровольным? Например, когда люди подчиняются не из страха, а из уважения к знаниям или опыту лидера.

Власть не всегда тотальна. Она может иметь локальные рамки ситуации или компетенции. Кроме того, власть может быть служением, и обладание властью само по себе способно становиться определённым видом «рабства».

Примечательно, что ещё в Античности Сократ в споре с Фразимахом оспаривал сведение власти к грубой силе или собственной наживе. На утверждение софиста Фразимаха о том, что правитель, подобно пастуху, заботится не об овцах, а о будущем пире, он возразил метафорой ответственной власти. Подлинный пастух подчиняет свои интересы благополучию стада. «...всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем – в общественном и в частном порядке. И неужели ты думаешь, будто те, кто правят государствами, – подлинные правители – правят по доброй воле?» [8, с. 54]. Здесь власть

оказывается формой служения, в котором формальное доминирование скрывает фундаментальную зависимость – правитель обречён заботиться о подвластных, иначе утрачивает саму суть своей роли.

В философии Ницше властвующий субъект выступает творцом ценностей, утверждая их через акты оценивания. Основой такого процесса служат чистая субъективность и воля к власти. Если сама ценность рождается из этой воли, то её цель – безграничное распространение господства. Таким образом, нарастающее господство диктует всё более радикальные ценности. Возникает своего рода порочный круг, в психологическом плане выражаящийся танталовыми муками властвующего. Усвоение ценности власти как цели порождает дальнейшую ненасытную жажду власти, ценность которой непрерывно возрастает и которая в то же время, оставаясь в полной мере не удовлетворённой, обрекает властвующего на бесконечное стремление к её расширению.

Сегодня, как и во времена Ницше или Шелера, ресентимент продолжает своё существование, социально-экономические расслоение, стратификация не исчезают, напротив, появляется всё больше триггеров, параметров успеха, которые могут запустить реакцию ресентимента [9] даже у тех, кто, как кажется, уже получил всё [10]. Если Ницше в качестве единственного конструктивного варианта предлагал ещё большее усиление и раскрытие индивидуальных **властных амбиций**, то более продуктивной альтернативой преодоления ресентиментарной динамики, с учётом современных философских и психологических исследований, видится не воля к власти, а **воля к свободе** [11], раскрываемая в контексте диалога и признания ценности Другого.

Анализ структуры ресентимента выявляет два основных его элемента:

1) **деструктивный** – стремление к ответному порабощению, питающее психические и социальные кризисы личности;

2) **созидательный** – естественное желание освобождения, выход из-под насилиственной власти.

Исторический опыт тоталитарных режимов XX в. демонстрирует тупик ницшеанской логики [12]. Культ силы, который должен воплощать индивидуалистический идеал свободы, оказывается вынужден в итоге подавлять всякую индивидуальность и свободу, в том числе и у самого властвующего, что порождает массовый ресентимент, который, в свою очередь, вновь воспроизводит насилие. В таких системах одновременно угнетённые и инфицированные ценностями власти вновь подменяют свободу местью, замыкая порочный круг разрушения.

Преодоление этого круга насилия требует переосмысливания самих основ социального взаимодействия. Альтернативу дихотомии «господин – раб» предлагают диалогическая модель [13] и философия персонализма [14, с. 477–486]. Если для Ницше субъект конституирует себя через монологическую «волю к власти», то здесь акцент смешается на со-бытие – пространство, где уникальность личности не подавляется, а раскрывается через признание ценности Другого. Персоналисты отвергают иерархию принуждения, заменяя её этикой солидарности, в которой сила рождается не из доминирования, а из взаимного признания.

Однако подлинный разрыв с логикой ресентимента требует ещё одного шага – обращения к христианской идее прощения, которую Ницше, отвергая как проявление «морали рабов», принципиально игнорировал. Именно прощение, а не месть, становится актом радикальной свободы [15, с. 325–326]. Жертва, отказываясь от «ответного порабощения», трансформирует первично социальную и моральную реальность конфликта, устрая парадигму конфликта и борьбы как онтологическую основу в философии Ницше (что скрывает дарвинско-гегелевское влияние). Христианство предлагает не подавление гнева, а его онтологическое преображение – разрыв порочной связи «угнетатель – жертва» через отказ от принципа талиона («око за око – зуб за зуб») [6]. Прощая, человек не слабеет, а обретает власть над циклом насилия, выводя отно-

шения из плоскости силы в пространство смысла.

В сердцевине поднятой Ницше проблемы ресентимента лежат важнейшие вопросы: какой должна быть власть, чтобы выполнять свою функцию, не вызывая ресентимента? как совместить эффективное управление с сохранением социальной гармонии? как избежать раскола в обществе, превратив власть в инструмент консолидации? и наконец – как обеспечить свободу личности, не подавляя её потенциала, а раскрывая его?

Современный социальный и культурный контекст лишь подчёркивает актуальность этих вопросов [17]. Сегодня поиск модели власти, способной преодолеть порочный круг ресентимента, становится не просто философской задачей, а насущной необходимостью [18].

Заключение

Философия Фридриха Ницше, как демонстрирует исследование, остаётся не просто интеллектуальным наследием XIX в., но и мощным инструментом анализа современных социальных, политических и экзистенциальных вызовов. Концепция ресентимента, раскрывающая механизмы превращения слабости в мнимую добродетель, а зависти – в моральное превосходство, сохраняет свою провокативность, при этом требуя осторожного обращения.

Философский «молот» Ницше, разбивающий догмы морали и религии, обнажает опасность трактовки «воли к власти» как примитивного культа силы. История XX в. с её тоталитарными режимами доказывает, что вырванные из контекста идеи «сверхчеловека» и «аристократии духа» легко превращаются в инструмент идеологического насилия. Вульгаризация философии Ницше, игнорирующая её экзистенциально-творческое ядро, не только искаляет мысль автора, но и питает милитаристскую риторику, подменяя духовную борьбу физической агрессией.

Междисциплинарный анализ, включающий психологические интерпретации Кречмера и социологическую критику Шелера, расширяет понимание ницшеанской концепции ресентимента. Если Ницше видел в ресентименте симптом экзистенциальной капитуляции, то Шелер связывает его с противоречиями современных обществ, в которых формальное равенство маскирует глубокое неравенство. Это противоречие, усугубляемое цифровой эпохой с её культом индивидуального успеха, делает ресентимент универсальным феноменом, требующим научного и философского переосмысливания.

Ключевой альтернативой ницшеанской модели социальных отношений выступает диалогическая модель и этика солидарности персонализма. Акцент на «со-бытии», в котором сила рождается из взаимного признания, а не из доминирования и господства, позволяет преодолеть бинарность оппозиции «сила – слабость» [19]. Подлинный прорыв за пределы ресентимента невозможен без христианской идеи прощения. Прощение, понимаемое не как слабость, а как акт свободы, разрывает порочный круг насилия, устраниет онтологическую основу борьбы и конфликта, переводя социальные отношения из плоскости силы в пространство смысла.

Вопросы, поднятые Ницше, – о природе управления, гармонии общества и свободе личности – звучат сегодня с новой силой. Ответом на них может стать синтез «воли к свободе», диалога и прощения, в котором власть утрачивает тотальность, превращаясь в служение, а ресентимент трансформируется в энергию созидания.

Философия Ницше, таким образом, требует не слепого принятия, но критической рефлексии, способной отделять её творческий потенциал от рисков экстремизма. Только через признание взаимозависимости силы и уязвимости, свободы и ответственности общество сможет преодолеть ресентимент, превратив его из разрушительного тупика в импульс для подлинного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобазова О. Ф. Власть и общество в России: национальная идея и гражданская идентичность // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 6–23. DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-6.
2. Лонский Я. А. Анализ философско-исторической траектории становления религиозного экстремизма в России в период с 1862 по 1917 год // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 155–157.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилова, К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2012. 480 с.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. М.: Прогресс, 1994. 512 с.
5. Кречмер Э. Медицинская психология / пер. с нем. В. А. Лукова. СПб.: Союз, 1998. 464 с.
6. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. 231 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
8. Платон. Государство / пер. с А. Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
9. Кирилина Т. Ю. Ресентимент как инструмент анализа социальных явлений // Социально-гуманитарные технологии. 2022. № 4 (24). С. 12–18.
10. Отыцкий Г. П. Социально-культурологические аспекты зла в теоретическом наследии русского религиозно-философского ренессанса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. № 5–1. С. 109–120.
11. Меликов И. М. Личное бытие свободы. М.: Канон+, 2024. 336 с.
12. Кузьменко Г. Н. Futurum. Полисемия термина “постмодерн”: проблема и вариант решения // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 160–166. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-160-166.
13. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
14. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр.; вступ. ст. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.
15. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2004. 480 с.
16. Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. Т. 17. № 2 / отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Институт философии РАН, 2017. С. 5–25.
17. Синебрюхова А. С., Жилина В. А. Ресентимент как черта современных моральных рисков // Социальные нормы в условиях современных рисков: материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, 18–19 мая 2017 г.). Челябинск: АнтраВита, 2017. С. 278–282.
18. TenHouten W. D. From Ressentiment to Resentment as a Tertiary Emotion // Research in Social Sciences. 2018. Vol. 10. № 4. P. 49. DOI: 10.5539/res.v10n4p49.
19. Евреева О. А., Афонин М. В. Ценностный выбор российской цивилизации // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 1 (150). С. 126–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-1-126-131.

REFERENCES

1. Lobazova, O. F. (2024). Power and Society in Russia: National Idea and Civic Identity. In: *World of Russian-Speaking Countries*, 4 (22), 6–23. DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-6 (in Russ.).
2. Lonsky, Ya. A. (2023). Analysis of the Philosophical and Historical Trajectory of the Development of Religious Extremism in Russia from 1862 to 1917. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 11, 155–157 (in Russ.).
3. Nietzsche, F. (2012). Beyond Good and Evil: On the Genealogy of Morality. In: “Wagner” Case. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
4. Nietzsche, F. (1994). *Thus Spoke Zarathustra*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).
5. Kretschmer, E. A *Text Book of Medical Psychology*. St. Petersburg: Soyuz publ. (in Russ.).
6. Scheler, M. (1999) *Resentment in the Structure of Morals*. St. Petersburg: Nauka publ., Universitetskaya kniga publ. (in Russ.).
7. Hegel, G. V. F. (2000). *Phenomenology of the Spirit*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
8. Plato (2015). *The Republic*. Moscow: Academichesky Proekt publ. (in Russ.).
9. Kirilina, T. Yu. (2022). Resentment as a Tool for Analyzing Social Phenomena. In: *Social and Humanitarian Technologies*, 4 (24), 12–18 (in Russ.).
10. Otyutsky, G. P. (2024). Social Cultural Aspects of Evil in the Theoretical Heritage of the Russian Religious and Philosophical Renaissance. In: *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*,

- 5–1, 109–120 (in Russ.).
11. Melikov, I. M. (2024). *Personal Being of Freedom*. Moscow: Canon+ publ. (in Russ.).
 12. Kuzmenko, G. N. (2024). Futurum. Polysemy of the Term “Postmodern”: Problems and Solution. In: *Social Policy and Sociology*, 23 (3), 160–166. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-160-166 (in Russ.).
 13. Bakhtin, M. M. (2002). *Collected Works. Vol. 6: Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Russkie slovari publ., Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
 14. Mounier, E. (1999). *Manifesto of Personalism*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
 15. Berdyaev, N. A. (2004). *The Meaning of Creativity*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
 16. Apresyan, R. G. (2017). Resentment and the Historical Dynamics of Morality. In: *Ethical Thought. Vol. 17* (2). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences publ., pp. 5–25.
 17. Sinebryukhova, A. S. & Zhilina, V. A. (2017). Resentment as a Feature of Modern Moral Risks. In: *Social Norms in the Context of Modern Risks: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, May 18–19, 2017)*. Chelyabinsk: AntroVita publ., pp. 278–282 (in Russ.).
 18. TenHouten, W. D. (2018). From Ressentiment to Resentment as a Tertiary Emotion. In: *Research in Social Sciences*, 10 (4), pp. 49. DOI: 10.5539/res.v10n4p49 (in Russ.).
 19. Evreeva, O. A. & Afonin, M. V. (2024). Value Choice of Russian Civilization. In: *Social Policy and Sociology*, 23 (1), pp. 126–131. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-1-126-131 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васюков Ростислав Викторович (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли Российской государственной социальной университета;
e-mail: rostislawww@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rostislav V. Vasyukov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Modern Axiological Problems and Religious Thought, Russian State Social University;
e-mail: rostislawww@mail.ru

Научная статья

УДК 304.9

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-98-107

КВАЗИГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И НАДЗОРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Коротков Н. В.^{1*}, Мусин А. И.^{2,3}

¹Кировский государственный медицинский университет, г. Киров, Российской Федерации

²Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», г. Москва, Российской Федерации

³Вятский государственный университет, г. Киров, Российской Федерации

*Корреспондирующий автор; e-mail: n_korotkov@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2025

После доработки 25.09.2025

Принята к публикации 06.10.2025

Аннотация

Цель. Анализ квазигуманистических идей псевдо-, анти-, транс-, пост- и неогуманизма в контексте современной реальности надзорного капитализма.

Процедура и методы. Методы классификации, критического анализа, обобщения.

Результаты. Показано, что надзорный капитализм с ранних стадий своего развития приобрёл псевдогуманистический характер, имея скрытые властные претензии на сбор как можно большего количества поведенческих данных с пользователей. Выявлено, что отношение к пользователям как к источнику ресурсов нового типа – поведенческих излишков – является признаком зарождающегося постгуманизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ответ на вызовы надзорного капитализма предложено использовать неогуманизм на базе христианской традиции, что обуславливает практическое значение исследования для философов, теологов, экономистов, изучающих устройство современного цифрового общества.

Ключевые слова: надзорный капитализм, поведенческие излишки, постгуманизм, псевдогуманизм, христианский неогуманизм, цифровая власть

Для цитирования:

Коротков Н. В., Мусин А. И. Квазигуманистические идеи и надзорный капитализм как социальная реальность // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 98–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-98-107>.

Original research article

QUASI-HUMANISTIC IDEAS AND SURVEILLANCE CAPITALISM AS SOCIAL REALITY

N. Korotkov^{1*}, A. Musin^{2,3}

¹Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation

²Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russian Federation

³Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

*Corresponding author; e-mail: n_korotkov@mail.ru

Received by the editorial office 08.09.2025

Revised by the author 25.09.2025

Accepted for publication 06.10.2025

Abstract

Aim. To analyze quasi-humanistic ideas of pseudo-, anti-, trans-, post-, and neohumanism in the context of the contemporary reality of surveillance capitalism.

Methodology. The study employs classification, critical analysis, and generalization.

Results. It was demonstrated that surveillance capitalism, in its early stages, developed in a pseudo-humanistic manner while harboring hidden power ambitions to collect as much behavioral data from users as possible. The study revealed that treating users as a source of a new type of resource (behavioral surplus) is a sign of emerging post-humanism.

Research implication. It is proposed to use neo-humanism on the basis of the Christian tradition, which determines the practical significance of the study for philosophers, theologians, and economists studying the structure of modern digital society.

Keywords: pseudo-humanism, post-humanism, surveillance capitalism, behavioral surplus, digital power, Christian neohumanism

For citation:

Korotkov, N. V., Musin, A. I. (2025). Quasi-Humanistic Ideas and Surveillance Capitalism as Social Reality. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 98–107. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-98-107>.

Введение

В 2025 г. вышла статья [1], в которой были рассмотрены основные особенности современных социальных взаимоотношений, вызванных, по выражению авторов Я. В. Бондаревой и Г. А. Жаровонковой, «коррозией» идеи гуманизма. Такой термин кажется очень удачным и отражающим тот факт, что на определённом этапе истории идея гуманизма не просто эволюционировала или трансформировалась, а в самом деле распалась на набор идей, которые мы назовём «квазигуманистическими», маркируя этим термином новую (со времён Ренессанса и Просвещения) проблематизацию самой идеи гуманизма в ситуации современных кросскультурных исследований и таких философских трендов, как «антиантропоцентризм» [2], «борьба с видовой дискриминацией» [3], «нечеловеческие личности» и пр. Как резюмировал ситуацию в современной культурной антропологии бразильский исследователь Э. В. де Кастро: «Если всё может быть человеком, то ничто не является им чётко и недвусмысленно» [4, с. 36]. В этих условиях любая попытка концептуализации статуса человека в природе, в бытии («положение человека в космосе», говоря словами «отца» философской антропологии

М. Шелера) *a priori* имеет приблизительный характер («как бы», «будто», «почти»), не претендуя на завершённость – в силу множественности интерпретаций, зеркально умножающихся друг в друге.

В настоящей статье мы представим краткую классификацию квазигуманистических идей, а также попробуем осмыслить их в контексте новой социальной реальности под названием «надзорный капитализм».

От гуманизма к набору квазигуманистических идей

Догуманистический период. Как отмечается в Новой философской энциклопедии¹, гуманизм как явление, хотя и широко трактуется в современных исследованиях, тем не менее, своим возникновением обязан эпохе Возрождения и созданию новой светской культуры. Однако, как справедливо замечают авторы [1], протогуманистические идеи частично присутствуют в предшествующих культурах.

Одним из важнейших событий для догуманистического периода является Бого воплощение. Христианское учение о том, что Бог стал человеком, а человек при-

¹ Гуманизм // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 567–569.

зывается в общение с Богом, несёт в себе освободительный потенциал для человека, который теперь является не игрушкой в руках языческих богов, а образом Единого Бога-Творца.

Ключевой становится идея обожения как преображения человеческой природы под воздействием Бога, в результате которого человек всё более и более уподобляется Богу, становясь «богом по благодати»¹. При этом, в отличие от неоплатоников, у которых соединение души с божеством сопровождается освобождением от материального, у христианских подвижников обожение понимается как процесс, охватывающий и душу, и тело. Такой подход можно называть *теоцентрическим протогуманизмом*, поскольку в его рамках утверждается ценность всей полноты человека, но только в его связи с Богом.

Кроме того, для протогуманизма древних христиан характерны подчёркнутое равенство всех людей перед Богом, деятельное осуждение рабства и социальной несправедливости, а также создание альтернативных форм жизни в монашеских общинах. Как показывает Дж. Агамбен, альтернативность монашеской жизни проявляется в инверсии традиционной юридической идеи соблюдения правил: монах не прилагает норму к жизни, а жизнь применяет к норме [5, с. 92]. Эта парадигма «шаг за шагом распространялась далеко за пределы монашества и церковной литургии в узком смысле, проникнув в мирскую сферу и оказав долговременное влияние как на этику, так и на политику на Западе» [5, с. 93].

Гуманизм. Процесс секуляризации, начавшийся в эпоху Возрождения (доказательство Лоренцо Валла подложности «Константина дара», использование Рафаэлем Санти своей любовницы в качестве модели для изображения Богородицы и пр.) и продолжившийся в эпоху Просвещения (призыв Вольтера «раздавить гадину», «культ разума» в революционной Франции), несмотря на свой

нарастающий антиклерикализм, по сути, является своего рода «рационалистическим комментарием» к библейской борьбе с идолопоклонством «кесаризма» и космоцентризма («космическим прельщением» по более поздней удачной формулировке Н. А. Бердяева). Как показывает Х. Кокс, секуляризацию можно рассматривать как «эхо» и продолжение изначальной библейской традиции, для которой характерны:

1) «расколдовывание» природы, поскольку одна из целей рассказа о Сотворении мира в книге Бытия – «объяснить евреям, что магические представления о природе как о некой полубожественной силе на самом деле ни на чём не основаны» [6, с. 38], поэтому, например, профанируются небесные светила, которые даже не называются Солнцем и Луной (Быт. 1: 14–18);

2) десакрализация политической власти при гражданском неповиновении и Исходе евреев из Египта [6, с. 41], с последующей борьбой пророков против соблазнов царской власти в самом Израиле (1 Цар. 8: 7), и непризнанием власти римского императора как верховного жреца (лат. Pontifex Maximus) в раннехристианской церкви.

В период классического гуманизма человек занимает самостоятельное место между Богом и природой, небом и землёй (становится «пограничником бытия»). Человек мыслится как свободный субъект познания и деятельности, управитель природы и общества. Гуманизм провозглашает ценность человеческой личности, научно-технологический прогресс и сообразное с этим развитие социальных отношений.

Псевдогуманизм. В XX в. с развитием неклассической философии появляется термин «псевдогуманизм» для описания кризиса классического гуманизма, когда тоталитарные государства использовали гуманистические лозунги для оправдания насилия. Для псевдогуманизма характерны: 1) подмена цели – декларация защиты человека при реальном подавлении свободы; 2) манипуляция сознанием с помощью особой языковой игры («новояза»), прекрасно описанной Дж. Оруэллом в романе

¹ Обожение // Православная энциклопедия. Т. 52 / М.: Православная энциклопедия, 2018. С. 263–268.

«1984»; 3) селективность – забота об одной социальной группе за счёт пренебрежения или даже исключения заботы о других группах.

Наряду с «тоталитарным» («коруэлловским») вариантом псевдогуманизма можно выделить и «либеральный псевдогуманизм», характерным примером которого, на наш взгляд, является *современный стоицизм*, представленный трудами Д. Робертсона, М. Пильюочки, Н. Талеба и многих других¹ – своего рода «ремейк» античного стоицизма, претендующий на роль новой / старой картины мира для «постхристианского Запада». По сути, современный стоицизм выполняет функцию «идейного импортозамещения» восточных философий, чьи адепты с середины прошлого века плотно «оккупировали» культурное пространство Европы и Америки (гуру дзен-буддизма, кришнаизма и даосизма составляют конкуренцию рок-звёздам, не говоря уж о профессорах философии). Зато теперь объявления о тантрической медитации активно заклеиваются объявлениями о курсах стоической медитации, международные симпозиумы-стоиконы собирают тысячи участников, а тиражи книг формата «Стоицизм на каждый день» фактически растворили в себе жанр литературы самопомощи («self-help»).

Современный стоицизм позиционируется как эффективный способ личностного развития, способный превратить любого в «супергероя» с помощью специальных психотехник типа «когнитивного дистанцирования» [7, с. 189–193] или «дихотомии контроля», которая сводится к рекомендации менять не обстоятельства, а своё отно-

шение к ним. Вместе с тем рекомендация эта не бесспорна и является прямым следствием из весьма специфической *онтологии* античного стоицизма, моделирующей космос как разумный сверхорганизм, в котором исключены случайности, и каждый индивид, безотносительно к его личным «хотелкам», занимает именно то место, которое необходимо для гармонии целого. Поэтому личный дискомфорт, «суета и томление духа» вызваны исключительно неспособностью индивида посмотреть на себя «с точки зрения космоса».

Скажем, для А. И. Герцена ссылка в Вятку была несчастьем, но для самой Вятки – благом: появилась публичная библиотека, местная элита познакомилась со столичными трендами «из первых уст», публичная жизнь в целом ожила. При всей её «кутности» в такой телеологической онтологии фантазия и любые попытки выйти за рамки «здравого смысла» суть эскапизм, ибо «разумно лишь то, что по природе». Словами Марка Аврелия: «Спеши всегда кратчайшим путём, а кратчайший путь – по природе, чтобы говорить и делать всё самым здравым образом» [8, с. 22].

Вместе с тем, следствием из фантазии как «чаяния невозможного» является, вопреки мантрам современного стоицизма, не только раздражительность и уныние, но и вся современная цивилизация (не было бы самолёта без мечты о ковре-самолёте). Т. е. фактически стоицизм приносит в жертву внутреннему спокойствию личностное и общественное развитие.

Таким образом, на примере современного стоицизма мы наблюдаем реванш архаической – фаталистической и пантеистической – онтологии, не оставляющей места свободе человека (а следовательно, несовместимой с гуманизмом) против более поздних онтологий – христианской, экзистенциалистской, марксистской и пр., включая современную научную картину мира («глобально-эволюционную»). Поэтому современный стоицизм на поверку оказывается не неогуманизмом (о нём ниже), а одной из вариаций псевдогуманизма.

¹ Из интересных русскоязычных прецедентов можно назвать сообщество в социальной сети ВКонтакте «Стоицизм и 2D девицы» ([URL: https://vk.com/stoicism2d](https://vk.com/stoicism2d), дата обращения: 08.09.2025), где публикуются цитаты стоиков, и для дополнительного привлечения аудитории используются изображение девушек в стиле аниме. На момент написания статьи в сообществе более 8 тыс. подписчиков. Авторам известны и специализированные групповые чаты в социальных сетях, участники которых устраивают совместные чтения текстов стоиков и делятся друг с другом опытом применения стоических идей на практике.

Антигуманизм. Одной из возможных реакций на псевдогуманизм является *антигуманизм*, который отрицает ценность человека. Предвестниками антигуманизма стали констатация Ф. Ницше смерти Бога и традиционной христианской морали, а также открытие З. Фрейдом бессознательного, подрывающего идею рационального субъекта. Человек теперь мыслится как продукт внешних условий (языка, властных институтов, технологий), в терминологии М. Фуко, человек – продукт «техник подчинения тел и контроля за населением» [9, с. 244], так называемой «био-власти».

Трансгуманизм – одна из разновидностей антигуманизма, направленная на формальное улучшение человека через технологии, но на более глубоком уровне отрицающая природную сущность человека. Авторы статьи [1] в качестве примеров таких технологий называют интернет-революцию, искусственный интеллект (ИИ), блогосферу. Трангуманистическое движение развивается в рамках процессов глобализации, которая, как замечает Е. В. Яровая в недавней работе [10], является важнейшим фактором объединения общественных институтов, науки и технологий для амбициозного проекта – преодоления физической конечности и смертности.

Ещё одно направление антигуманизма, *постгуманизм*, ставит вообще под сомнение исключительность человека, предлагая включить в пространство социальной жизни другие биологические организмы и роботов с искусственным интеллектом. Это приводит к концепции «мира без людей», в которой человеческой исключительности настал конец.

В современной научной периодике постгуманистические тенденции проявляются при использовании объектно-ориентированной онтологии (ООО) Г. Хармана [11; 12] и акторно-сетевой теории Б. Латура [12; 13], в которых утверждается онтологическое равенство всех объектов.

Неогуманизм. Противоположной антигуманизму реакцией на псевдогуманизм является *неогуманизм* как версия гуманизма, адаптированная к реалиям XXI в. Вера

в разум и свободу человека сохраняется, но дополняется идеями осторожного отношения к технологиям, межкультурного диалога и биоэтики.

Характерный пример неогуманизма является собой международный исследовательский проект «Словарь культуры XXI века»¹, движимый стремлением деколонизировать язык международного общения за счёт включения в него широкого корпуса слов из неевропейских языков (африканских: «кандака», «айе», «акуна матата»; индейских – «кайянискаци», «апапача», «мамихлапинатапай»; арабского – «иншалла», «уэр-уэр», балтийских – «аткрасте» и др.). С другой стороны, есть вероятность, что тем самым в широкий (в пределе – глобальный) оборот массово вольются понятия и смыслы, изначально возникшие и развивавшиеся вне «гуманистической парадигмы», размывающие границу между человеком и животным и даже – между человеком и вещью.

Ещё один вариант мыслить о человеке в рамках неогуманизма – это *антропокосмизм*, утверждающий место человека в космосе не как центра мироздания, а как участника космологической эволюции. Методология антропокосмизма предполагает целостный подход к изучению человека с учётом не только естественно-научной картины мира, но и религиозного опыта. В связи с этим можно отметить недавнюю книгу учёного-физика и диакона А. В. Нестерука [14], который в рамках феноменологического подхода предлагает диалог между естественно-научным и богословским нарративами о Вселенной, помещая человека в точку пересечения этих нарративов.

Надзорный капитализм как социальная реальность

На наш взгляд, продуктивной для анализа квазигуманистических идей в современном цифровом обществе является теория *надзорного капитализма*. Термин «над-

¹ Словарь культуры XXI века: глобальная серия. Т. 1 / сост. И. Сид. М.: Институт перевода: Центр книги Рудомино, 2022. 464 с.

зорный капитализм» введён американским исследователем Шошаной Зубофф (р. 1951) и определён как «новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырьё, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи» [15, с. 10]. Согласно её мнению, он отличается от классического капитализма в трёх аспектах: 1) «настаивает на своём праве на неограниченную свободу и неограниченное знание»; 2) принципиально технологизирован, анонимизирован и отказывается от «органической взаимности с людьми»; 3) выступает за технологический колективизм и прозрачность жизни (так называемая «жизнь в улье») [15, с. 639].

Инверсия процесса потребления как первый шаг. В середине 1999 г. открылся сервис Napster – файлообменная пиринговая сеть, которая позволяла легко обмениваться музыкальными файлами с другими людьми. Этот революционный для своего времени сервис отразил «новое качество спроса: потреблять по-моему, то, что я хочу, когда хочу, где хочу» [15, с. 42]. Napster просуществовал до 2001 г. и был остановлен по решению суда из-за многочисленных исков о нарушении авторских прав на музыкальные произведения. Однако компания Apple, воспользовавшись моментом и новыми возможностями цифровых технологий, произвела *инверсию* процесса потребления музыки – предложив решение, которое стало коммерчески успешным.

До выхода iPod музыкальная индустрия строилась на том, чтобы указывать покупателю, что он хочет купить, инвестируя в производство и выпуск компакт-дисков. Apple создала платформу iTunes и устройство iPod, на которой слушатели могли постоянно менять набор музыкальных треков по своему желанию. Таким образом, компания удовлетворила спрос на индивидуализированное потребление. Гуманистическая идея потребления «что, где, и когда я хочу» привела в итоге к множеству сервисов «в один клик», онлайн-курсов, приложений и устройств.

Поведенческие излишки как новый ресурс для извлечения прибыли. В 1998 г. была зарегистрирована компания Google. Google как поисковая система, помимо самой поисковой фразы, собирает и множество других *поведенческих данных*, таких как паузы при наборе, последовательность кликов мышкой, географическое положение и т. п. Зубофф показывает, что в ранний период развития Google поведенческие данные работали исключительно на благо пользователя (т. е. в гуманистическом ключе) [15, с. 94], поскольку на их основе улучшались скорость, точность и актуальность поиска.

На этом этапе механизм функционирования Google представляет собой одиночный цикл реинвестирования *поведенческой стоимости*: 1) создание поведенческих данных на стороне пользователя; 2) оцифровка поведенческих данных поисковиком; 3) анализ данных; 4) улучшение сервиса на основе результатов анализа; 5) обновлённый сервис предоставляется пользователю (возврат к п. 1). Однако этот цикл не позволял извлекать какую-либо устойчивую прибыль.

Очень скоро в политике компании произошло то, что мы назовём *псевдогуманистическим поворотом*: сохранив на словах миссию «организовывать информацию всего мира и сделать её общедоступной и полезной», она перешла на другой механизм функционирования. В связи с окончанием эры «доткомов» спешно решалась задача по максимизации прибыли от рекламы. Идея инверсии потребления привела к тому, что теперь не рекламодатель выбирал ключевые слова, по которым будет показываться его рекламное объявление, а сам Google на основе *поведенческих излишков* (так называемое *таргетирование* рекламы). В рамках нового механизма поисковик теперь заинтересован собирать поведенческие данные на порядки больше, чем требуется для простого улучшения алгоритмов поиска.

К исходному циклу реинвестирования *поведенческой стоимости*, описанному выше, на этапе оцифровки (п. 2) присо-

единяется новый цикл. В нём: 1) излишки поведенческих данных передаются искусственному интеллекту как новому средству производства; 2) созданные ИИ предсказания пользователяского поведения продаются бизнес-клиентам [15, с. 130]. В широком смысле это не только рекламодатели, но и любые компании, которые хотят приобрести вероятностную информацию о поведении людей.

Пользователи поисковой системы с точки зрения экономических отношений не являются клиентами, поскольку не платят за поиск, не являются наёмными работниками, т. к. не получают заработной платы за генерацию поведенческих данных. Они являются *источником ресурсов* – поведенческих излишков, которые и приносят огромную прибыль.

Зубофф отмечает, что отношение к людям не как к потребителям, а как к ресурсу разворачивает кривую спроса и предложения «в направлении бизнесов, жаждущих предвидеть поведение отдельных лиц, групп и целых обществ» [15, с. 644]. Это приводит к тому, что экономические отношения перестают строиться на взаимовыгодном обмене товаров и услуг, которые теперь служат «для паразитических операций» [15, с. 645] по извлечению поведенческих излишков. Это Зубофф и называет отказом от «органической взаимности с людьми».

Отношение к человеку как ресурсу (своего рода «полезному ископаемому») является признаком зарождающегося постгуманизма и несёт угрозу «растворения» личности человека в цифровом пространстве с её заменой *аватаром*. Поисковые машины, социальные сети, интернет вещей и другие цифровые сервисы стирают границы между физическим миром и миром виртуальным, между человеком и пользователем, между мыслями и чувствами человека и предсказаниями пользовательского поведения на основе поведенческих излишков, постепенно погружая жизнь человека в постоянный акт слежки.

Комфорт как проявление псевдогуманизма. Маркетинг цифровых сервисов

основан на апелляции к удобству пользователя. В обмен на комфорт собираются поведенческие данные. Юридически этот процесс регламентируется *соглашениями о конфиденциальности*, принятие которого фактически обязательно: в противном случае сервис либо нельзя использовать вовсе, либо можно, но со значительными ограничениями.

Серьёзной проблемой является то, что практически никто из пользователей эти соглашения даже не читает. Зубофф приводит результаты исследования [15, с. 311], в котором 543 респондента, обладающих юридическими компетенциями, попросили зарегистрироваться в новом онлайн-сервисе. 74% из них приняли соглашение о конфиденциальности, не читая, а остальные, кто всё-таки просмотрел соглашение, сделали это очень быстро (медианное время – 14 секунд). Однако юридическая экспертиза показала, что для адекватного понимания этого документа требуется как минимум в 200 раз больше времени (не менее 45 минут). Таким образом, при надзорном капитализме извлечение и оцифровка поведенческих данных происходят *de facto* «несанкционированно, односторонне, жадно, тайно и нагло» [15, с. 316].

Необходимость передачи данных о пользователе и его предпочтениях подаётся как *персонализация* сервиса под конкретного человека для его же собственного комфорта. Конечно, раскрытие конфиденциальных данных происходит и перед своим лечащим врачом, юристом, бухгалтером, священником и т. д., но все они несут личную и институциональную ответственность за передачу конфиденциальной информации третьим лицам. Напротив, надзорные капиталисты практически не несут ответственности – соглашения о конфиденциальности составлены так, что разрешают передачу поведенческих данных незаграниченному кругу третьих лиц.

«Умные» пылесосы, кровати и прочие элементы «умного» дома в рекламе противопоставляются традиционным «неумным». Слово «умный», как и слово «интеллект», применительно к ИИ – это

эвфемизмы, скрывающие подлинную суть вещей. Прилагательное «умный» характеризует прибор, собирающий поведенческие излишки, которые будут в дальнейшем циркулировать в базах распределённых данных, «интеллект» – алгоритм, имитирующий мыслительную деятельность человека, предназначенный для переработки поведенческого «сырья» и последующего извлечения прибыли.

Надзорно-капиталистический рынок цифровых продуктов мы характеризуем как псевдогуманистический, проповедующий комфорт для человека, но имплицитно подразумевающий не просто извлечение прибыли, но и новую цифровую власть над людьми. Проблемы приватности, этики интернет-технологий и властных претензий интернет-компаний очень актуальны и отражаются в современной культуре. В качестве примера можно привести фильм «Сфера» (2017), описывающий могущественную технологическую компанию, стремящуюся к тотальной прозрачности и контролю над личными данными. По мере погружения в корпоративную культуру главная героиня фильма узнаёт, что за благами намерениями компании скрываются слежка и манипуляции, и разоблачает истинные цели.

Неогуманистический ответ на вызов надзорного капитализма. Идея мира, в котором люди используются как ресурс, не нова, и присутствует в культуре, от «Машины времени» (1895) Г. Уэллса до фильма «Матрица» (1999). Возникает закономерный вопрос, как реагировать на вызовы развивающегося надзорного капитализма.

Автор этого термина, Зубофф, предлагает довольно мало конкретики. Она говорит, что «десятилетия экономической несправедливости и огромных концентраций богатства... сумели научить людей тому, как они не хотят жить» [15, с. 675–676] при классическом капитализме, и привели к развитию демократических институтов и законодательства. Так и эпоха надзорного капитализма научит людей тому, как они не хотят жить, об этом нужно высказы-

ваться «в полный голос» и «назвать опасность по имени и победить её» [15, с. 676].

На наш взгляд, альтернативой надзорному капитализму способен стать неогуманизм. Методологически он может строиться, кроме прочего, на платформе христианской теологической традиции, которая уже перестаёт восприниматься как маргинальная и возвращается в академический дискурс. Первоочередной и важнейшей задачей христианского неогуманизма является *десакрализация* искусственного интеллекта (сокрушение идолов) и возвращение субъектности человеку (человек не средство и не ресурс, а свободный субъект, сотворённый Богом).

Современный философ Ханс Ульрих Гумбрехт (р. 1948) назвал «склонностью современной культуры оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии» [16, с. 11]. Хотя Гумбрехт рассматривает специфическую проблематику «культуры присутствия» и «культуры значения» в гуманитарных науках, *присутствие* он определяет наиболее общо как «пространственное отношение к миру и его предметам», предполагающее, что «до чего-то “присутствующего” можно дотронуться рукой» [16, с. 10]. На наш взгляд, надзорный капитализм в своём отказе от «органической взаимности» стремится отменить присутствие в отношениях между людьми, и «освящение повседневности» как христианская неогуманистическая практика поможет этому противостоять.

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели классификацию идей, названных нами *квазигуманистическими*, которые возникли после идеи классического гуманизма эпохи Возрождения. Для анализа этих идей в современном цифровом обществе была рассмотрена теория надзорного капитализма Ш. Зубофф.

Основная черта надзорного капитализма, отличающая его от классического, – извлечение прибыли не путём переработки природ-

ных ресурсов и эксплуатации труда наёмных рабочих, а путём оцифровки поведенческих данных пользователей цифровых сервисов, которые собираются с огромным излишком. Псевдогуманистические лозунги цифровых компаний о комфорте и доступности информации на самом деле означают претензии на владение поведенческими излишками пользователей, которые не только приносят огромную прибыль на продаже таргетированной рекламы, но и дают цифровую власть над отдельными людьми.

Экономические отношения спроса и предложения на поведенческие излишки в надзорном капитализме реализуются по схеме B2B (бизнес для бизнеса), а пользо-

ватели являются просто источником этого вида ресурса. Смена отношения к пользователю с «клиента» на «ресурс» несёт постгуманистическую угрозу замены личности человека в цифровом пространстве «аватаром», с которым и будет осуществляться любое социальное взаимодействие.

В качестве возможного ответа на вызовы надзорного капитализма мы предлагаем христианский неогуманизм, который десакрализирует цифровые технологии и настаивает, что человек – не средство и не ресурс, а свободный субъект, отношения с которым цепны сами по себе и должны строиться на культуре «органической взаимности» и «присутствия».

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарева Я. В., Жаворонкова Г. А. Формирование новой социальной реальности (гуманизм vs искусственный интеллект) // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 33–39. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-33-39.
- Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 390 с.
- Сингер П. Освобождение животных / пред. Ю. Н. Харари; пер. с англ. А. Коробейникова. М.: Синдбад, 2021. 443 с.
- Кастру Э. В. де. Каннибалские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 199 с.
- Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / пер. с ит. и лат. С. Ермакова. 2-е изд. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 216 с.
- Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / пер. с англ. О. Боровой, К. Гуровской. М.: Восточная литература, 1995. 261 с.
- Робертсон Д. Думай как римский император: стоическая философия Марка Аврелия для преодоления жизненных невзгод и обретения душевного равновесия / пер. с англ. Ю. С. Коряжкиной. М.: Эксмо, БОМБОРА, 2020. 303 с.
- Марк Аврелий. Размышления / пер. с греч. А. К. Гаврилова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1993. 245 с.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Кастань, 1996. 448 с.
- Яровая Е. В. Влияние трансгуманизма на социум. Перспективы и последствия // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 101–107. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-101-10.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 256 с.
- Лоскутов Ю. В. «Плоская онтология» в социальном контексте // Новые идеи в философии. 2021. № 8 (29). С. 89–98.
- Криман А. И. Акторно-сетевая теория Б. Латура в контексте ухода от антропоцентризма в постгуманизме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия: реферативный журнал. 2024. № 4. С. 152–161. DOI: 10.31249/rphil/2024.04.16.
- Нестерук А. В. Бог, Вселенная и человек: философские перекрёстки христианского богословия, современной космологии и астробиологии. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2025. 480 с.
- Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Институт Гайдара, 2024. 784 с.

16. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.

REFERENCES

1. Bondareva, Ya. V. & Zhavoronkova, G. A. (2025). Formation of a New Social Reality (Humanism vs. Artificial Intelligence). In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 33–39. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-33-39 (in Russ.).
2. Schaeffer, J.-M. (2010). *The End of Human Exceptionalism*. Moscow: New Literary Review publ. (in Russ.).
3. Singer, P. (2021). *Animal Liberation*. Moscow: Sindbad publ. (in Russ.).
4. Castro, E. V. de. (2017). *Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russ.).
5. Agamben, J. (2021). Extreme Poverty. Monastic Rules and Form of Life. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute publ., Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
6. Cox, H. (1995). *The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective*. Moscow: Vostochnaya Literatura publ. (in Russ.).
7. Robertson, D. (2020). *How to Think Like a Roman Emperor: The Stoic Philosophy of Marcus Aurelius*. Moscow: Eksmo publ., BOMBORA publ. (in Russ.).
8. Marcus Aurelius. (1993). *Reflections*. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
9. Foucault, M. (1996). *The Will to Truth*. Moscow: Kastal publ. (in Russ.).
10. Yarovaya, E. V. (2025). The Influence of Transhumanism on Society. Prospects and Consequences. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 101–107. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-1-101-10 (in Russ.).
11. Harman, G. (2024). *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. Moscow: Ad Marginem Press publ. (in Russ.).
12. Loskutov, Yu. V. (2021). “Flat Ontology” in a Social Context. In: *New Ideas in Philosophy*, 8 (29), 89–98 (in Russ.).
13. Kriman, A. I. (2024). Latour’s Actor-Network Theory in the Context of the Departure from Anthropocentrism in Posthumanism. In: *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy*, 4, 152–161. DOI: 10.31249/rphil/2024.04.16 (in Russ.).
14. Nesteruk, A. V. (2025). *God, the Universe, and Man: Philosophical Crossroads of Christian Theology, Modern Cosmology, and Astrobiology*. Moscow: Kanon+ ROOI “Rehabilitation” (in Russ.).
15. Zuboff, S. (2024). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
16. Gumbrecht, H. U. (2006). *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Moscow: New Literary Review publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коротков Николай Владимирович (г. Киров) – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета;
e-mail: n_korotkov@mail.ru

Мусин Артём Игоревич (г. Москва) – диакон, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»; доцент кафедры физики и методики обучения физике Вятского государственного университета;
e-mail: ai.musin@physics.msu.ru; ORCID: 0000-0002-3167-9023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay V. Korotkov (Kirov) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities and Social Science, Kirov State Medical University;
e-mail: n_korotkov@mail.ru

Artem I. Musin (Moscow) – Deacon, Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Department of Physics, Moscow State University of Technology “STANKIN”; Assoc. Prof., Department of Physics and Teaching Physics, Vyatka State University;
e-mail: ai.musin@physics.msu.ru; ORCID: 0000-0002-3167-9023

Научная статья

УДК 179.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-108-119

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ВОСПИТАНИЮ У ПОДРОСТКОВ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рачковская Н. А.^{1*}, Сморчкова В. П.¹, Михалкин Н. В.², Беркут В. П.³

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

³Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации, г. Балашиха, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: nad1606@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.09.2025

После доработки 30.09.2025

Принята к публикации 08.10.2025

Аннотация

Цель. Раскрыть аксиологические основания проектирования программы подготовки будущих учителей к формированию у подростков сознательного и ответственного отношения к будущей семейной жизни.

Процедура и методы. Методологическую базу исследования составили основные положения аксиологического, системного, личностно-ориентированного и компетентностного подходов, сочетание которых создаёт продуктивную основу для разработки программы приобщения подростков к традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества. В исследовании использовались методы изучения научной литературы, баз данных, публикаций в средствах массовой информации (контент-анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, систематизация); прогностические методы (проектирование и схематизация); эмпирические методы (системный анализ аксиологических характеристик образовательного процесса в вузе, анкетирование, опрос); математическая обработка полученных данных.

Результаты. Анализ современной социокультурной ситуации, психолого-педагогической литературы и воспитательной практики показывает, что будущие учителя и старшеклассники в образовательном процессе должны приобщаться к таким традиционным духовно-нравственным ценностям, как семья, материнство и отцовство, семейные традиции, уважение, доверие, любовь, поддержка, ответственность и честность. Это детерминирует необходимость разработки программы подготовки будущих педагогов к формированию у подростков культуры семейных отношений. Образовательный контент данной программы группируется вокруг следующих аксиологических матриц: семьи и её социальной роли, молодой семьи, родительства, культуры семейных взаимоотношений, семейной и социальной политики государства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определение аксиологических основ подготовки будущих педагогов к формированию у подростков культуры семейных отношений обеспечивает приращение знаний в области социокультурного и организационно-педагогического потенциала вуза в аспекте трансляции семейных ценностей и подготовки молодёжи к семейной жизни. Полученные в исследовании теоретические выводы и обобщения создают основу для дальнейшего изучения способов приобщения студентов и школьников к ценности семьи и культуре семейных взаимоотношений. Практическая значимость исследования заключается в воспитании у подрастающего поколения ценностного отношения к семье, а также подготовке студентов и школьников к предстоящей семейной жизни, что важно для успешной социализации подрастающего поколения. Аксиологический подход к разработке программы позволит сформировать

у будущих педагогов и подростков устойчивую систему ценностных ориентиров личности, основанную на традиционных представлениях и способствующую социальному-культурному развитию общества.

Ключевые слова: аксиология, аксиологические матрицы, будущий педагог, духовно-нравственные ценности российского общества, культура семейных отношений, образовательный процесс в вузе, программа учебной дисциплины, семья

Для цитирования:

Аксиологические основания подготовки будущих педагогов к воспитанию у подростков культуры семейных отношений / Н. А. Рачковская, В. П. Сморчкова, Н. В. Михалкин, В. П. Беркут // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 108–119. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-108-119>.

Original research article

AXIOLOGICAL BASIS FOR FUTURE TEACHERS TEACHING CULTURE OF FAMILY RELATIONS TO ADOLESCENTS

N. Rachkovskaya^{1*}, V. Smorchkova¹, N. Mikhalkin², V. Berkut³

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation*

³*Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces, Balashikha, Russian Federation*

*Corresponding author; e-mail: nad1606@yandex.ru

Received by the editorial office 18.09.2025

Revised by the author 30.09.2025

Accepted for publication 08.10.2025

Abstract

Aim. To reveal axiological foundations for designing a training program for future teachers to develop in adolescents a conscious and responsible attitude toward future family life.

Methodology. The methodological framework was based on the key tenets of axiological, systemic, student-centered, and competency-based approaches, the combination of which provides a productive foundation for developing a program to introduce adolescents to the traditional spiritual and moral values of Russian society. The study utilized methods of studying scientific literature, databases, and media publications (content analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization, and systematization), predictive methods (design and schematization), empirical methods (systematic analysis of the axiological characteristics of the educational process at the university, questionnaires, and surveys), and mathematical processing of the data obtained.

Results. The analysis of the modern socio-cultural situation, psychological and pedagogical literature and educational practice shows that future teachers and high school students should be introduced to such traditional spiritual and moral values as family, motherhood and fatherhood, family traditions, respect, trust, love, support, responsibility and honesty. This determines the need to develop a program for training future teachers to form a culture of family relationships in adolescents. The educational content of this program is grouped around the following axiological matrices: family and its social role, young family, parenthood, culture of family relationships, family and social policy of the state. In the process of implementing the program, it is advisable to use various teaching methods: explanatory and illustrative, problematic presentation method, research; as well as the method of empathy for situations, role-playing game, training, etc.

Research implications. The definition of axiological foundations for training future teachers to develop a culture of family relations in adolescents ensures an increase in knowledge in the field of social cultural,

organizational and pedagogical potential of the university in terms of transmitting family values and preparing young people for family life. The theoretical conclusions and generalizations obtained in the study create a basis for further study of ways to introduce students and schoolchildren to the value of family and the culture of family relationships. The practical significance of the study consists in results proving that the education of the younger generation in a value-based attitude towards the family, as well as the preparation of students and schoolchildren for the upcoming family life, are important for the successful socialization of the younger generation. Mastering the program for developing a culture of family relations in adolescents by future teachers increases the professional competence of specialists in matters of family education. The axiological approach to the development of the program will make it possible for future teachers and adolescents to form a stable system of value guidelines for the individual, based on traditional ideas and contributing to the socio-cultural development of society.

Keywords: axiology, axiological matrices, future teacher, spiritual and moral values of Russian society, culture of family relations, educational process at the university, academic program, family

For citation:

Rachkovskaya, N. A., Smorchkova, V. P., Mikhalkin, N. V. & Berkut, V. P. (2025). Axiological Basis for Future Teachers Teaching Culture of Family Relations to Adolescents. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 108–119. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-108-119>.

Введение

В настоящее время для общества и государства важное значение имеет вопрос состояния социальных институтов брака и семьи, поскольку от них в значительной мере зависят воспроизводство населения, социализация подрастающего поколения, трансляция традиционных духовно-нравственных ценностей от старших поколений младшим [1–3]. На протяжении длительного времени констатируются устойчивые тенденции к росту числа неполных семей, снижению интереса к рождению детей, увеличению отчуждённости детей от родителей, падению авторитета родителей по сравнению с авторитетом сверстников, повышению уровня подростковой девиантности, обусловленного латентным или явным семейным неблагополучием.

В связи с неподготовленностью большинства молодых людей к вступлению в брак, значительными эгоистическими установками молодых супругов отмечается рост разводов, большое число внебрачной рождаемости и неполных семей с несовершеннолетними детьми. В современных условиях всё более распространённым становится новый тип семей и добрачных отношений без юридического оформления,

которые не обеспечивают благоприятных условий для воспитания детей.

Это подтверждают результаты опроса граждан, которые опубликовал в 2022 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): каждый третий россиянин считает серьёзной проблемой современного детства недостаточное внимание к ребёнку со стороны семьи и родителей – 33%¹.

Сегодня происходит преодоление этих негативных тенденций, уже видится «горизонт благополучия» семьи, который состоит в формировании семейноцентричной среды. Общество и государство постепенно уходят от дихотомии семьи и работы, семья и работа становятся главными способами самореализации человека. Новый образ современной семьи – это многопоколенная многодетная семья с работающими родителями, которые получают поддержку государства, близких и работодателя. Повышается внимание к роли отца, отцы вовлекаются в создание семейноцентричной среды [4]. Это побуждает обратить внимание на семейную социализацию подростков, которая представляет

¹ От чего нужно защищать современных детей? [Электронный ресурс]. URL: <https://irzar.ru/wp-content/uploads/2024/07/konceptziya-do.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

собой процесс усвоения и дальнейшего развития человеком на протяжении его жизни ценностей, норм, установок, образцов поведения, относящихся к семейной сфере, а также самореализацию посредством выполнения определённых ролей в семейной жизни¹.

Проблема подготовки молодёжи к семейной жизни достаточно хорошо освещена в научной и научно-популярной литературе, и здесь можно выделить следующие смысловые пулы. В частности, на уровне социальной философии и педагогической аксиологии основательно разработано понятие семейных ценностей, а также представлены их классификации (С. П. Акутина, А. Б. Беляева, Е. А. Глушкова, М. В. Гурджиян, И. Ф. Дементьева и др.). Социологи и социальные психологи активно исследуют ценностные ориентиры современной молодёжи (З. И. Айтгумова, А. Г. Джарфарова, Л. А. Ибрагимова, Е. В. Лаптева, И. Д. Мехдиева и др.), соответственно, активно разрабатывается инструментарий аксиологической диагностики² [5–6].

В педагогических исследованиях раскрыты вопросы приобщения подрастающего поколения к семейным ценностям в образовательных организациях различного уровня (С. М. Башарина, А. Б. Беляева, Е. Н. Бородина, Н. В. Волот, Е. В. Воронина, Ж. Н. Дюльдина, М. С. Коренькова, А. А. Логинова, Е. В. Рыбак, И. Д. Свиридова, А. Б. Федулова, А. А. Цуркан и др.), в том числе в условиях цифрового общества (Н. В. Бибарсова, С. В. Мерзлякова, В. С. Кондрашова и др.). Представляют интерес работы, исследующие воспитание ценности семейных отношений средствами религии (Н. Б. Грошев, О. К. Трунина, А. Н. Филиппов и др.).

Однако при всём многообразии научных исследований ощущается определённый

дефицит современных верифицированных программ, нацеленных на подготовку педагогических кадров к формированию в школе у подростков культуры семейных отношений [7–9]. Как известно, нравственность, социальные качества человека не передаются по наследству и не могут быть заложены в генетической программе. Это обуславливает необходимость приобщения подростков и молодёжи к семейным ценностям [10–13], в связи с чем является своевременным и целесообразным проектирование программы подготовки студентов педагогических специальностей к формированию у подростков культуры семейных отношений.

«Аксиологический портрет» современной семьи

Прежде чем перейти к определению аксиологических матриц и проектированию программы, необходимо определить особенности аксиосферы современной семьи. Система ценностей, на которую ориентируются современные родители, несколько отличается от ценностных ориентиров, которыми руководствовались предыдущие поколения. Этому способствует множество факторов: трансформация семьи в новых социокультурных условиях (приоритет индивидуальных потребностей над коллективными, нуклеаризация, изменение роли женщины и др.); общая гуманизация отношений в сфере «отцов и детей»; изменение информационного поля, которое окружает и наполняет новыми смыслами жизнь современных детей и их родителей и др. При этом именно семейные ценности обеспечивают аутентичность и эволюцию семьи как социального института, поскольку способствуют сохранению связи поколений, формированию личности и устойчивых родственных отношений.

Понятие «ценность» традиционно понимается как значимость (безусловная важность) чего-либо для личности и / или социальной группы (в том числе семьи, этноса, народа) и раскрывается как «третья» природа по отношению к психическим и

¹ Горлова Н. А. Развитие личности ребёнка в семье // Педагогика личности: учебное пособие. М.: РУСАЙНС, 2020. С. 57–69.

² См. также: Дыбина О. В. Психология и педагогика направленности ребёнка на мир семьи: учебное пособие. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2011. 116 с.

биологическим процессам, некая культурная величина на пересечении должно го и сущего [14]. В ценностях фиксируется то лучшее, что выкристаллизовалось в течение веков в отношениях между людьми.

Как показывают опросы населения, в том числе студенческой молодёжи [8; 15–17], одной из важнейших духовно-нравственных ценностей для россиян является семья. Тому подтверждение – результаты опроса населения Российской Федерации о традиционных российских ценностях, которые в 2024 г. опубликовал ВЦИОМ¹.

Под традиционными российскими ценностями россияне в первую очередь понимают *крепкую семью* (51% ответов, в том числе: «семья, дети / забота о детях / многодетные семьи» – 41%, «союз мужчины и женщины» – 3%, «уважение старших / забота о пожилых» – 3%, «воспитание» – 3% и др.). Именно *создание счастливой семьи* наряду с *крепким здоровьем* россиянам видится главной жизненной целью (56% и 58% соответственно).

Абсолютное большинство респондентов выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, культуры материнства и отцовства, поддержку многодетности (84%). Альтернативная точка зрения, согласно которой держаться за традиционные семейные ценности не стоит ввиду их изменчивости, близка только каждому девятому (11%).

Идеальная семья в представлении россиян – *традиционная семья* (84% ответов, в том числе: «полноценная семья» – 41%, «есть дети» – 12%, «несколько поколений в семье» – 11%, «много детей» – 5%, «мужчина – глава семьи» – 3% и др.), в которой царят *гармония* (47% ответов, в том числе «взаимоуважение» – 8%, «умение слышать друг друга» – 6%, «поддержка / внимание / забота друг о друге» – 5%, «хорошо воспитывают детей / забота о детях» – 4%, «согласие / мир в семье» – 3%, «дружба / дружная семья» – 3%, «доверие» – 2%

и др.) и *благополучие* (25%, в том числе «достаток / благосостояние / хороший заработок» – 11%, «собственное жильё / дом / хороший дом» – 5% и др.).

Девять из десяти россиян декларируют, что в семье должны быть дети (89%), примерно столько же в общей сложности планируют иметь детей или уже стали родителями (88%). Однако представления об идеальном размере семьи несколько расходятся с реальным положением дел: каждый второй опрошенный (51%) считает, что семья должна быть многодетной (не менее трёх детей), однако в действительности только 26%, или каждый четвёртый планирует стать многодетным родителем или уже таковым является, в реальных жизненных обстоятельствах россияне чаще всего «останавливаются» на двух детях (41%).

Семья, сама по себе являясь ценностью, «отвечает» за трансляцию практически всех духовно-нравственных ценностей подрастающему поколению [18–19]. В контексте изучения семейных традиций было проведено исследование наиболее значимых ценностей, к которым приобщается ребёнок в современной семье [6], ранжированный список этих ценностей представлен в таблице 1. Следует отметить, что семейные традиции также представляют собой ценность, поскольку обеспечивают стабильность семейной системы, формируют у ребёнка чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне.

Таким образом, фундаментальные ценности усваиваются человеком именно в семье, поэтому во всех обществах и культурах она является первичным институтом социализации. В полной мере эту функцию выполняют многодетные семьи, стиль и образ жизни которых представляет собой благодатную почву, на которой возвращаются исконно русские ценности доброты, справедливости, взаимопомощи и др.

Иерархию семейных ценностей возглавляют дети и их благополучие. Истинное отношение родителей к детям объективируется в методах семейного воспитания (отметим, что процесс воспитания ребён-

¹ Семья в системе российских ценностей [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 12.05.2025)

Таблица 1 / Table 1

Значимость ценностей, лежащих в основе традиций семейного воспитания (по частоте выбора родителями обозначенных позиций, %) / The importance of values underlying the traditions of family education (by the frequency of parents' choice of the indicated positions, %)

№	Варианты выбора	%
1	Витальные: здорового образа жизни, обеспечение и сохранение безопасности	83
2	Экологические: любви и бережного отношения к природе, окружающему миру	77,6
3	Образовательные и познавательные	75,1
4	Социально-коммуникативные (общение и деятельность в семье и других группах), досуговые	62,9
5	Трудовые и профессиональные	59,1
6	Духовно-нравственные (морально-этические, в том числе религиозные)	57,2
7	Гражданско-патриотические, национальные (этнические: народа, этноса, родного языка)	55,8
8	Культурные и художественно-эстетические	48

Источник: [5, с. 76].

ка также относится к понятию «семейные ценности») [20–22]. Методы воспитания детей в современной семье отличаются от тех методов, которые применяли предшествующие поколения, чему способствует множество факторов: популяризация различных воспитательных методик, появление детских и семейных психологов, стремительное развитие рынка детских товаров и услуг, учёт особенностей ребёнка, общественное порицание авторитарных мер воспитания и др.

ВЦИОМ в 2022 г. представил результаты опроса, какие методы воспитания детей используют россияне¹. Основным методом воспитания у современных родителей являются *наставления и нравоучения* – 76%. Второе место занимает *ограничение просмотра телевизора / гаджетов / прогулок* – 31%; такая популярность ограничительных мер у родителей объясняется разнообразием и доступностью детского контента и гаджетов – смартфон или планшет сегодня имеют многие дети, начиная с дошкольного возраста. Угол в качестве метода наказания используют 19% современных родителей, что в 1,6 раза реже по

сравнению с тем, как воспитывали их; при чём интересно, что молодые люди, у которых пока нет детей, говорят о допустимости подобного метода чаще других – 24%. Четвёртое место занимают *телесные наказания*, их современные родители применяют намного реже: шлепки и подзатыльники используют 13% (реже в 1,5 раза по сравнению с тем, как воспитывали их), а ремень – 7% (реже в 3 раза). Молодые родители 18–24 лет сообщили, что вообще не используют физическое наказание. На пятом месте – лишение карманных денег, к нему обращаются 8% современных родителей.

Таким образом, современные родители постепенно отказываются от физических методов воспитания в сторону разговоров, убеждений и ограничений. Воспитание становится более гуманным, демократическим, приходит понимание, что насилиственные методы не позволяют достичь желаемого результата, поэтому подавляющее большинство родителей используют преимущественно словесные методы.

Несмотря на то, что в целом происходит изменение арсенала используемых методов воспитания, межпоколенная преемственность опыта воспитания детей внутри семьи остаётся достаточно прочной. Если в детстве человек сталкивался с

¹ ВЦИОМ. Воспитание детей: вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vospitanie-detei-vchera-i-segodnya> (дата обращения: 12.05.2025).

определенным методом воспитания, то он с большей вероятностью будет использовать его по отношению к своим детям. В частности, те россияне, кого воспитывали через нравоучения, применяют их к своим детям в 92% случаев (против 76% от всех родителей). Столкнувшись в детстве с разного рода ограничениями выбирают данный метод по отношению к своим детям в два раза чаще (62% против 31% от всех родителей). Если человека ставили в угол или давали подзатыльники, то он будет делать также с вероятностью 42–40%, что в 2–3 раза выше в сравнении со всеми опрошенными родителями (19–13%). Наказание ремнём повышает вероятность применения данного метода к своим детям в 3,5 раза (25% против 7%). Приведённая статистика свидетельствует, что усвоенные в детстве ценности и методы воспитания воспроизводятся человеком в собственном родительском опыте.

Следовательно, система традиционных семейных ценностей включает уважение, доверие, любовь, поддержку, ответственность и честность – они помогают создать атмосферу взаимопонимания между супругами, родителями и детьми. Необходимо готовить будущего педагога к сохранению и трансляции семейных ценностей старшеклассникам в образовательном процессе школы, формировать у молодых людей культуру материнства и отцовства.

Аксиологические матрицы, определяющие образовательный контент программы

В процессе разработки программы подготовки будущего педагога к формированию у подростков культуры семейных отношений потребовалось определить аксиологические матрицы, т. е. основные понятия-концепты, «ядра», вокруг которых группируется образовательный контент. Нами были определены следующие аксиологические матрицы: социальная роль семьи; молодая семья; родительство; культура взаимоотношений в семье; социальная и семейная политика.

Целесообразность выделения данных аксиологических матриц обусловлена «аксиологическим портретом» современной семьи и современным социокультурным контекстом. Так, аксиологическая матрица «семья и её социальная роль» определилась в связи с тем, что студенты получают определённые знания о семье при изучении философии и психологии, но эти знания часто недостаточны и в сознании будущих педагогов не соотносятся с профессиональной деятельностью. Кроме того, введение этой аксиологической матрицы обусловлено негативным воздействием различного рода ток-шоу, пропагандой свободных связей, обесцениванием семейных отношений и института брака, большим количеством студентов, выросших в неполных семьях. Аксиологическая матрица «семья и её социальная роль» объединяет такие темы, как «функции семьи», «типология семей», «семейное неблагополучие», «жизненный цикл семьи», которые дополнят имеющиеся у будущих учителей знания или восполнят их дефицит.

Вокруг аксиологической матрицы «молодая семья» группируются темы «брачный выбор», «семья и рождение детей», «семейные кризисы», «материальное благополучие молодой семьи», при их изучении упор делается на личный опыт и мнение студентов. В результате такого освоения данных тем рождается личностное, эмоционально окрашенное, т. е. «живое знание», столь значимое в предстоящей профессиональной деятельности.

Программа подготовки будущих педагогов к формированию у подростков культуры семейных отношений с необходимостью предполагает аксиологическую матрицу «родительство», включающую темы «роль отца и матери в воспитании детей», «семья – среда развития талантов и одарённости ребёнка», «взаимодействие семьи с образовательной организацией», «развод родителей и дети». Эти темы в большей степени, чем другие, имеют педагогический характер.

Аксиологическая матрица «культура семейных взаимоотношений» предполага-

ет темы «этика и этикет семейного общества», «конфликты в семье», «семейные традиции», «семейный досуг». В процессе освоения студентами аксиологически ориентированного содержания данных тем использовались интерактивные методы обучения: диалог, ролевая игра, тренинг и др.

Вокруг аксиологической матрицы «семейная и социальная политика государства» группируются следующие темы: «восстановление и сохранение традиционных семейных ценностей», «социальная защита семьи и детей», «профилактика семейного неблагополучия».

Таким образом, на каждом этапе проектирования и реализации программы подготовки будущих педагогов к формированию у старшеклассников культуры семейных взаимоотношений вокруг аксиологических матриц группируется актуальный образовательный контент.

Реализация программы подготовки будущих педагогов к формированию у подростков культуры семейных отношений

В процессе реализации данной программы используются различные методы обучения: объяснительно-иллюстративный, метод проблемного изложения, исследовательский и др. Но особое место в этом ряду занимает эмпатический метод обучения (иначе его называют метод эмоциональной рефлексии или метод сопереживания ситуаций).

Этот метод определяет особую логику и структуру проведения занятий. В начале занятия преподаватель даёт материал, который имеет эмоциогенный характер (ситуация брачного выбора, состояние супружеской пары в ситуации конфликта, эмоциональное состояние ребёнка после развода родителей, жестокое обращение с ребёнком в семье и т. п.), затем студенты сообщают о своей первой реакции на услышанное. После этого начинается обсуждение на эмоциональном уровне, когда на первый план выходят эмоции, чувства и воспоминания

будущих педагогов. И только после этого следует рациональное постижение материала, когда студенты размышляют над дополнительной научной информацией по проблеме, обобщают и делают теоретические выводы. Таким образом, эмпатический метод обучения предполагает отказ от сугубо рационалистического варианта освоения педагогического знания, изучения рафинированной и формализованной педагогической теории, формирует у студентов эмоционально окрашенное «личностное» знание.

Покажем это на примере изучения студентами темы «семья – среда развития талантов и одарённости ребёнка». Целесообразно на занятии использовать отрывки из биографий выдающихся композиторов и музыкантов, иллюстрирующих их детские годы. Можно представить для совместной рефлексии студентов не только положительные, но и негативные примеры воспитательного влияния родителей на развитие музыкальных способностей детей (снижение самооценки, общая невротизация личности ребёнка, побуждение к суициdalным мыслям, деструктивному поведению, которое особенно остро манифестирует в подростковом возрасте, культивирование агрессивных проявлений, использование физических наказаний за низкую успеваемость). Так мы показываем студентам, что существуют как положительные, так и отрицательные прецеденты, когда родители вносят существенный вклад в развитие музыкального дарования ребёнка, занимая активную педагогическую позицию.

Студентам на лекции и практическом занятии предлагались для анализа разнообразные примеры. Так, в положительном ключе можно расценивать отношения в семье Моцартов: кто знает, появился бы на свете такой композитор, как Вольфганг Моцарт, не будь у него такого отца, как Леопольд Моцарт? А сам В. А. Моцарт в детстве говорил: после Бога только папа. Л. Моцарт полностью осознавал меру ответственности за развитие незаурядного музыкального таланта своих детей.

Следует отметить, что освоение программы с необходимостью должно осуществляться на положительном эмоциональном фоне с соблюдением принципов взаимной открытости и доверия субъектов образовательного процесса, диалогического характера обучения, принципа взаимного воспитывающего влияния преподавателя и студента.

На практических занятиях производятся психолого-педагогическая диагностика непосредственно самих студентов, включающая анкетирование, выявляющее их личное отношение к семье и браку, психодиагностика методом незаконченных предложений («родительство – это...»), используется проективный рисунок («образ счастливого родительства», «моя семья»). Кроме того, студентам предлагалось поразмышлять и обсудить следующие пословицы: *умей дитя родить, умей и научить; любишь жену, люби и детей кормить; дитя не плачет – мать не разумеет; дитя хоть криво, да отцу-матери мило; чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало* и др.

На практических занятиях студенты осваивают методы изучения семьи (анкетирование, интервью по генограмме, проективные методики и др.), обучаются приёмам определения причин и способов коррекции семейных проблем, знакомясь с технологиями активного слушания, психолого-педагогического консультирования и социально-психологического тренинга. Происходит выработка практических навыков взаимодействия в семье на тренингах: «формирование правильного отношения к родительству»; «мужчина и женщина: что мы знаем друг о друге»; «всё начинается с любви»; «найди свою половину»; «спорить, не ссорясь». Для освоения новых способов взаимодействия студенты выполняют упражнения «просьбы и требования», «дискуссия», участвуют в ролевых играх [23].

Освоение программы заканчивалось рефлексивным кругом, который представляет собой форму специально организованного общения, где обсуждаются,

анализируются, оцениваются действия и состояния участников. Студенты сидят рядом лицом друг к другу, после чего преподаватель предлагает каждому участнику по порядку высказаться. Обратная связь показала, что реализация программы подготовки будущих педагогов к формированию у подростков культуры семейных отношений важна не только для их профессионального становления, но и для построения гармоничных семейных отношений в семьях будущих педагогов.

Заключение

Решая поставленные задачи, мы пришли к выводу, что в настоящее время в современном обществе формируется семейно-центрическая среда. В процессе получения образования старшеклассники и студенты должны приобщаться к таким семейным ценностям, как материнство и отцовство, семейные традиции, уважение, доверие, любовь, поддержка, ответственность и честность в отношениях между супругами, родителями и детьми. Это обуславливает необходимость разработки соответствующей программы для будущих педагогов. Образовательный контент программы подготовки студентов, осваивающих педагогические специальности, к формированию у подростков семейных ценностей должен формироваться вокруг следующих аксиологических матриц: семья и её социальная роль, молодая семья, родительство, культура семейных взаимоотношений, семейная и социальная политика государства. В процессе реализации программы целесообразно использовать различные методы обучения: метод проблемного изложения, проектный, исследовательский, а также метод сопреживания ситуаций, ролевую игру, тренинг и др.

С практической точки зрения представленные аксиологические основания проектирования программ подготовки будущих педагогов к приобщению старшеклассников к семейным ценностям будут полезны преподавателям педагогических вузов, а также студентам, готовым работать в современной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демкович В. И., Рачковская Н. А. Семья как фактор нравственно-патриотического воспитания дошкольников в системе дополнительного образования в современных условиях // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2023. № 2 (32). С. 15–22.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 795 с.
3. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 476 с.
4. Кон И. С., Борисенков В. П. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика: научно-теоретический журнал. 2005. № 9. С. 3–16.
5. Лыкова И. А., Майер А. А., Войнова А. А. Исследование традиций семейного воспитания // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2023. № 2. С. 65–84.
6. Взаимосвязь традиций и ценностей семейного воспитания (диагностический комплекс и результаты исследования) / И. А. Лыкова, А. А. Майер, А. А. Войнова, Д. В. Машкова, И. В. Лупина // Высшее образование сегодня. 2023. № 1. С. 80–89.
7. Кондрашова В. С. Воспитание семейных ценностей у студентов цифрового поколения // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 24 февраля 2023 года). Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. С. 105–108.
8. Джафарова А. Г., Лаптева Е. В. Отношение студентов к институту семьи и семейным ценностям // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки общества и гуманитарные науки. 2021. № 1 (24). С. 67–72. DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-67-72.
9. Щуркан А. А. Формирование семейных ценностей у студентов под влиянием их будущей профессии // Молодёжный инновационный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 586–589.
10. Бородина Е. Н. Педагогические условия формирования традиционных духовно-нравственных семейных ценностей у старшеклассников [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11684> (дата обращения: 07.05.2025).
11. Волот Н. В. Опыт формирования семейных ценностей у подростков в современном российском образовании // Новый человек в новом обществе: проблемы социализации, ресурсы развития личности и коллектива: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию пионерской организации (г. Кострома, 17–18 марта 2022 г.). Кострома: Костромской государственный университет, 2022. С. 118–123.
12. Грошев Н. Б., Филиппов А. Н. Педагогическая поддержка студентов духовных семинарий как условие формирования нравственных ориентиров (на примере ценности семейных отношений) // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 81–86.
13. Трунина О. К. Формирование представления о семейных ценностях на уроках православной культуры // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. 2015. № 2 (37). С. 98–105.
14. Потаповская О. М. Ценностные приоритеты семейного воспитания в России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2011. № 1. С. 110–138.
15. Айтумова З. И. Семейные ценности современной молодёжи (на примере исследования студентов педагогического университета) // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 41–55. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-4-41-55.
16. Болотова С. Р. Динамика ценности семьи в сознании студенческой молодёжи: на примере вузов г. Хабаровска: дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2005. 180 с.
17. Ибрагимова Л. А., Мехдиева И. Д. Семейные ценности в представлении современных студентов // Ценности и смыслы. 2023. № 6 (88). С. 120–123. DOI: 10.24412/2071-6427-2023-6-120-133.
18. Глушкова Е. А. Роль современной российской семьи в формировании и сохранении социальных ценностей: дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2011. 149 с.
19. Логинова А. А. Формирование патриотической культуры и патриотических семейных ценностей у студентов высшего учебного заведения // Педагогика и психология семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции (Самара, 25 февраля 2022 года). Саратов: Амирит, 2023. С. 139–145.
20. Акутина С. П. К проблеме классификации семейных духовно-нравственных ценностей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 94. С. 9–15.

21. Беляева А. Б. Традиционные семейные ценности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 170–175.
22. Гурджиян М. В. Традиционная семья в современном российском обществе // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 41–43.
23. Свиридова И. Д., Башарина С. М. Практика формирования семейных ценностей у студентов и молодёжи // Российская семья в повседневной жизни: горизонты благополучия: материалы XXI Международного конгресса (Москва, 19 мая 2023 г.). М.: Российский государственный социальный университет, 2023. С. 130–135.

REFERENCES

1. Demkovich, V. I. & Rachkovskaya, N. A. (2023). Family as a Factor in Moral and Patriotic Education of Preschoolers in the System of Supplementary Education in Modern Conditions. In: *Bulletin of the Saratov Regional Institute for Education Development*, 2 (32), 15–22 (in Russ.).
2. Toffler, E. (2010). *The Third Wave*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
3. Fukuyama, F. (2003). *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
4. Kon, I. S. & Borisenkov, V. P. (2005). Fatherhood as a Sociocultural Institution. In: *Pedagogy: Scientific and Theoretical Journal*, 9, 3–16 (in Russ.).
5. Lykova, I. A., Mayer, A. A. & Voinova, A. A. (2023). Study of Family Education Traditions. In: *Management of Preschool Educational Institution*, 2, 65–84 (in Russ.).
6. Lykova, I. A., Mayer, A. A., Voinova, A. A., Mashkova, D. V. & Lupina, I. V. (2023). The Relationship Between Traditions and Values of Family Education (Diagnostic Complex and Research Results). In: *Higher Education Today*, 1, 80–89 (in Russ.).
7. Kondrashova, V. S. (2023). Fostering Family Values in Students of the Digital Generation. In: *Substantive and Procedural Aspects of Modern Education: Materials of the V International Scientific and Practical Conference (Astrakhan, February 24, 2023)*. Astrakhan: Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, pp. 105–108 (in Russ.).
8. Dzhafarova, A. G. & Lapteva, E. V. (2021). Students' Attitudes Toward the Institution of Family and Family Values. In: *Vestnik of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities*, 1 (24), 67–72. DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-67-72 (in Russ.).
9. Tsurkan, A. A. (2022). Formation of Family Values in Students Under the Influence of Their Future Profession. In: *Youth Innovation Bulletin*, 11 (1), 586–589 (in Russ.).
10. Borodina, E. N. (2013). Pedagogical Conditions for the Formation of Traditional Spiritual and Moral Family Values in High School Students. In: *Modern Problems of Science and Education*, 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11684> (accessed: 07.05.2025).
11. Volot, N. V. (2022). Experience of Forming Family Values in Adolescents in Modern Russian Education. In: *New Person in a New Society: Problems of Socialization, Resources for the Development of the Individual and the Team: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Pioneer Organization (Kostroma, March 17–18, 2022)*. Kostroma: Kostroma State University publ., pp. 118–123 (in Russ.).
12. Groshev, N. B. & Filippov, A. N. (2020). Pedagogical Support of Students of Theological Seminaries as a Condition for the Formation of Moral Guidelines (Using the Value of Family Relationships as an Example). In: *Modern Humanities Success*, 1, 81–86 (in Russ.).
13. Trunina, O. K. (2015). Formation of Concepts of Family Values in Orthodox Culture Lessons. In: *St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, 2 (37), 98–105 (in Russ.).
14. Potapovskaya, O. M. (2011). Value Priorities of Family Education in Russia. In: *St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, 1, 110–138 (in Russ.).
15. Aigumova, Z. I. (2022). Family Values of Modern Youth (Based on a Study of Students of a Pedagogical University). In: *Problems of Modern Education*, 4, 41–55. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-4-41-55 (in Russ.).
16. Bolotova, S. R. (2005). *Dynamics of Family Values in the Minds of Student Youth: On Study of Khabarovsk Universities*: [dissertation]. Khabarovsk (in Russ.).
17. Ibragimova, L. A. & Mekhdieva, I. D. (2023). Family Values in the Views of Modern Students. In: *Values and Meanings*, 6 (88), 120–123. DOI: 10.24412/2071-6427-2023-6-120-133 (in Russ.).
18. Glushkova, E. A. (2011). *The Role of the Modern Russian Family in the Formation and Preservation of*

- Social Values: [dissertation]. Chita (in Russ.).*
19. Loginova, A. A. (2023). Formation of Patriotic Culture and Patriotic Family Values among Students of Higher Education Institutions. In: *Pedagogy and Psychology of the Family: Collection of Materials from the VIII International Scientific and Practical Conference (Samara, February 25, 2022)*. Saratov: Amirit publ., 139–145 (in Russ.).
 20. Akutina, S. P. (2009). On the Problem of Classification of Family Spiritual and Moral Values. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 94, 9–15 (in Russ.).
 21. Belyaeva, A. B. (2008). Traditional Family Values. In: *Tambov University Review. Series: Humanities*, 11 (67), 170–175 (in Russ.).
 22. Gurdjyan, M. V. (2016). Traditional Family in Modern Russian Society. In: *Society: Philosophy, History, Culture*, 4, 41–43 (in Russ.).
 23. Sviridova, I. D. & Basharina, S. M. (2023). Practice of Forming Family Values among Students and Young People. In: *Russian Family in Everyday Life: Horizons of Well-Being: Proceedings of the XXI International Congress (Moscow, May 19, 2023)*. Moscow: Russian State Social University publ., pp. 130–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рачковская Надежда Александровна (г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и современных образовательных технологий Государственного университета просвещения; e-mail: nad1606@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7142-6661

Сморчкова Валентина Петровна (г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Государственного университета просвещения; e-mail: valenta-sm@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6123-9168

Михалкин Николай Васильевич (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного психолого-педагогического университета; e-mail: fafnir85@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0145-1431

Беркут Виктор Петрович (г. Балашиха) – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры военно-политической работы Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации; e-mail: v_berkut@mail.ru; ORCID: 0009-0000-2759-4732

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Rachkovskaya – Dr. Sci (Pedagogy), Prof., Prof., Department of Pedagogy and Modern Educational Technologies, Federal State University of Education; e-mail: nad1606@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7142-6661

Valentina P. Smorchkova (Moscow) – Dr. Sci. (Pedagogy), Ass. Prof., Prof., Department of Life Safety, Federal State University of Education; e-mail: valenta-sm@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6123-9168

Nikolai V. Mikhalkin (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Moscow State University of Psychology and Education; e-mail: fafnir85@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0145-1431

Viktor P. Berkut (Balashikha) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Military-Political Work, Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces; e-mail: v_berkut@mail.ru; ORCID: 0009-0000-2759-4732

Научная статья

УДК 101:316.3:004

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-120-130

МОДУСЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Татаров В. Ю.

Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Российская Федерация

e-mail: tatarovvyyu@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2024

После доработки 22.01.2025

Принята к публикации 12.02.2025

Аннотация

Цель. Выявить условия превращения алгоритмизации, под которой понимается один из процессов онтогенеза цифрового общества, в бесчеловечный социально-технологический процесс.

Процедура и методы. Исследование базируется на междисциплинарном и деятельностном подходах как двух социально-философских объяснительных принципах. В качестве основного метода используется системный анализ, который применяется в комбинации с общенаучным инструментарием.

Результаты. Установлено, что процесс алгоритмизации, неотделимый в условиях капиталистической системы от процесса коммерциализации и взаимно стимулируемый им, оказывается наряду с ним модусом дегуманизации цифрового общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют осмыслить новые уровни отчуждения, возникшие в эпоху позднего капитализма, и стимулируют усилия по дальнейшему изучению и концептуализации постоянно меняющихся способов дегуманизации общества.

Ключевые слова: алгоритмизация, коммерциализация, модусы дегуманизации, отчуждение, практика, цифровое общество

Для цитирования:

Татаров В. Ю. Модусы дегуманизации цифрового общества // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 120–130. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-120-130>.

Original research article

MODES DEHUMANIZING DIGITAL SOCIETY

V. Tatarov

Tver State Technical University, Tver, Russian Federation

e-mail: tatarovvyyu@mail.ru

Received by the editorial office 17.12.2024

Revised by the author 22.01.2025

Accepted for publication 12.02.2025

Abstract

Aim. To identify the conditions for the transformation of algorithmizing which is understood as one of the processes of the ontogenesis of digital society into an inhuman socio-technological process.

Methodology. The research is based on interdisciplinary and activity-based approaches as two social-philosophical explanatory principles. The main method used is systems analysis, which is applied in combination with general scientific tools.

Results. It is established that the process of algorithmizing, which in the conditions of the capitalist system is inseparable from the process of commercialization and mutually stimulated by it, turns out to be, along with it, a mode dehumanizing digital society.

Research implications. The results of the research make it possible to understand new levels of alienation, which arose in the era of late capitalism, and stimulate efforts to further explore and conceptualize the ever-changing modes of dehumanizing society.

Keywords: algorithmization, commercialization, modes of dehumanization, alienation, praxis, digital society

For citation:

Tatarov, V. Yu. (2025). Modes Dehumanizing Digital Society. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 120–130. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-120-130>.

Введение

Последние десятилетия капиталистическая система демонстрирует необычайную гибкость и адаптацию к технологическим изменениям. На данном этапе социально-экономического развития наблюдается беспрецедентная самотрансформация капитализма посредством егоialectического взаимодействия с цифровыми технологиями, функционирующими на базе компьютерных алгоритмов.

Процесс алгоритмизации, т. е. проектирования алгоритмов и алгоритмических систем и их интеграции во все сферы социальной жизни, можно рассматривать в двух аспектах – инфраструктурном и трансформирующем. В первом аспекте алгоритмизация выступает одним из процессов функционирования технологической инфраструктуры цифрового общества – стержневым по отношению к процессам сетевизации, платформизации и датификации, во втором – как процесс преобразования реальности в исполняемые коды программного обеспечения. С информационной точки зрения алгоритмизация представляет собой процесс генерации и обработки данных посредством компьютерных контекстно зависимых эпистемических процедур. Хотя процессы функционирования технологической инфраструктуры цифрового общества происходят синхронно, «поддерживают и усиливают друг друга» [1, с. 135], именно алгоритмизация оказывается среди них стержневым или

базовым процессом. Алгоритмы не только обеспечивают функционирование всех инфраструктурных элементов цифровой социотехнической системы, но и выполняют преобразование аналоговых данных в цифровые биты.

Начиная с первой половины 2010-х гг. происходит резкая интенсификация алгоритмизации. В процессах появившегося в это время глубокого машинного обучения (Deep Machine Learning) одни алгоритмы стали проектировать другие алгоритмы, комбинируя средовые входные данные с апостериорными инструкциями, что, согласно британскому исследователю Л. Паризи, соответствует кибернетике второго порядка – открытому механизму обратной связи [2, р. 129].

Процесс онтогенеза цифрового общества как интеграция цифровых технологий во все сферы социальной жизни осуществляется посредством алгоритмического преобразования социальной реальности в цифровую социотехническую систему. Он является глубоко рекурсивным: эксплицитные и имплицитные модели социального вписываясь в проектируемые алгоритмы, а затем повторно применяются к социальным феноменам. Алгоритмы искусственного интеллекта (далее – ИИ) представляют собой продукт гомогенного слияния технологической логики с социально-экономической логикой производства прибавочной стоимости, что позволило британскому философу Н. Лэнду говорить о «телеологической

идентичности капитализма и искусственного интеллекта» [цит. по: 3, р. 156].

Экономика является частью общества, и экономические отношения рассматриваются в социально-философской литературе как частный случай социальных отношений. Вместе с тем капитализм имеет тенденцию проникать в неэкономические социальные отношения, подчиняя управляющие ими принципы логике максимизации прибыли, что на современном этапе характерно для политики неолиберализма. Неолиберализм можно рассматривать и как политическую рациональность, как эпистему социального, распространяющую капиталистическую логику на неэкономические сферы общества, и как рыночный проект – как коммерциализацию и коммодификацию этих сфер. Неолиберализм, по мнению швейцарского исследователя Ф. Ларуффа, пытается уничтожить диалектическое понимание отношений между социальным и экономическим, переосмысливая социальное «изнутри инструментальной рациональности капиталистических рынков», в результате чего согласование целей социальной и рыночной сфер «становится технократическим вопросом» [4, р. 148, 156].

Неолиберальный экспансионизм «некомпенсированного капитализма» реализуется в социальном «кибернетическом» процессе «в цепи позитивных обратных связей», посредством которых коммерциализация и индустриализация (со всё более увеличивающейся плотностью ИИ в технологиях) взаимно стимулируют друг друга. По мере своего усиления эта цепь становится всё более автономной, или автоматизированной [5, р. 34, 36]. Петли позитивной обратной связи, имманентные кибернетике второго порядка, выводят социальные и технические системы из равновесия.

Кибернетика второго порядка и телеологическая тождественность капитала и искусственного интеллекта

Австрийский философ и математик К. Гёдель в 1931 г. доказал существование неразрешимых пропозиций внутри формальных аксиоматических систем. Истинность таких пропозиций не может быть верифицирована аксиоматическим методом, поскольку это требует добавления нового набора аксиом к исходным. Вскоре английский математик А. Тьюринг также столкнулся с проблемой неполноты аксиоматического метода при попытке формализовать концепции алгоритма и исчисления с помощью мысленного эксперимента (гипотетической вычислительной машины). Машина Тьюринга продемонстрировала, что исчислимые являются только те задачи, которые можно решить с помощью аксиоматического метода, и напротив, те пропозиции, которые нельзя решить при помощи аксиоматического метода, остаются неисчислимыми. «Тьюринг показал, что есть пределы того, что можно вычислить, поскольку существуют функции, которые можно назвать алгоритмически неразрешимыми» [6]. Благодаря неполноте и неисчислимости, свойственным пропозициям когнитивных систем, вычислительная аксиоматика становится «открытой», а вычислительный формализм – «контингентным» [6].

После так называемой зимы ИИ в конце 1980-х–1990-х гг. начинается широкое распространение алгоритмов нового поколения – интерактивных, самоадаптирующихся, обучающихся методом проб и ошибок на неопределенной или неполной информации. В то время как в алгоритме Тьюринга исчисление достигает своего предела и останавливается, в интерактивном алгоритме оно не прекращается, поскольку предел исчисления (в том числе предел чистого разума и его телеологической конечности) трансформируется: «он становится добавлением новых и максимально неизвестных алгоритмических частей к имеющему место курсу вы-

числительной обработки». Эти части, или алгоритмические последовательности, не-прерывно увеличиваются в объёме за счёт обратной связи с окружающей средой и стремятся занять место запрограммированной инструкции, тем самым «необратимо преобразуя заданный конечный набор правил» [2, р. 133]. Если вычислительный механизм, базирующийся на априорных инструкциях, концептуализированный в машине Тьюринга, отсылает к кибернетике первого порядка с её закрытой системой обратной связи, то представленная интерактивной парадигмой комбинация входных данных окружающей среды и апостериорных инструкций соответствует открытой системе обратной связи, т. е. кибернетике второго порядка. Новые, посттьюринговские, модели ИИ радикально отличаются от предшествующих им deductивных моделей: немонотонная логика глубокого машинного обучения не стремится к устранению неопределенности, но вместо этого генерирует гипотетический ответ на неизвестное [7]. В силу этой неопределенности вычислительные системы с открытой петлёй обратной связи в известной степени оказываются вне человеческого контроля и управления.

Не только кибернетический механизм вычисления, но и социальный механизм технико-экономического прогресса моделируется как неконтролируемая петля обратной связи. Комментируя тезис о телеологической тождественности капитализма и ИИ, П. Макдугалд отмечает, что автономно и динамически расширяющаяся экспансия капитала представляет собой «кибернетический выход из-под контроля *par excellence*» в соответствии с формулой К. Маркса $D - T - D'$ (сокращается до формулы $D - D'$). В имманентной этой экспансии взаимозависимости технологической модернизации и экономического прогресса рынок выступает как своего рода распределённая вычислительная машина, рассчитывающая цены и генерирующая коллективный интеллект. Рынок как таковой – это некая форма «искусственного сверхинтел-

лекта», которая возникла задолго до того, как был изобретён компьютер¹.

Однако, несмотря на то что ИИ не только присвоен, но и конституирован капиталом, он обладает собственной, технологической логикой. Хотя процессы коммерциализации и алгоритмизации тесно переплетены друг с другом, исследование последнего не может быть сведено к вопросам экономики и рынка. В социальном контексте ИИ имеет с капиталом избирательное сродство и, как покажет дальнейшее исследование, является фундаментально дегуманизированным.

Симулятивная парадигма и нечеловеческий интеллект

История алгоритмической культуры и попыток механизации мышления насчитывает три тысячи лет. Так, исследователи усматривают определённое когнитивное сходство между алгоритмическим ритуалом Агничаяны и методами исчисления европейских философов и математиков XVII–XVIII столетий [8, р. 26–27]. В первой половине XX в. происходит некое переосмысление цели механизации разума: в то время как, например, Г. Лейбниц с помощью своей «универсальной характеристики» стремился продемонстрировать, что понятиями можно оперировать строго формально, первый философ искусственного интеллекта А. Тьюринг хотел показать, что человеческое мышление в принципе является механическим. По Тьюрингу, человека в процессе исчисления действительного числа можно сравнить с вычислительной машиной, выполняющей только конечное число условий. Главное же оправдание использования вычислительной машины (а следовательно, и отличие её от человека) состоит в том, что «человеческая память неизбежно ограничена» [9, р. 59].

Комментируя концептуальную связь между проектами Лейбница и Тьюринга,

¹ MacDougald P. Accelerationism, Left and Right [Электронный ресурс]. URL: <https://pmacdougald.wordpress.com/2016/04/14/accelerationism-left-and-right/> (дата обращения: 15.12.2024).

британский исследователь Б. Фази называет «симулятивной парадигмой» представления теоретиков когнитивизма, основанные на стремлении воспроизвести человека в машине или машину в человеке и сделать вычисление с онтоэпистемологической точки зрения более близким к биологическому и социальному измерению жизни [10, р. 814]. В этой парадигме гуманизация машины и механизация человека предполагают друг друга и идут рука об руку. В своих попытках человечить машину когнитивисты стремятся сделать либо формализм более эмпирическим, либо эмпирическое более формальным, достигая максимальной реализации этого стремления в концепции интерактивной вычислительной машины: в кибернетике второго порядка алгоритмические правила дополняются данными окружающей среды, «чтобы привнести телесность и социальность “реального мира” ... в его вычислительную репрезентацию» [10, р. 820]. Это позволяет процессу алгоритмизации общества прийти в соответствие с тенденцией неолиберального рынка проникать во все сферы общественной и личной жизни. Алгоритмы когнитивного и аффективного капитала предоставляют технологическим компаниям беспрецедентные возможности проникновения в самые сокровенные уголки повседневной жизни, во все аспекты человеческого существования и преобразования нерыночных социальных практик в новые источники стоимости, конструируя самого субъекта как самоинвестирующийся человеческий капитал.

По мнению Б. Фази, симулятивная парадигма «скрывает» онтоэпистемологическое несоответствие между жизнью и машинами, для описания которого исследователь заимствует из философии науки термин «несоизмеримость» (*incommensurability*). Речь идёт о несоизмеримости между абстрактными операциями человека и вычислительного агента, между тем, как люди моделируют реальность, и тем, как то же самое выполняют вычислительные машины. Способ, которым программа извлекает, организует и обобщает информа-

цию «для формирования желаемой “концепции” – или, согласно вычислительной терминологии, желаемой выходной репрезентации нуля – является полностью и исключительно вычислительным» [11, р. 66].

Вычислительный способ обработки информации отличается от человеческого мышления своей предельной дискретностью и является исключительно формально-логическим, или, точнее, логико-математическим, в то время как последнему свойственны дискретно-континуальная обработка информации и использование наряду с формальной логикой диалектики. Как отмечает франко-аргентинский философ М. Бенасайяг, исчисление характеризуются «цифровым округлением», которое «вырезает» фрагменты моделируемой реальности, т. е. дискретизирует сложный и глубокий континуум на количественные единичные элементы, моделируемые как нули и единицы. Согласно этому способу репрезентации, всё должно быть «мыслимо» в соответствии с дискретными единицами, идентифицируемыми только количественно. Это означает, что всё то, что не может уловить цифровое округление (например, возникающие при измерении флуктуации, связанные с «континуальной размытостью» жизни), непосредственно теряется [12]. Несмотря на то, что исчисление включает в себя неисчислимое, аутопоэтически актуализируемое в кибернетике второго порядка, имманентная вычислительному процессу алгоритмическая логика стремится скорее разрешить противоречие, чем диалектически его экстраполировать. Она в известной степени оказывает детерминирующее влияние на изначально диалектические по своей природе социальные отношения. Поэтому интегрированный в эти отношения вычислительный способ обработки данных осуществляет перепроектирование оппозиции социального и технического в нелинейный поток искусственной социальности, в процессе появления которой диалектические отношения между тем и другим постепенно вытесняются машинизмом, растворяющим общество в маши-

нах и одновременно детерриториализующим машины на руинах общества [5, р. 81].

По сравнению с человеческим способом рассуждения автоматизированным формам «мышления», которые порождены исчислением, свойственны «другой порядок понимаемости» [10, р. 821] и «другой вид абстракции» [11, р. 61–65]. Поэтому при взаимодействии человека и машины между коммуникатором и получателем сообщения отсутствует общий опыт, общая феноменологическая или экзистенциальная основа [11, р. 66]. Обладающие квазиавтономией в принятии решений алгоритмы глубокого обучения становятся всё более автономными агентами ИИ – всё менее зависимыми от феноменологической основы человека. Двойная автономия новейших форм искусственного мышления – когда «не только выходные, но и обучающие входные данные в некоторой степени независимы от человеческих знаний», – позволяет говорить, с точки зрения несоизмеримости, о присутствии в этих формах «нечеловеческого или *негуманного интеллекта*» [11, р. 68–69]. По словам Л. Паризи, эти формы инструментального разума «отсылают к возникновению *нового чужеродного способа мышления*» (*new alien mode of thought*), который может порождать реальности, никак не связанные с жизнью и органической мыслью [2, р. 136].

Бесчеловечность искусственного интеллекта как отчуждённой социальной силы

Однако сам по себе онтоэпистемологический подход, применяемый к анализу взаимодействия человека и машины, не позволяет определить содержание категорий «нечеловеческий» (*non-human*) и «бесчеловечный» (*inhuman*) в социальном контексте. В чём состоит различие между этими категориями? Являются ли алгоритмы агентами «бесчеловечного интеллекта» при условии, что они функционируют как инфраструктурные элементы цифровой социотехнической системы, и если да, то в каком смысле их «интеллект» бесчело-

вечен? Ответить на эти вопросы под силу только марксистской социально-философской теории, в рамках которой всё, что имманентно человеку как таковому, всё, что производится им (в том числе и технологии), рассматривается как имеющее социальную природу и никогда не должно рассматриваться вне социального контекста.

Уже в своих ранних работах К. Маркс сформулировал основополагающую идею своей философской системы, что универсальным способом существования человека и общества выступает труд как сознательная преобразующая субъект-объектная продуктивная деятельность, которую немецкий философ отождествляет с древнегреческим «практисом» (*πρᾶξις, Praxis*) – деятельностью свободных людей. В развёрнутой интерпретации Маркса практис – это свойственная только человеку социально-индивидуальная активность, свободная от давления какой-либо естественной необходимости и внешней целесообразности, направленная на удовлетворение его всесторонних потребностей и имеющая самоцелью выявление его творческих способностей как некой тотальности их предшествующего исторического развития [13, с. 476]. Реализуясь в процессах производства и потребления материального или идеального объекта, практис определяет и распределяет, экстернирует и интернирует человеческую сущность. Как воплощение человеческого бытия предмет практиса оказывается интерсубъективным посредником межличностных отношений – формой отношения человека к другому человеку и объектному миру, социального отношения человека к человеку, природе и объектам материальной и духовной культуры. По мнению отечественного исследователя П. Н. Кондрашова, «практис мыслится Марксом как родовая сущность человека» [14], в процессе осуществления которой люди производят социальную связь, постоянно модифицирующуюся в ходе исторического процесса.

В исторической реальности практис, а следовательно, и социальное отношение

человека к человеку, природному миру и миру культуры выступают в превращённых, отчуждённых формах и модификациях. Марксистская концепция отчуждения базируется на различии между инвариантной сущностью (*Wesen*) человека и общества и их реальным существованием (*Existenz*), между тем, чем они являются потенциально, и тем, что они представляют собой в действительности. Потенциально практис существует как свободная самоцелевая социально-индивидуальная человеческая активность, которая в исторической действительности в условиях капиталистического способа производства реализуется в своей самоотчуждённой форме, в форме абстрактного труда, как подчинённая внешним целям инструментально-операциональная деятельность. Комментируя английский перевод первого тома «Капитала», Ф. Энгельс отмечает, что английский язык терминологически различает два аспекта, или две формы, труда. «Труд, качественно определённый, создающий потребительные стоимости, называется *work* в противоположность *labour*; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется *labour* в противоположность *work*» [15, с. 56]. В количественном измерении труда существует отношение безразличия к качественной определённости производимых вещей и индивидуальности их производителя.

П. Н. Кондрашов, много лет занимавшийся исследованием философии К. Маркса, обращает внимание на то, что в текстах немецкого философа имплицитно проводится различие между диалектически взаимосвязанными категориями человеческого / нечеловеческого и человечно-го / бесчеловечного. Все индивидуальные практики и социальные системы, независимо от их исторических модификаций, с онтологической точки зрения являются человеческими, но в определённом аксиологическом измерении они могут восприниматься как достойные человека или недостойные его, как, соответственно, человечные или бесчеловечные. Например,

все формы отчуждённой человеческой деятельности и капиталистическое общество как превращённая форма социального бытия в ценностном измерении, с марксистской точки зрения, оказываются бесчеловечными, тогда как общество, в котором происходит подлинное возвращение человека к самому себе как человеку социальному, т. е. общество коммунистическое, является по-настоящему гуманным. Природа бесчеловечного открывается в реализации человеческой субъективности и социальности посредством превращённой формы субъект-объектного взаимодействия и отношения: бесчеловечность мыслится как безразличное, равнодушное, неэмпатическое отношение человека к реальности [14]. В отчуждённой форме практиса, согласно Марксу, человеческая сущность экстериоризирована бесчеловечным способом, в противоположность самой себе [16, с. 626]. Так, в гегелевской спекулятивной логике как чисто интеллектуальной деятельности, противопоставленной тотальности человеческого практиса, мышление превращается в «совершенно равнодушную ко всякой действительной определённости» недействительную сущность субъекта и объекта – «отчуждённое, а поэтому абстрагирующее от природы и от действительного человека» бесчеловечное мышление [16, с. 625].

Однако в реальности не существует ни чисто идеальных, ни чисто материальных форм практиса: любая умственная деятельность, даже самая абстрактная, осуществляется посредством материального головного мозга, образуя синапсы – контакты между его нейронами, а всякая чувственная практика предполагает интеллектуальную активность в виде целеполагания. В своей тотальности практис представляет собой диалектический синтез материальной и духовной, чувственной и интеллектуальной, внешней и внутренней форм человеческой активности, соотношение которых динамически меняется на каждом этапе социального онтогенеза. Тем не менее даже в условиях цифровизации и медиатизации, когда идеальная со-

ставляющая постепенно увеличивается, материальное продолжает оставаться детерминирующей основой идеального, его реальным базисом (*Unterbau*).

В силу диалектического единства, в котором протекают внешняя и внутренняя, практическая и умственная формы деятельности, они имеют идентичную общую динамическую структуру [17, с. 79], включающую в себя следующие элементы: субъект, объект, их взаимодействие, потребность, целеполагающая установка, средство, или инструмент, деятельности и её результат [14]. При передаче вычислительным машинам интеллектуальных функций от тотальности умственной деятельности отделяются в их экстериоризированных формах мыслительные операции, относящиеся в структуре человеческого праксиса к инструментальному элементу. Как отмечает отечественный философ и психолог А. Н. Леонтьев, эти операции «суть только способы, средства мышления, а не само мышление» [17, с. 38].

В отличие от человека – единственного субъекта мыслительной деятельности, понимаемой как двустороннее субъект-объектное движение сознания, – не обладающие сознанием вычислительные машины «не умеют проходить этого пути в целом». Они «не руководствуются мотивами, не управляются потребностью», в их абстрагированных от человека и природы процессах «потребность... не определяет себя»¹. То, что они выполняют, «не имеет для них смысла». Они не способны осознавать цели и целеполагать, а могут только «следовать условиям», т. е. выполнять операции – «как бы “отслаивающиеся” из жизни субъективной и пристрастной мыслительной деятельности человека процессы» [18]. Видимая целенаправленность таких процессов, выполняемых агентами ИИ, в том числе и самообучающимися алгоритмами, не является генетически имманентной, поскольку к их выполнению и самообучению они предопределены человеком и служат воплощением его цели.

¹ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

В условиях капиталистической социальной системы, т. е. доминирования частной собственности на средства производства, коммерциализации и коммодификации социальных отношений, взаимный обмен человеческой деятельностью в процессах определяния и распределения, связывающих людей в социальную ткань, протекает преимущественно в форме товарно-денежных отношений. Социальные отношения оказываются инвертированными: межличностные, интерсубъективные отношения принимают вид товарных отношений, в которых персонифицируются вещи и овещиваются лица [15, с. 83, 124]. Социальная инверсия предполагает телеологическую и субъект-объектную инверсию праксиса. Вместо удовлетворения всесторонних потребностей и свободной реализации универсальных потенций конечной целью человеческой деятельности оказываются удовлетворение физических потребностей и вынужденная реализация её парциальных функций [13, с. 101; 16, с. 564–567]. Эти функции соответствуют отдельным операциям, включённым в систему действий отчуждённой опосредствующей деятельности, – процессам, подчинённым оперированию «некой сущности, находящейся вне человека и над человеком» [19, с. 18]. Как независимая от него и подчиняющая его себе сила, эта сущность в своём персонифицированном виде оказывается субъектом абстрактной деятельности и движения в ней того отношения к реальности, которое выражается меновой стоимостью. В инвертированном товарно-денежном обращении ($D - T - D$) стоимость становится субъектом некоторого процесса: перетекая из денежной формы (D) в товарную (T) и обратно, она в собственном движении постоянно присоединяет к себе прибавочную стоимость, т. е. становится самовозрастающей стоимостью, капиталом. Следовательно, этот процесс описывается формулой $D - T - D'$ (где D' – выраженная в деньгах стоимость с учётом полученного приращения). Если простое товарно-денежное обращение ($T - D - T$) служит средством для достижения

внешней по отношению к нему цели, то обращение денег в виде капитала есть самоцель бесконечного процесса, в котором стоимость выступает как «саморазвивающаяся», «самодвижущаяся субстанция», превратившись в «автоматически действующий субъект» [15, с. 157–165]. Поскольку в инвертированном товарно-денежном обращении товар играет роль лишь посредника рыночного обмена, соответствующий элемент (T) во всеобщей формуле капитала можно опустить и свести его к краткому выражению $D - D'$, «деньги, порождающие деньги» [15, с. 166].

В последнее десятилетие происходит беспрецедентное самоувеличение капитализации крупнейших технологических компаний (Big Tech), сопровождающее процесс формирования гигантского массива данных (Big Data), экспоненциальный рост которых осуществляется в ходе трансформации технокапитализма в его наиболее радикальную форму – капитализм искусственного интеллекта. В ряде исследований данные концептуализируются как различные формы капитала: во-первых, «данные – это сырьё – постоянный капитал, который необходим для производства товаров», т. е. различных информационных продуктов и услуг; во-вторых, «данные – это товар, продукт цифрового труда людей, взаимодействующих с приложениями и услугами» [20, р. 730]. По мнению британского исследователя П. Вердегема, технологические гиганты запускают информационные продукты не ради получения дохода, а ради производства данных, монетизируемых впоследствии посредством различных продуктов и услуг [20, р. 730–731]. В алгоритмическом процессинге вследствие энтропийного преобразования информации выходные данные (товар) всегда превышают по своему объёму входные данные (сырьё). Поэтому само по себе выполнение алгоритмами каких-либо операций, например в процессе извлечения данных или их анализа, генерирует новые данные, и этот технологический цикл, в котором данные порождают другие данные, повторяется бесконечно. В силу их абстрактной количественной природы, которая род-

нит их со стоимостью и деньгами, цифровые данные являются одним из универсальных посредников рыночного обмена.

В условиях реификации и фетишизма социальных отношений потенции родовой сущности человека оказываются специфическими медиациями социального метаболизма. Персонифицируясь в виде капитала, денег, науки, технологий общего назначения (GPT) и других социальных фетишей, они трансформируются в особые, не зависящие от индивидов, отчуждённые и отчуждающие силы. В этих условиях неизбежно возникает то опрокидывание субъект-объектных отношений, в результате которого не индивид оказывается субъектом всеобщих сил и способностей, а, напротив, эти силы и способности сами выступают в роли субъекта, диктующего каждому индивиду способы социальной практики.

В одну из таких автономных от индивидов и доминирующих над ними социальных сил превращается потенциал человеческих знаний и когнитивных способностей, именуемый «социальным мозгом», когда в процессе поглощения капиталом его элементы переходят под контроль «всеобщего интеллекта». Его частным случаем является ИИ, который служит реализацией человеческих знаний и когнитивных способностей в адекватных капиталу средствах производства путём преобразования (особой экстериоризации) знаний в цифровые данные, а способностей – в системы вычислительных операций. Другими словами, капитал постоянно «вырезает и эмулирует аспекты социального мозга, реализуя их в машинах и добавляя их к всеобщему интеллекту» [3, р. 64]. Так ИИ, агентами которого сегодня являются интерактивные и самопрограммирующиеся алгоритмы, оказывается бесчеловечной социальной силой, обесчеловечивающей индивидов, которым в инвертированном субъект-объектном отношении отводится роль объектов, подчинённых фундаментально дегуманизированному псевдосубъекту – ИИ.

Заключение

В условиях позднего капитализма происходит гомогенное слияние двух стимулирующих друг друга процессов – социально-экономического процесса коммерциализации и социально-технологического процесса алгоритмизации, трансформирующих социальную реальность в цифровую социотехническую систему. Между алгоритмами ИИ и конституирующими их капиталом обнаруживается избирательное средство, в котором вычислительный механизм алгоритмов и социальный механизм капитала моделируются как неконтролируемые петли обратной связи. На современном этапе технологического развития ИИ представляет со-

бой персонифицированную совокупность всё более абстрагирующихся от родовой сущности человека знаний и когнитивных способностей, которые реализуются в адекватных капиталу средствах труда – самообучающихся алгоритмах. В свою очередь, по отношению к ИИ последние являются агентами отчуждённой и доминирующей над всеми бесчеловечной социальной силы, которая непрерывно интенсифицирует их способность выходить из-под контроля человека и общества. Таким образом, процессы коммерциализации и алгоритмизации необходимо рассматривать как основные модусы онтогенеза дегуманизированной и дегуманизирующей социотехнической системы – цифрового общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790.
- Parisi L. Instrumental Reason, Algorithmic Capitalism, and the Incomputable // *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas* / ed. M. Pasquinelli. Lüneburg: Meson Press, 2015. P. 125–137.
- Dyer-Witheford N., Kjøsen A. M., Steinhoff J. *Inhuman Power: Artificial Intelligence and the Future of Capitalism*. London: Pluto Press, 2019. 224 p.
- Laruffa F. Neoliberalism, Economization and the Paradox of the New Welfare State // European Journal of Sociology. 2022. Vol. 63. Iss. 1. P. 131–163. DOI: 10.1017/S0003975622000169.
- Land N., Mackay R., Fisher M. *A Nick Land Reader: Selected Writings*. Anonymous Press, 2017. 276 p.
- Fazi M. B. Incomputable Aesthetics: Open Axioms of Contingency [Электронный ресурс] // Computational Culture. 2016. Iss. 5. URL: <http://computationalculture.net/incomputable-aesthetics-open-axioms-of-contingency> (дата обращения: 15.12.2024).
- Parisi L. Learning to Learn or the Algorithmic Discovery of Information // Machine Learning – Media, Infrastructures and Technologies of Artificial Intelligence / ed. by Christoph Engemann and Andreas Sudmann. Bielefeld: transcript Verlag, 2018. P. 93–114.
- Pasquinelli M. *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence*. London; New York: Verso, 2023. 272 p.
- Turing A. M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem (1936) // The Essential Turing: Seminal Writings in Computing, Logic, Philosophy, Artificial Intelligence, and Artificial Life plus The Secrets of Enigma / ed. B. J. Copeland. Oxford: Clarendon Press, 2004. P. 58–90.
- Fazi M. B. Can a Machine Think (Anything New)? Automation Beyond Simulation // AI & Society. 2019. Vol. 34. P. 813–824. DOI: 10.1007/s00146-018-0821-0.
- Fazi M. B. Beyond Human: Deep Learning, Explainability and Representation // Theory, Culture & Society. 2021. Vol. 38. No. 7–8. P. 55–77. DOI: 10.1177/0263276420966386.
- Benasayag M. Il cervello aumentato, l'uomo diminuito. Torino: Il Margine, 2022. 248 p.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1968. 560 с.
- Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: URSS, 2024. 216 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 908 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 690 с.

17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. 352 с.
18. Леонтьев А. Н. Автоматизация и человек // Психологические исследования. Вып. 2. М.: Московский университет, 1970. С. 3–12.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. 536 с.
20. Verdegem P. Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech // *AI & Society*. 2022. Vol. 39. P. 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8.

REFERENCES

1. Smirnov, A. V. (2021). Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality. In: *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 129–153. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1790 (in Russ.).
2. Parisi, L. (2015). Instrumental Reason, Algorithmic Capitalism, and the Incomputable. In: *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Lüneburg: Meson Press, pp. 125–137.
3. Dyer-Witheford, N., Kjøsen, A. M. & Steinhoff, J. (2019). *Inhuman Power: Artificial Intelligence and the Future of Capitalism*. London: Pluto Press (in Russ.).
4. Laruffa, F. (2022). Neoliberalism, Economization and the Paradox of the New Welfare State. In: *European Journal of Sociology*, 63 (1), 131–163. DOI: 10.1017/S0003975622000169.
5. Land, N., Mackay, R. & Fisher, M. (2017). *A Nick Land Reader: Selected Writings*. Anonymous Press.
6. Fazi, M. B. (2016). Incomputable Aesthetics: Open Axioms of Contingency. In: *Computational Culture*, 5. URL: <http://computationalculture.net/incomputable-aesthetics-open-axioms-of-contingency> (accessed: 12.15.2024).
7. Parisi, L. (2018). Learning to Learn or the Algorithmic Discovery of Information. In: *Machine Learning – Media, Infrastructures and Technologies of Artificial Intelligence*. Bielefeld: Verlag, pp. 93–114.
8. Pasquinelli, M. (2023). *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence*. London; New York: Verso.
9. Turing, A. M. (2004). On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. In: *The Essential Turing: Seminal Writings in Computing, Logic, Philosophy, Artificial Intelligence, and Artificial Life plus The Secrets of Enigma*. Oxford: Clarendon Press, pp. 58–90.
10. Fazi, M. B. (2019). Can a Machine Think (Anything New)? Automation Beyond Simulation. In: *AI & Society*, 34, 813–824. DOI: 10.1007/s00146-018-0821-0.
11. Fazi, M. B. (2021). Beyond Human: Deep Learning, Explainability and Representation. In: *Theory, Culture & Society*, 38 (7–8), 55–77. DOI: 10.1177/0263276420966386.
12. Benasayag, M. (2022). *Il cervello aumentato, l'uomo diminuito*. Torino: Il Margine.
13. Marx, K. & Engels, F. (1968). *Works*. Vol. 46. Pt. 1. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
14. Kondrashov, P. N. (2024). *The Philosophy of Karl Marx: Existential Anthropological Aspects*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
15. Marx, K. & Engels, F. (1960). *Works*. Vol. 23. Moscow: Political Literature, 1960 publ. (in Russ.).
16. Marx, K. & Engels, F. (1956). *From Early Works*. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
17. Leontiev, A. N. (2004). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Meaning publ., Academy publ. (in Russ.).
18. Leontiev, A. N. (1970). Automation and Man. In: *Psychological Studies*. Vol. 2. Moscow: Moscow University publ. pp. 3–12 (in Russ.).
19. Marx, K. & Engels, F. (1974). *Works*. Vol. 42. Moscow: Political Literature publ. (in Russ.).
20. Verdegem, P. (2022). Dismantling AI Capitalism: The Commons as an Alternative to the Power Concentration of Big Tech. In: *AI & Society*, 39, 727–737. DOI: 10.1007/s00146-022-01437-8 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татаров Владимир Юрьевич (г. Тверь) – аспирант кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: tatarovvyyu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Y. Tatarov (Tver) – Postgraduate Student, Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: tatarovvyyu@mail.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-131-139

РОЛЬ СМИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Тригубенко И. С.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e -mail: 7272727@bk.ru

Поступила в редакцию 18.06.2025

После доработки 07.07.2025

Принята к публикации 19.07.2025

Аннотация

Цель. Определение роли средств массовой информации в формировании общественного мнения и их влияния на ход и исход военно-политических конфликтов современности с учётом исторических примеров, цифровых трансформаций и философских подходов.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования стало использование метода контент-анализа, историко-сравнительного анализа, философского осмысливания (в духе О. Шпенглера, М. Кастельса, В. Пелевина), а также кейс-метод, включающий анализ медиасопровождения конфликтов: Югославия, Ирак, Вьетнам, Чечня, Украина.

Результаты. Доказана трансформация СМИ из канала коммуникации в субъект политической и военной силы. Показана прямая зависимость между результатами военных кампаний и успешностью их информационного сопровождения. Установлены параллели между историческими примерами манипуляции общественным мнением (Гливицкая провокация, Вьетнам, Ирак) и цифровыми конфликтами XXI в. Продемонстрирована новая роль медиа как института политической мобилизации и давления, выходящего за рамки государственной юрисдикции.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании роли СМИ как самостоятельного политического актора в современных конфликтах, а также выявлении механизмов цифровой пропаганды, которые могут быть использованы в системе медиаграмотности, противодействия фейкам и экстремизму, а также в стратегическом планировании информационной политики.

Ключевые слова: военные конфликты, гибкая власть, информационная война, манипуляция сознанием, медиаполитика, СМИ, телекоммуникационные сети, философия информации, цифровая пропаганда

Для цитирования:

Тригубенко И. С. Роль СМИ в военно-политических конфликтах современности // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 131–139. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-131-139>.

Original research article

THE ROLE OF MASS MEDIA IN MODERN MILITARY AND POLITICAL CONFLICTS

I. Trigubenko

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: 7272727@bk.ru

Received by the editorial office 18.06.2025

Revised by the author 07.07.2025

Accepted for publication 19.07.2025

Abstract

Aim. To define role of mass media in shaping public opinion and influencing the course and outcome of modern military-political conflicts, considering historical examples, digital transformations and philosophical approaches.

Methodology. Content analysis, historical and comparative analysis, philosophical reflection (in O. Spengler's, M. Castells', and V. Pelevin's style), and case method that includes the analysis of media coverage of conflicts (Yugoslavia, Iraq, Vietnam, Chechnya, Ukraine) were used as the key methods.

Results. The transformation of the media from a communication channel into a subject of political and military power is proved. The direct relationship between the results of military campaigns and the success of their information support is shown. Parallels have been established between historical examples of manipulation of public opinion (Gliwicki provocation, Vietnam, Iraq) and digital conflicts of the 21st century. The new role of the mass media as an institution of political mobilization and pressure beyond the scope of state jurisdiction is demonstrated.

Research implications. The role of the media as an independent political actor in modern conflicts is substantiated, digital propaganda mechanisms, that can be used in the system of media literacy, countering fakes and extremism, as well as in the strategic planning of information policy, is identified.

Keywords: military conflicts, flexible power, information warfare, mind control, media policy, mass media, telecommunications networks, philosophy of information, digital propaganda

For citation:

Trigubenko, I. S. (2025). The Role of Mass Media in Modern Military and Political Conflicts. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 131–139. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-131-139>.

Введение

Конец XX века ознаменован закатом индустриального, фабричного общества и переходом к качественно новой общественной формации – информационному обществу, где ключевую роль играют информация и телекоммуникационные потоки. На смену газетам и журналам пришли телевизионное вещание и интернет-коммуникации. Вся деятельность личности, общества и государства стала неразрывно связана с электронными каналами передачи информации: в настоящее время даже смена капиталов осуществляется посредством электронных коммуникаций, а влияние и корпоративные ресурсы некоторых корпораций значительно превосходят аналогичные показатели отдельных государств.

**Построение и существование
информационного общества в
аспекте развития телекоммуникаций,
военных кампаний и успешность их
информационного сопровождения**

Так, в марте 2025 г. рыночная капитализация компании NVIDIA составляла

2,653 трлн долл. США, что превышало ВВП почти всех стран в мире¹. Учитывая вышеизложенное, особую актуальность приобретают тезисы Освальда Шпенглера. В своей работе «Закат Европы» он выдвинул гипотезу о том, что в будущем общественное мнение и массы будут подконтрольны трёх-четырём глобальным средствам массовой информации. Владельцы этих ресурсов будут активно направлять массовое сознание в выгодном им русле при поддержке бесчестного количества депутатов, журналистов, и политических активистов [1, с. 78]. Очевидно, Шпенглер умер задолго до появления первых цифровых СМИ, в противном случае его прогнозы могли быть резко скорректированы. Это неудивительно, поскольку именно развитие телекоммуникаций выступает одним из важнейших столпов построения и самого существования информационного общества.

¹ NVIDIA Corporation. Annual Report 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://s201.q4cdn.com/141608511/files/doc_financials/2025/Rev_by_Mkt_Qtrly_Trend_Q125.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

Это мнение вполне коррелируется с позицией современных социологов. Так, один из главных специалистов по изучению информационного общества Мануэль Кастельс в своём труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» отмечает, что современные СМИ становятся главенствующим участником формирования массового сознания и общественных настроений. Кастельс утверждает, что в условиях полномасштабной мировой глобализации информационно-телекоммуникационные сети становятся местом сражения за политическую власть и влияние [2, с. 9].

Ярким тому примером служит повсеместное использование телекоммуникационных технологий, в том числе телевидения. По данным исследования компании Electronics Hub за 2023 г., в среднем люди по всему миру проводят за экранами устройств 6 часов 37 минут, что составляет почти 40% от времени бодрствования¹. Эта статистика наглядно показывает, насколько неразрывной и неделимой становится связь человечества с цифровыми носителями. Эта тенденция подтверждается иной статистикой об уровне доверия к различным средствам связи. Проведённое в 2023 г. исследование научного центра Reuters Institute демонстрировало большой разброс доверия населения к современным СМИ и привычному телевизионному вещанию: чуть меньше половины опрошенных (40%) готовы доверять информации, получаемой из мессенджеров и социальных сетей. Телевидение пользуется большим доверием, потому ему доверяет на 11% больше респондентов. При этом больше половины из опрошенных неспособны делать самостоятельные выводы об истинности полученной информации, осуществлять её перепроверку, становясь уязвимыми для политического и идеоло-

гического влияния, насаждения и навязывания чуждых им идей и убеждений².

Неспособность отличить правдивую информацию от пропаганды и информационного шума не является феноменом, характерным исключительно для постиндустриального общества. Ещё в 1939 г., успешная медиа дезинформация в Гливице сделала немецкое население, неспособное объективно оценить и проверить полученную информацию, более лояльным к Гитлеровскому правительству, выставив Польшу государством-агрессором в глазах немцев³.

Указанный выше исторический эпизод отнюдь не уникальное явление в информационном противоборстве XX в. С начала второй мировой войны: страны ОСИ активно применяли медиа пропаганду и осуществляли акции совместного воздействия в отношении противников, уделяя этому достаточно большое внимание: пе-чально известные расовые законы, принятые в Нюрнберге, концепция реставрации новой римской империи под эгидой Муссолини, пропаганда божественного предназначения японцев как высшей нации над гайдзинами (иностраницами).

В современном обществе информационная война не менее важна, чем прямое физическое противостояние. Победа или поражение в военной конфронтации сегодня определяются не только на театрах боевых действий, но и в массовом сознании людей (как в рамках отдельного государства, так и на межгосударственном уровне) [3, с. 11].

Американский государственный деятель и политолог Джозеф Най в своём труде «Гибкая власть: как добиться успеха в

¹ Electronics Hub исследовали среднее экранное время в 45 странах [Электронный ресурс] // Electronics Hub [сайт]. URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/electronics-hub-issledovali-srednee-ekrannoey-vremya-v-45-stranah> (дата обращения: 02.12.2025).

² Новостям не доверяют всё больше [Электронный ресурс] // Коммерсант [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6044291> (дата обращения: 02.12.2025).

³ Gleiwitz Incident Explained [Электронный ресурс] // History Hit: [сайт]. URL: <https://www.historyhit.com/gleiwitz-incident-explained/> (дата обращения: 02.12.2025); The Gleiwitz Incident: Manufactured Provocation and the Outbreak of World War II [Электронный ресурс]. URL: <https://dirkdeklein.net/2025/08/31/the-gleiwitz-incident-manufactured-provocation-and-the-outbreak-of-world-war-ii> (дата обращения: 02.12.2025).

миро́вой полити́ке» подтверждает это мнение, апеллируя к тому, что современные конфликты ведутся не только с помощью регулярных войск, но и через информационное влияние на массового потребителя. Он утверждал, что мягкая сила (soft power), основанная на идеологическом, политическом и информационном превосходстве, становится ключевым инструментом достижения целей [4, с. 34].

Ярким примером важности и взаимосвязанности военных и информационных конфликтов служит вьетнамская война. Негативная позиция американских средств массовой информации, отсутствие чёткой идеологической поддержки государственных сил во Вьетнаме, неспособность подавить протестные настроения приводили к десяткам акций протesta со стороны самих американцев, главной из которых, безусловно, явился «Поход на Пентагон», состоявшийся 21 октября 1967 г. Эти факторы в совокупности с помощью СССР, мужеством и героизмом Вьетнамского народа и привели к поражению США и выводу войск из Вьетнама. Это историческое событие стало переходным звеном от обычной к информационным конфронтациям. С этого момента было признано необходимым осуществление общественно-информационного сопровождения боевых действий. Работа СМИ содействовала формированию лояльного государству общественного мнения у его жителей и населения других стран. Этот результат достигался несколькими средствами, такими как количественное и качественное превосходство собственной позиции, внедрение стойких общественных стереотипов, схем, слухов, дезинформации, отвечающих целям и задачам информационной политики. В современном мире сложно недооценить роль телекоммуникационных сетей в проведении военных столкновений. Учёный и публицист Георгий Георгиевич Почепцов в своём труде «Психологические войны» писал, что в развитом государстве любому событию сопутствует его информационное сопровождение. Военные конфликты должны выглядеть в глазах жи-

телей государств-участников логически и (или) морально обоснованными, враг – бесчеловечным, а собственные войска – доблестными мужественными героями, исполняющими свой долг [5, с. 123].

Таким образом, неизбежен вывод, что современная война в какой-то степени может быть сравнима с политической демонстрацией с тем лишь, различием, что её участники являются военнослужащими со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Поэтому демонстративный момент в современной войне не менее важен, чем в войне настоящей. Из «четвёртой ветви власти» СМИ становятся полноправными участниками вооруженных конфликтов, значительно влияя на их ход и результаты. Известный доктор политических и социологических наук Александр Гельевич Дугин в своей работе «Поп-культура и знаки времени» отмечал, что формирование политических, идеологических взглядов у общественных масс происходит исключительно на основе информации из телекоммуникационных сетей. По его мнению, современный медийный образ события является многосложным явлением, сочетающим в себе этнические, идеологические, культурные и иные подходы. Таким образом, происходит сближение профессии журналистов, репортёров, авторов новостных сообществ в интернете и геополитиков. Массовые медиа, по мнению Дугина, становятся сильным и обособленным институтом, оказывающим огромное влияние на исторические, политические, социальные процессы в современном обществе [6, с. 32].

С Дугиным в оценках солидарен и Эндрю Хейвид – британский автор учебников по политике и политологии. В своей работе «Политология» он признавал становление медиа как мощного информационного оружия и обосновывал необходимость контроля над информационными потоками для манипуляции общественным сознанием и формирования своей политической реальности [7, с. 93].

Благодаря вышесказанному становится очевидно, что непосредственной военной

конфронтации предшествует долгое и тщательное информационное сопровождение с целью дискредитации политического руководства государства-противника, компрометации его элит и активной работы с населением государства, являющегося объектом информационного воздействия. Ярким тому подтверждением служат военные конфликты конца XX – начала ХХI вв., такие как кризис в Югославии и акт агрессии США против Ирака. Обе выбранные военные конфронтации невозможно представить без предварительной информационной войны, инициатором которой выступила Америка. Сами США освещали данные конфликты как борьбу с воплощенным злом и вынужденное применение насилия как с целью пресечения геноцида мирного населения (применительно Югославии), так и для масштабной операции по противодействию мировому терроризму в лице режима Саддама Хусейна.

Наряду с этим демонстрировались преимущества американского оружия, искусственно приуменьшалась статистика раненых и убитых военнослужащих армии США, преувеличивался характер и масштаб успехов американских вооруженных сил. Огромную роль в этом информационном сопровождении сыграли медиацентры, финансируемые американским правительством и пентагоном, и как следствие действующие в их интересах Потомакский институт политических исследований (Potomac Institute for Policy Studies), RAND и Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute (AEI)). Главной задачей данных субъектов информационной войны стало формирование и закрепление в общественном сознании выгодных для США стереотипов.

Так, применимо к Албано-Сербскому конфликту важнейшим центром пропаганды против интересов союзной республики Югославии стала английская компания ITN. Именно их репортаж стал отправной точкой политики Б. Клинтона, ссылающегося на него в своих предвыборных речах. Кадры ITN демонстрировали Сербский концентрационный лагерь, огороженный

колоючей проволокой. Как показали последующие события, весь видеофрагмент был искусственной манипуляцией, т. к. никакой колючей проволоки и лагеря в действительности не было, а огорожен был только один жилой дом, из которого и был снят репортаж про ужасные условия содержания албанцев сербами, – негласное сопоставление этих лагерей лагерям смерти. Подобное медийное освещение позволило успешно закрепить в умах европейского населения идеи о необходимости вмешательства в события, происходящие на территории Югославии, о помощи притесняемым и становящимся жертвами геноцида сербов албанцам. Сообщения о военных преступлениях албанцев, транслирующихся по сербскому телевидению, активно игнорировались западным сообществом [8, р. 89].

Акция агрессии США против Ирака не стала исключением из данного правила. Одним из ярких примеров использования СМИ с целью дискредитации и компрометации противника являются показания кувейтской девушки Наира ас-Сабах, выступавшей в конгрессе осенью 1990 года. Она красочно и в подробностях рассказывала о действиях солдат армии Ирака: мародерстве, грабежах, пытках, сексуальном насилии и убийствах гражданского населения. Подобная речь не могла не вызвать эмоционального отклика у общественных масс, потрясенных зверствами режима Хуссейна. Однако спустя короткое время появилось довольно много неувязок и несостыковок в монологе самой Наира ас-Сабах, которая физически не могла увидеть ужасов и зверств войны. Документы самой больницы, где она оказывала добровольную помощь раненым, не содержали информацию о Наире как о волонтере, а никто из врачей медучреждения не подтвердил её слова. Впоследствии окажется, что её выступление – не более чем драматичный спектакль для оправдания действий Америки по вторжению в Ирак и повышения поддержки населением Америки политики Джорджа Буша-старшего. Резюмируя примеры информационных мероприятий выше, можно сказать, что

во всех вооруженных компаниях, проводимых США, в целом можно выделить два основных устремления: оперативное информирование массового потребителя посредством СМИ в выгодном для США ключе, жесткая борьба с контрпропагандой и субъектами, её осуществляющими.

Не менее примечательно рассмотрение и информационного сопровождения, осуществляемого США в ходе Югославского кризиса. Осуществляя активную поддержку албанцев в ходе гражданской войны, США проводило информационно-пропагандистские мероприятия по очернению облика президента Сербии как фюрера Сербии, сопоставляя его с Адольфом Гитлером, которого необходимо остановить прежде, чем он не смог устроить геноцид албанского населения на своей территории. Албанцев же превозносили как борцов за свободу и независимость, сражающихся в справедливой войне. США в этом конфликте примеряло на себя роль страны-полицейского, вынужденного оказывать силовые действия против Сербии. Под этим предлогом США проводила бомбардировки Югославии, удары по транспортной инфраструктуре Сербии, результатом которых становилось скорее уничтожение инфраструктуры государства, чем урегулирование конфликта.

Рассматривая оперативное информационное сопровождение военных действий, нельзя не упомянуть и о вторжении боевиков в Дагестан летом 1999 г. Удугов Мовлади Саидарбиевич, глава службы информации террористической организации «Имарат Кавказ» (Кавказ-центр), сделал для ичкерийских боевиков не меньше, чем полевые командиры. На сайтах подконтрольного ему информационно центра распространялась ложная информация о действиях российских военных в Дагестане и проводились идеологические диверсии, направленные на создание образа России как исторического оккупанта и обеления самих боевиков как мучеников и борцов против сионистов и русской агрессии. Ими распространялся миф о многовековой и непрекращающейся войне кавказских на-

родов с Россией. Действия сепаратистов оправдывались с помощью искажения исторических фактов. Неудивительно, что большой акцент российские силовики делали именно на блокирование и пресечение работы информационных ресурсов «Чеченского Геббелльса», таких как «Кавказ-центр». Так, война на Кавказе плавно перетекла и в информационное противоборство. Обе стороны понимали, что победителя информационного сражения назовут и победителем конфликта соответственно. К счастью, Россия смогла сделать надлежащие выводы из информационных неудач первой чеченской компании и смогла взять информационное поле под свой контроль. Шаг за шагом, буква за буквой лояльные СМИ превращали заявленную террористами священную войну в операцию по уничтожению бандформирований. С отходом от религиозной точки зрения удалось сильно подорвать имидж боевиков, поскольку новая информационная повестка рассматривала их как наёмников и преступников, заявляя, что исповедание Ислама является лишь прикрытием для их противоправных действий. Именно выведение конфликта из религиозной тематики в информационное поле борьбы с преступностью и терроризмом помогли России одержать победу.

Нельзя не упомянуть и то, что в современных государствах информационное противоборство уже давно существует не только в контексте внешней, но и внутренней политической борьбы. Это даёт основания полагать, что в будущем возможна ситуация, при которой политические объединения и движения будут заменены информационными агентствами и лидерами общественного мнения. Глобализация информационного общества приводит к уходу информационной гегемонии государств и переходу к информационному превосходству частных медиа-площадок. Именно они будут принимать активное участие в создании и доведении инфоповодов до массового потребителя, определять его отношение к произошедшим событиям, поддержку или критику поли-

тических и социальных явлений. В этой связи нельзя не вспомнить художественные произведения, проецирующие перед читателем образ тоталитарного государства: «Мы» Евгения Замятиня, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд. Все эти романы-антиутопии описывают тоталитарные политические режимы, осуществляющие полный контроль в сфере информации силовым путём или косвенно, экономически лоббируя свои интересы в якобы незаинтересованных и прогрессивных СМИ. Впрочем, современные писатели имеют иное мнение по данному вопросу. Так, альтернативный подход к трактовке роли СМИ предлагает Виктор Пелевин в своём произведении «Generation П» (1999 г.). В книге демонстрируется, что телевидение является самостоятельным общественным институтом, и уже оно управляет политикой как инструментом достижения целей. Следует также отдельно отметить, в каких условиях и при каких обстоятельствах был написан данный роман: после крушения СССР и упразднения роли государства как единственной организации контроля над поступающей в общество информации инициативу по воспитанию массового сознания перехватили молодые и независимые средства массовой информации новообразованной России. Именно этим первопроходцам обязан своему медиальному проигрышу баллотировавшийся в президенты Геннадий Зюганов, чью кандидатуру освещали в ретроспективе возврата к старым порядкам, диктатуре, всеобщей уравниловке и репрессиям [9]. Будучи серьёзной и реальной оппозицией кандидата от демократического лагеря Бориса Ельцина, он не смог выиграть развязанную против него медиавойну. Что касается его соперника, то успехи Бориса Николаевича и его избрание на пост президента были неразрывно связаны с поддержкой медиасфера и грамотной информационной борьбой, насаждением в массах демократического лагеря с ним во главе как единственного пути выхода из той сложной политической и социальной

обстановки, в которой находилась Россия в те времена. Впоследствии медиа конфронтации только усилились уже в связи со следующими президентскими выборами, где наряду с образом ужасного советского прошлого подчёркивались заслуги отдельных кандидатов на пост президента в успешном решении чеченского кризиса, социальной напряжённости, вывода страны из экономической ямы. Все эти тезисы и их грамотное насаждение молодому российскому обществу привели к избранию нового, до этого не сильно медийно известного для страны кандидата Владимира Владимировича Путина¹.

Понимание важности и значимости СМИ как института формирования общественного сознания появилось не только у государства, но и его противников – политических экстремистов. Валерия Ильинична Новодворская, с телеэкранов призывающая к свержению действующего режима и свержению действующего конституционного строя, национал-большевик Эдуард Лимонов, считавший, что манипуляция общественным сознанием и массами является ключом к успешному достижению политических целей и задач НБП. Огромное значение отводится СМИ и в дальнейшем: искусственно сгущать краски, предоставляя шокирующую информацию обществу, вовлекать в вооружённую борьбу сомневающихся. В конце своих рассуждений Э. Лимонов приходит к следующему умозаключению: нельзя начинать вооружённые конфронтации в регионе, где будет невозможно их информационное сопровождение. СМИ с его точки зрения значат гораздо больше в настоящий момент, чем административные здания, вокзалы и железнодорожные пути во время октябрьской революции [10, с. 154].

Всё вышеизложенное даёт основания полагать, что именно средства массовой информации станут главной целью для любых террористических, экстремистских организаций, организованных преступных

¹ Выборы Президента Российской Федерации. 1996: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1997. С. 145.

групп. Если раньше терроризм не нёс опасности обществу как целой системе, то новый информационный терроризм вполне может повлечь за собой кризис государственности стран с развитой инфраструктурой.

В современном массовом сознании даже фигура борца за свободу начала изображаться с учётом общественного уклона в информатизацию и цифровизацию. Радикалы представляются уже не в качестве ярых и непримиримых борцов за свободу, но в роли хладнокровных и грамотных политических технологов и специалистов информационной войны. С одной стороны, такие злодеи обеспечивают себе информационное освещение своих действий с помощью виртуальных дискуссий и купленных за деньги комментариев в его поддержку, с другой – руководят своими побратимами из удаленного места, а не на линии боестолкновения.

Подводя итог вышеизложенному, мы неизбежно приходим к выводу о том, что в настоящее время медиа-площадки играют огромную роль в формировании и доведении общественной повестки до современного потребителя. Эпоха государственного контроля за СМИ плавно сменяется эпохой самостоятельности телекоммуникационных сетей, формированием среди них лидеров общественных мнений, обладающих большими ресурсами, позволяющими воздействовать на массовое сознание миллионов людей. Если современные развитые и развивающиеся страны не смогут составить новой медийной силе адекватную

конкуренцию, то их государственный суверенитет и территориальная целостность могут оказаться под большим сомнением.

Заключение

Рассмотренные примеры доказывают, что информационное противоборство давно перестало быть вспомогательным элементом реальной политики и стало её неотъемлемым ядром. От атак на легитимность власти до полной симуляции общественного мнения – медиа становятся ареной для идеологических и политических столкновений, а телекоммуникационные платформы – инфраструктурой для глобальных конфликтов нового типа. Манипуляция, подмена понятий, фрагментация истины и создание управляемых образов происходящего – всё это превращает СМИ в полноценный инструмент стратегического влияния.

Современные конфликты редко развязываются без предварительной информационной подготовки. Именно способность навязать обществу выгодную трактовку событий становится решающим фактором успеха. В этом контексте ключевая угроза заключается в потере способности общества к критическому мышлению, перепроверки фактов и сопротивления когнитивному вторжению. Без создания собственной системы информационного иммунитета современные государства рисуют утратить суверенитет не через военное поражение, а через цифровую оккупацию массового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2023. 672 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.
3. Корнилова О. В. Операция «консервы», инцидент в Глявице и Бромбергское кровавое воскресенье: из истории нацистской стратегии «отрицание и обман» при развязывании Второй мировой войны в Европе (август сентябрь 1939 г.) // Наука. Общество. Оборона. 2024. Т. 12. № 2 (39). С. 11. DOI: 10.24412/2311-1763-2024-2-11-11.
4. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 288 с.
5. Почепцов Г. Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; Ваклер, 2000. 529 с.
6. Дутин А. Г. Пол-культура и знаки времени. М.: Амфора, 2005. 495 с.
7. Хейвуд Э. Политология / пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2005. 544 с.

8. Hammond P. *Framing Post-Cold War Conflicts: The Media and International Intervention*. New York: Manchester University Press, 1964. 262 p.
9. Зыгарь М. Все свободны: История о том, как в 1996 году Россию спасла пропаганда. М.: Альпина Паблишер, 2021. 422 с.
10. Лимонов Э. В. *Дисциплинарный санаторий*. СПб.: Амфора, 2002. 248 с.

REFERENCES

1. Spengler, O. (2023). *The Decline of the West*. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
2. Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
3. Kornilova, O. V. (2024). Operation Konserve, the Incident in Gleiwitz and the Bromberg Bloody Sunday: from the History of the Nazi Strategy “Denial and deception” at the Outbreak of the World War II in Europe (August – September 1939). In: *Science. Society. Defense*, 12 (2), 11. DOI: 10.24412/2311-1763-2024-2-11-11 (in Russ.).
4. Nye, J. S. (2006). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Moscow: Trend publ. (in Russ.).
5. Pocheptsov, G. G. (2000). *Psychological Wars*. Moscow: Refl-book publ., Vakler publ. (in Russ.).
6. Dugin, A. G. *Pop Culture and Signs of the Times*. Moscow: Amphora publ. (in Russ.).
7. Heywood, E. (2005). *Politics*. Moscow: Unity-Dana publ. (in Russ.).
8. Hammond, P. (1964). *Framing Post-Cold War Conflicts: The Media and International Intervention*. New York: Manchester University Press publ.
9. Zygar, M. (2021). *All Are Free: The Story of How Propaganda Saved Russia in 1996*. Moscow: Alpina publ. (in Russ.).
10. Limonov, E. V. (2002). *Disciplinary Sanatorium*. St. Petersburg: Amphora publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тригубенко Игорь Сергеевич (г. Москва) – независимый исследователь;
e-mail: 7272727@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor S. Trigubenko (Moscow) – Independent Researcher;
e-mail: 7272727@bk.ru

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-140-150

СУЩНОСТЬ РОДИНЫ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЁ ПОЗНАНИЯ: ОТВЕТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Чикаева Т. А.

Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: umoi@rambler.ru

Поступила в редакцию 26.07.2025

После доработки 18.08.2025

Принята к публикации 03.09.2025

Аннотация

Цель. Оценка потенциала применения выводов немецких мыслителей в процессе познания сущности Родины, анализ возражений на замечания немецких исследований с позиций отечественной философии.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами стали социально-философский, логико-философский и метод контекстного анализа. Проанализированы труды немецких и российских мыслителей, дана оценка их аргументам.

Результаты. Доказано, что выводы немецких мыслителей содержат идеи, критически оцениваемые и развивающиеся в российской философской мысли, а, следовательно, стимулирующие познание Родины.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии инварианта понимания категории «Родина» через сравнительный анализ тезисов мыслителей Германии и России, выявлении объективных характеристик Родины.

Ключевые слова: духовная субстанция, материальное, немецкая философия, отечественная философия, познание Родины, Родина

Для цитирования:

Чикаева Т. А. Сущность Родины и возможность её познания: ответ отечественных мыслителей на некоторые замечания немецких исследователей // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 140–150. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-140-150>.

Original research article

THE MOTHERLAND ESSENCE AND POSSIBLE WAYS TO STUDY IT: DOMESTIC THINKERS' RESPONSE TO SOME COMMENTS FROM GERMAN RESEARCHERS

T. Chikaeva

Moscow Art and Industrial Institute, Moscow, Russian Federation

e-mail: umoi@rambler.ru

Received by the editorial office 26.07.2025

Revised by the author 18.08.2025

Accepted for publication 03.09.2025

Abstract

Aim. To assess applying of conclusions from German thinkers on understanding the Motherland essence, and to analyze objections in German observations from the standpoint of Russian philosophy.

Methodology. The key research methods were socio-philosophical, logical-philosophical, and the method of contextual analysis. The works of German and Russian thinkers are analyzed, and their arguments are evaluated.

Results. It is proved that the conclusions of German thinkers contain ideas that are critically evaluated and developed in Russian philosophical thought, and, consequently, stimulate knowledge of the Motherland.

Research implications. The invariant of the category “Motherland” is revealed through a comparative analysis of the theses of German and Russian thinkers, and the objective characteristics of the Motherland are identified.

Keywords: spiritual substance, material, German philosophy, domestic philosophy, knowledge of the Motherland, Motherland

For citation:

Chikaeva, T. A. (2025). The Motherland Essence and Possible Ways to Study It: Domestic Thinkers' Response to Some Comments from German Researchers. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 140–150. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-140-150>.

Введение

Тысячелетний опыт существования и развития человечества подтверждает тезис, что судьба человека или социальной группы во многом зависит от того, какие ценности лежат в основе культуры, как они взаимодействуют с ценностями других социальных субъектов. Это связано с тем, что, являясь приверженцем той или иной системы ценностей, социальный субъект ставит и стремится достигать определённые цели и соответствующим образом реагирует на внутренние и внешние выводы, стремясь достичь идеала. В этой связи очень важно знать, какие ценности значимы для субъекта, при этом особое значение имеет понимание сущности каждой ценности и способов её проявления, а следовательно, нельзя ограничиваться только поверхностным анализом. Необходимо как теоретическое исследование содержания ценностей, так и систематизированное изучение того, как конкретная ценность отражается в менталитете, какие модели поведения и принятия управляющих решений формируются и развиваются у тех, кто является носителем данной ценностной системы. Из всего множества ценностей, которыми руководствуется социаль-

ный субъект при определении целей своей деятельности, можно выделить несколько, которые можно назвать высшими ценностями, поскольку они имеют приоритет перед другими. Вместе с тем надо иметь в виду то, что, декларируя одну и ту же ценность в качестве приоритетной, разные социальные могут понимать её по-разному, т. е. видеть в содержании данной ценности различный смысл. В результате возможен вариант, когда одна и та же ценность является ключевой, приоритетной ценностью для одного социального субъекта, рядовой ценностью для другого и антиценностью для третьего. К таким ценностям относится Родина. В настоящее время в научно-философской мысли существуют различные подходы к определению дефиниции категории «Родина» и определению её места в системе ценностей. Высказываются как утверждения Родины в качестве святыни [1, с. 94]¹, так и суждения, что оценка Родины является исключительно делом субъекта, у неё нет объективных предпосылок быть всеобщей ценностью, но отдельные инди-

¹ См. также: Булгаков С. Н. Моя Родина: к 125-летию со дня рождения: избранное / сост. А. П. Олейникова, Л. А. Беляева, А. Ю. Максимов. Орёл: Орловская государственная телерадиовещательная компания, 1996. С. 26.

виды могут включать её в свою систему ценностей наряду с другими, которые вызывают у них эмоциональную реакцию. Кроме того, как среди отечественных, так и среди зарубежных мыслителей есть те, что относят Родину к антиценостям, находят в любви к ней, т. е. патриотизме, путь к нарушению прав человека и антигуманизму, поскольку Родина есть нечто абстрактное, подменяющее собой истинные ценности [2, с. 153]. Это порождает необходимость разобраться в объективности оценок Родины, опровергнуть все домыслы и искаания в понимании её сущности, если такие допускаются.

Важно отметить, что данная цель имеет как теоретический, так и практический характер. Исследование результатов глобализации в культурной сфере, проходившей с конца XX столетия, показывает, что мультикультурализм привёл человечество к совершенно иным результатам, чем ожидалось и провозглашалось ранее [3]. Вместо равноправия различных культур народы получили их унификацию, в некоторых случаях создались предпосылки для потери культурной идентичности. Ситуацию невозможно назвать лучшей по сравнению с прошлыми временами, когда ключевой ценностью провозглашался индивидуализм. Попытки объединить народы под эгидой мультикультурализма провалились, о чём явственно свидетельствуют многочисленные конфликты как политические, так и военные, а также серьёзные трудности в хозяйствовании и обеспечении населения необходимыми ресурсами. Проведённый нами анализ позволяет выдвинуть тезис, что Родина объективно является основой ноосферного проекта, т. е. понимание её как ключевой ценности и основы бытия особенного следует рассматривать как путь к единству человечества без унификаций и эгоизма [4, с. 70–71]. Для реализации данной цели важно определить сущность Родины, т. е. понять, какой смысл вкладывается в данную категорию, каким ценностным потенциалом она наделяется.

Существование ценностей определяется наличием социального субъекта – челове-

ка. Природа аксиологически нейтральна, животные и растения существуют согласно объективным законам своих видов, у них нет возможности произвольно принять то или иное решение, руководствуясь нравственными принципами. У человека такая возможность есть, следовательно, на эту возможность можно воздействовать, давая ему знания о тех или иных объектах, отмечая их характеристики. В свою очередь человек осмысливает содержание и функции окружающих его объектов и явлений, даёт оценку тому, как к ним следует отнестись и как учитывать при реализации своих замыслов, целей и задач. Каждая ценность, следовательно, рассматривается человеком в соответствии с его менталитетом. Особенности национальной культуры оказывают влияние на то, как тот или иной объект рассматривается с аксиологической и онтологической точки зрения. В этой связи, на наш взгляд, является целесообразным провести исследование того, как понимается сущность категории «Родина» в научно-философской мысли разных народов, и предпринять попытку разобраться в том, с чем были бы согласны такие отечественные мыслители прошлого и современности, которые развивают концепцию понимания Родины как духовной субстанции, источника бытия особенного, высшей ценности, святыни. Это позволит прийти к целостному пониманию Родины, даст объективную оценку возможности рассмотрения её в качестве объекта исследования, понять, как через акцентирование связи социального субъекта с Родиной прийти к осознанию необходимости переустройства мирового сообщества и построения справедливого миропорядка. Изучение инокультурных исследований Родины позволит также понять, какие ошибки возможны в её исследовании, и найти способы их минимизации, исключения или исправления.

Кроме России, проблемами, связанными с исследованием категорий «Родина», «Отечество», «патриотизм», активно занимались философы и учёные Германии. Ими были сформулированы тезисы, кото-

рые позволяют глубже понять сущность Родины. Многие отечественные мыслители в своих рассуждениях о Родине учитывали точку зрения немецких коллег. Представляется целесообразным выделить некоторые тезисы этих рассуждений, которые содержат значимые суждения о Родине, и выявить заочные аргументы отечественных мыслителей в поддержку или опровержение данных тезисов. Результатом будет способность определить сущность Родины и сформировать методику её дальнейшего изучения в качестве ключевой общечеловеческой ценности, которая одновременно является единой и множественной, т. к., с одной стороны, Родина – духовная предпосылка духовных, материальных, социальных объектов, т. е. всего, что обладает бытием, а с другой стороны, Родина – основа особенного, она у каждого субъекта или объекта своя, её нельзя ничем заменить, а, следовательно, взаимодействие с Родиной социального субъекта всегда относится к сфере особенного, его нельзя формализовать. Из данного вывода следует, что концепции Родины и возможности её исследования, сформулированные носителями одной культуры, могут существенно отличаться от концепций, сформулированных носителями другой культуры, а их сравнительный анализ позволит определить рациональное зерно каждой концепции и приблизиться к всестороннему пониманию Родины и выработке методики её познания.

Исследование сущности Родины в немецкой мысли

В качестве источника, раскрывающего сведения о том, как категория «Родина», или «Heimat», отражается в немецкой мысли, представляется целесообразным взять книгу Ани Остерхельт «История Родины», изданную в 2021 г. Этот фундаментальный труд, отмеченный премией Гиссенского университета имени Юстуса Либиха 2021 г., содержит информацию о суждениях о Родине, которые отстаивали немецкие мыслители начиная с XVII в. до

современности. Книга содержит множество цитат, которые позволяют проанализировать взгляды мыслителей прошлого и понять предпосылки того или иного вывода о Родине, её функциях, месте в системе ценностей и возможности исследования Родины как философской категории и реально существующего объекта. Кроме того, автор данного труда представляет свою оценку источников, комментирует исследуемые материалы, что даёт возможность определить ответы на указанные вопросы в современной немецкой философии, в основе которых лежат рассуждения значительного числа предшествующих исследователей. Представляется важным более подробно остановиться на следующих тезисах этой книги.

Ани Остерхельт начинает своё исследование с тезиса о том, что исследование Родины является трудной задачей, решить которую практически невозможно. Она сравнивает этот процесс с безуспешным распутыванием паутины, приводящим к противоположному результату по сравнению с желаемым [5, р. 2]. Данный тезис указывает на то, что Родина оценивается современной немецкой научно-философской мыслью как объект, с трудом поддающийся исследованию, и тот, кто изучает этот вопрос, обязательно сталкивается с множеством трудностей. В рассматриваемом тезисе также содержится превентивное оправдание различных противоречий или отсутствия чёткости концепции Родины, поскольку это является объективным следствием её многогранности. Ани Остерхельт отмечает, что в течение всего времени немецкие мыслители, которые занимались исследованием Родины, понимали её как феноменологическую, антропологическую или онтологическую категорию. Различие феноменологии, антропологии и онтологии приводит к тому, что автор формулирует тезис о запутанности концепта Родины и в некоторой степени об отсутствии его объективности. К сожалению, исследователь уделил немного внимания аргументации вывода, соответственно, от него ускользнуло то, что

между феноменологией, антропологией и онтологией есть различия, но нет противоречия.

Ани Остерхельт находит в многогранности концепта Родины основу для признания её малопригодным объектом для рационального исследования. Она пишет: «Родина претендует на то, чтобы быть субъективной, аполитичной и не поддающейся рационализации, и по выбору ассоциируется с разумом, душой, чувством или просто с субъективным решением» [5, р. 2]. Исследователь, соответственно, отмечает зависимость понимания сущности Родины от качеств познающего субъекта, тем самым подготовливая читателя книги к тому, что в истории немецкой мысли высказывались и высказываются различные концепции Родины, которые могут содержать существенные различия и даже противоречия. Другой вывод, который можно сделать из данного тезиса, заключается в том, что автор знает о существовании тенденций политизировать категорию «Родина», исключать из её содержание всё то, что нельзя объяснить с точки зрения политической идеологии, и выражает сомнение в их правильности и обоснованности. Следует обратить внимание также на скептицизм Ани Остерхельт относительно того, возможно ли рациональное исследование Родины. Исследователь приходит к выводу, что Родину нельзя познать только умом, т. е. рациональными методами, необходимо подключить иррациональные методы познания, к которым, безусловно, относится познание через образы. Данный вывод находит подтверждение в книге, когда автор анализирует художественные произведения, раскрывающие сущность Родины через образы героев произведений и событий, происходящих с ними. Таким образом, можно заключить, что в представлениях немецкого исследователя, основанных на анализе работ своих соотечественников, создаваемых на протяжении около 400 лет, Родина является многогранным объектом, с трудом поддающимся исследованию. Её нельзя познать только логически, важно применять те ме-

тоды исследования, которые учитывают качества субъекта познания, прежде всего его эмоции и чувства. Одной из ключевых задач определения сущности Родины является ограничение Родины от политических категорий.

Далее Ани Остерхельт отмечает, что «Родина немыслима без истории создания концепций, потому что она участвует в формировании таких из них, как нация, но и её нельзя постичь только как идею» [5, р. 2]. Данное суждение можно рассматривать как шаг к тому, чтобы определить онтологическую сущность Родины. Исследователь указывает, что Родина первична по отношению к определённым идеям, среди которых особо выделяется концепция нации. Если Родина участвует, как указывает исследователь, в формировании нации как идеи, то, следовательно, нельзя просто выдумать Родину, произвольно сконструировать в общественном сознании. Следует также обратить внимание на то, что Ани Остерхельт относит, хотя и с оговорками, Родину к духовным объектам, соответственно, можно утверждать то, что в немецкой философской мысли Родина связывается с духом, духовными объектами. Вместе с тем, по мнению немецкого исследователя, онтологию Родины нельзя понимать только как онтологию духовного объекта. Согласно утверждению автора книги «История Родины», её можно понимать в «идеальном или материальном, метафизическом или физическом смысле» [5, р. 2]. Необходимо отметить, что разъяснения относительно этих суждений отсутствуют, поэтому можно только констатировать то, что научно-философская мысль Германии находит в Родине качества как материального, так и идеального объекта, а также указывает на возможности познающего субъекта акцентировать своё внимание только на какой-либо характеристики Родины.

Ани Остерхельт указывает на наличие в немецкой философии следующих дефиниций Родины.

1. *Сакральная или религиозная дефиниция*, согласно которой Родина связана с

Богом: только небесная Родина истинна, её нельзя обрести на Земле. Приводится тезис Л. Фейербаха о том, что без Бога у человека нет Родины [5, р. 19].

2. Националистическая дефиниция, суть которой состоит в понимании Родины как связи социального субъекта с национальной культурой, её прошлым и настоящим, как основы национальной гордости, стремления сохранить и приумножить достижения предков, источника и обоснования положительной оценки «своего».

3. Юридическая дефиниция, согласно которой Родина – «это административная единица, с которой связаны права и обязанности на коммунальные услуги», в этом смысле Родина – это дом, в котором человек является полноправным, признанным и ответственным хозяином.

4. Экономическая дефиниция, которая утверждает Родину как источник жизнеобеспечения. В этом смысле человек, который приобрёл участок земли или ферму, приобретает Родину, т. к. это станет источником ресурсов для него и его близких [5, р. 19].

5. Методологическая дефиниция, понимающая Родину как «всеобъемлющий руководящий принцип наук» [5, р. 23].

Существенное внимание немецкие мыслители обращают на разделение хорошего, т. е. целостного, систематизированного, объективного понимания Родины, и плохого, т. е. обывательского или идеологического понимания Родины. Вальтер Йенс предупреждает о недопустимости сведения понимания Родины к восхвалению места своего проживания и получения ресурсов и защиты. По его мнению, только тот, кто отделён от Родины, может понять её сущность и описать её, прочие же говорят о «своём домашнем счастье в уголке» [5, р. 35].

Родина в концепции немецких мыслителей является положительной ценностью и выполняет следующие функции: политические и социальные функции установления идентичности, моральные и идеологические функции передачи ценностей, религиозные функции веры в трансцендентность [5, р. 56–57]. Ани Остерхельт делает вывод, что Родина в немецкой философии – меж-

дисциплинарная категория, и её следует рассматривать через призму всех социальных областей, каждый раз тщательно определяя то, в каком смысле понимается Родина в конкретном контексте.

Ответ отечественной философии

В российской философии категория «Родина» получила фундаментальное осмысление, при этом, отечественные мыслители опирались как на собственные рассуждения, так и на выводы коллег, среди которых немецкие философы занимают одно из значимых мест. Заслуги немецкой философской мысли всегда признавались и принимались во внимание. Вместе с тем некоторые тезисы, касающиеся исследования Родины, подвергаются в российской философии опровержению. Представляется целесообразным исследовать, что является общим в немецкой и отечественной концепций Родины, в чём состоят различия, и какая точка зрения является более обоснованной.

Первым тезисом, по которому есть расхождения, является вывод немецкого мыслителя о том, что рациональное исследование Родины обречено на неудачу из-за её многогранности, поэтому помимо методов логического исследования для её изучения применяются иррациональные методы, которые раскрывают то, как Родина отражается в сознании социального субъекта. Ключевой задачей исследования Родины для немецкой философии является опровержение её политизации.

Отечественные философы соглашаются с тем, что исследование Родины как философской категории является трудной задачей. Многие, как А. Ф. Лосев, выражают сомнение в том, что рациональные методы познания позволяют выявить все существенные характеристики Родины, а некоторые из мыслителей исключают Родину из числа предметов философского исследования [6, с. 131]. Вместе с тем уже философы конца XIX – начала XX столетий предпринимают попытки для объяснения сущности Родины, отграничения её

от других категорий, например категории «Отечество». В их работах приводятся и раскрываются взгляды на дефиницию категории «Родина», из которых следует, что она должна изучаться с опорой на рациональные методы познания, и утверждается возможность успеха такого исследования. Для полноты ответа на вопросы, что есть Родина, как она взаимодействует с социальным субъектом, предлагается дополнить рациональные методы исследования иррациональными. Но, в отличие от немецких мыслителей, которые выбирают иррациональные методы для исследования Родины как предмета, отечественные мыслители применяют иррациональные методы для изучения Родины в целом. Они основываются на её онтологии и понимают её как духовный объект, который может быть доступен восприятию только через свои образы, а они познаются с применением иррациональных методов, позволяющих формулировать оценочные суждения, поскольку на характеристики образа влияют как его объективный источник, так и субъективные качества познающего субъекта. Анализ опыта отечественных философов в исследовании категории «Родина» позволяет назвать методологические принципы, ведущие к целостному и обоснованному ответу на поставленные вопросы.

– Первый принцип: сочетание рациональных и иррациональных методов, обязательность логической верификации полученных выводов.

– Второй принцип: всегда нужно помнить, что онтология Родины духовна, тогда становится ясно, что её изучение должно проходить аналогично исследованию общих духовных категорий, например таких, как «истина» или «прекрасное».

– Третий принцип: в качестве проверки истинности выводов также следует применять аксиологический критерий, т. е. сопоставлять выводы о Родине и нравственном и эстетическом идеале.

– Четвёртый принцип: надо осуществлять проверку того, насколько знания о Родине позволяют разрешить трудные

задачи социального бытия, тем самым утверждая её объективность и опровергая концепцию о том, что Родина – это только политический конструкт [6, с. 131–132].

Таким образом, мы можем наблюдать гносеологический оптимизм отечественной философии по сравнению с философией немецкой в вопросе перспектив изучения Родины. Схожесть позиций двух философских школ заключается в поощрении иррациональных методов исследования, только немецкие мыслители делают акцент на субъективности восприятия Родины, а представители отечественной философии на то, что через исследование восприятия может определить объективную сущность Родины.

Второй тезис немецкой философии, на который, на наш взгляд, следует обратить внимание, состоит в отсутствии чёткого ответа на вопрос, какова онтология Родины. В книге А. Остерхельт указывается на то, что она может быть как духовной, так и материальной. Это вносит противоречия в понимание смысла Родины, вызывает возможность рассмотрения её в качестве материальной ценности, которая обладает меньшим приоритетом по сравнению с ценностями социальными и духовными. Одной из наиболее вероятных причин, почему это происходит, является то, что Родина в сознании людей ассоциируется с родным домом, родителями, близкими людьми, государством, перед которым они имеют права и обязанности. Отечественная философия разрешает данное противоречие, поддерживая ту точку зрения немецких мыслителей, которая утверждает духовную онтологию рассматриваемой концепции. Родина, согласно воззрениям отечественных исследователей, к которым присоединяемся и мы, является духовной субстанцией, духовным субъектом, источником бытия духовных, материальных, социальных объектов, их особенности. Духовная сущность Родины, соответственно, исключает противоречие между духовным и материальным. Через восприятие материальных объектов качества Родины становятся доступными по-

ниманию, т. к. они являются источниками её образов, но будет ложным утверждать, что какой-либо материальный объект или совокупность таких объектов является Родиной. Именно духовная онтология Родины определяет её особую ценность как святыни, поскольку её нельзя заменить чем-то другим, в то время как любая материальная ценность является заменяемой. Родина же, согласно тезису из статьи современных отечественных философов, – «ценность вечная и не преходящая» [7, с. 232]. В трудах отечественных философов содержится также отличный от концепций немецких мыслителей подход к определению онтологии Родины. Для немцев отрыв от почвы, места проживания, дома является потерей Родины, он даёт возможность философствовать о ней, но закрывает её познание через чувства. В трудах же отечественных мыслителей, прежде всего начала XX столетия, содержится мысль, что человек сохраняет Родину в своём уме и сердце даже когда он лишён возможности жить и трудиться в том месте, где он родился и жили его предки. Заметим, что Родина называется отечественными исследователями общечеловеческой ценностью [8, с. 47], а, следовательно, делается акцент на фундаментальности категории «Родина», что достаточно слабо проявлено в немецкой мысли. Таким образом можно указать на то, что и в немецкой, и в отечественной философской мысли существует понимание духовной основы Родины, но отечественная философия раскрывает этот тезис более подробно, исключая противоречия.

Отечественная философия также может дополнить и уточнить, а по некоторым аспектам скорректировать дефиниции Родины, приводимые немецкими коллегами. Сакральная или религиозная дефиниция подвергается наименьшей критике. Напротив, многие отечественные мыслители придерживаются такой же точки зрения. Например, П. А. Флоренский, как и другие русские религиозные философы, видел тесную связь сущности Родины

с православной христианской верой [9, с. 229].

Необходимо отметить, что связь Родины и бога присутствует в философской традиции и других стран. Современная дефиниция Родины как духовной субстанции также в определённой мере близка этой точке зрения. Националистическая дефиниция Родины, согласно взглядам отечественных мыслителей, содержит рациональное зерно. Оно заключается в указании связи Родины и особенности культуры социального субъекта, акцентировании внимания на сохранении достижения предков и передаче ценностей потомкам. В данной дефиниции подчёркивается роль Родины в бытии особенного, которое имеет всеобщее значение. Современная отечественная философия может предложить дефиницию категории «Родина», которая творчески соединяет сакральную и националистическую дефиниции, предложенные немецкими мыслителями. Её можно сформулировать так: Родина – это духовная субстанция, порождающая иные объекты, являющаяся источником особенного и его всеобщей ценности, святыня, становящаяся доступной восприятию через образы, источниками которых является природа и творчество человека. Объективность существования Родины – залог многообразия и единства мира. Юридическая и экономическая дефиниции Родины, приводимые в книге А. Остерхельт, с точки зрения отечественной философии существенно сужают смысл категории «Родина». Прежде всего, данные дефиниции признают наличие Родины только у социальных субъектов, тогда как в общественном сознании за столетия утвердилась мысль, что Родина есть и у других объектов, например у идей или изобретений. Эти дефиниции также утверждают зависимость наличия у человека Родины от политico-правовых или экономических факторов. Данный тезис приближает исследователя к конструктивистскому подходу в понимании Родины, согласно которому объективной Родины нет, а есть только идеологический конструкт, используемый политиками. Однако немецкие ис-

следователи, а также литературные творцы подчёркивают объективность Родины, её реальность. Данные дефиниции можно использовать для формулирования принципов взаимоотношений человека и Родины, в этом заключается их положительное значение с точки зрения отечественной философии. Методологическую дефиницию Родины, предложенную немецкими коллегами, отечественные философы одобряют и поддерживают. Она помогает обосновать объективность существования Родины и её субъектность, т. к., только принимая во внимание объективность Родины как субъекта, можно познать процессы, протекающие как в природе, так и в обществе. Методологическая дефиниция Родины указывает также на фундаментальность данного понятия, в определённой мере раскрывая её аксиологический смысл. Вместе с тем в данной дефиниции отсутствует раскрытие онтологии Родины, что также служит содержание данной категории, поэтому её нельзя рассматривать в качестве основной. Но она помогает понять, каковы функции Родины и место в системе ценностей.

С вниманием прислушиваются отечественные мыслители к предостережениям немецких коллег о том, что понимание Родины может быть хорошим или плохим. При этом плохое представление о сущности Родины связывается с её восхвалением, с желанием иметь комфорт и земные блага. В немецкой философии прослеживается мысль, что понять во всей полноте сущность Родины может только тот, кто отделён от неё, у кого нет желания и возможности получить от неё какие-либо блага. Отечественная философия исключает такой взгляд. Согласно воззрениям мыслителей России, исследование Родины предполагает нравственное осмысление ключевых ценностей и духовное совершенствование человека. Познание Родины проходит в духовном акте, который может совершить как живущий в родной стране, так и за её пределами. Возможности, которые предоставляет Родина человеку, являются положительным результатом их

взаимодействия, поэтому получение благ на Родине оценивается отечественными исследователями положительно. Акцент в отечественной философии делается на то, что, выполняя материнскую функцию, Родина уже является высшим благом, святыней.

Несколько отличается перечень функций Родины, которые зарубежные и отечественные мыслители сумели установить. В отечественной философии согласны с тем, что Родина является основанием идентичности и особенностей культуры социального объекта. Современный философ А. В. Ворохобов утверждает в этой связи, что для «человека Родина является незаменимым источником его идентичности» [10, с. 100]. Но также отмечается наличие таких функций, как материнская функция, или функция всеобщего рождения, ценностно-целевая функция, здоровьесберегающая. Религиозная функция Родины рассматривается отечественными философами несколько иначе по сравнению с немецкими коллегами. По их мнению, нельзя утверждать, что Родина обуславливает веру в трансцендентность, поскольку это отстраняет Родину от человека, лишает прочности связь многих людей с Родиной. В воззрениях отечественных мыслителей у Родины нет религиозной функции, она сама духовный субъект, святыня, и это святость проявляется в выполнении всех функций Родины. Очень хорошо этот тезис раскрывается в учении П. А. Флоренского, согласно которому Родина – основание земного бытия, без которого нет будущей вечной жизни, нет слияния с божественным [11, с. 269]. В этой связи правомерно понимание Родины как высшей ценности, имеющей приоритет над всеми прочими.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что Родина является одним из наиболее существенных предметов изучения мировой философии. Немецкая философия и наука на протяжении более 400 лет занимаются данной проблемати-

кой, и во многом сделанные мыслителями выводы положительно воспринимаются отечественной философией и находят своё развитие. Следует заметить, что немецкая философская мысль прошлого создала задел исследования сущности Родины, которым уже воспользовались отечественные мыслители и могут воспользоваться современные исследователи всего мира. Подводя итоги сравнительного анализа исследования Родины в философии России и Германии, можно сформулировать несколько тезисов, раскрывающих сущность Родины и её характеристики в качестве объекта познания. Это будет инвариантом понимания Родины. Родину следует изучать, используя рациональные и иррациональные методы, особое внимание следует уделить анализу образов Родины – как логическому, так и аксиологическому. Родина – духовная субстанция, субъект, а также высшая ценность, святыня. Родина

связана с материальными и социальными объектами, но не тождественна им. Познающий субъект может сделать ошибки в понимании сущности Родины и её качеств, если будет акцентировать внимание на комфорте и благах, которые может получить от взаимодействия с ней. Познание Родины всегда связано с духовным актом, с нравственным поднятием себя над обыденными вещами и процессами. Очевидно, что в силу политических особенностей истории Германии, особенно в XX и XXI вв., изучение Родины и связанных вопросов подвергается критике. Вместе с тем даже самая острая критика отмечает наличие рационального зерна в рассуждениях немецких философов и возможность использования их выводов для расширения понимания сущности Родины, её функций, механизмов взаимодействия с социальным субъектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
2. Антонова И. Б. Патриотизм «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2023. № 3. С. 141–159. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-3-141-159.
3. Флиер А. Я. Три культурные стратегии межнациональных коммуникаций в полиэтническом обществе [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Flier_Three-Cultural-Strategies (дата обращения: 14.06.2022).
4. Чикаева Т. А. Родина как гаранция ноосферного проекта // Ноосферные исследования. 2023. № 2. С. 60–72. DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.60-72.
5. Oesterhelt A. Geschichte der Heimat. Berlin: Boston: Publiziert von Walter de Gruyter GmbH, 2021. 660 р.
6. Чикаева Т. А. О понятии Родины (некоторые методологические размышления) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 127–133. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12.
7. Свобода Н. Ф., Ионова И. В. Философская рефлексия о понятии Родины // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы V Международной научной конференции (Москва, 23 апреля 2021 г.). М: Московский художественно-промышленный институт, 2021. С. 231–234.
8. Ильина В. А. К вопросу о классификации ценностей и антиценностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (858). С. 46–53. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_46.
9. Павлюченков Н. Н. Апология православной церковности в России в трудах священника Павла Флоренского // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: сборник материалов VI Международной научной конференции (Москва, 22 апреля 2022 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2022. С. 229–233.
10. Ворохобов А. В. Патриотизм как разумное долженствование // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы VII Международной научной конференции (Москва, 21 апреля 2023 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2023. С. 99–102.

11. Павлюченков Н. Н. Концепт Родины в генеалогических исследованиях П. А. Флоренского // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы VIII Международной научной конференции (Москва, 19–20 апреля 2024 г.). М.: Московский художественно-промышленный институт, 2024. С. 267–269.

REFERENCES

1. Frank, S. L. (1992). *Spiritual Foundations of Society*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
2. Antonova, I. B. (2023). Patriotism of “Ours” and “Alien”: Towards the Formulation of the Problem. In: *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 3, 141–159. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-3-141-159 (in Russ.).
3. Flier, A. Ya. (2014). Three Cultural Strategies of Interethnic Communications in a Multiethnic Society. In: *Knowledge. Understanding. Skill*, 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Flier_Three-Cultural-Strategies (accessed: 14.06.2022) (in Russ.).
4. Chikaeva, T. A. (2023). Homeland as a Guarantee of the Noospheric Project. In: *Noospheric Studies*, 2, 60–72. DOI: 10.46724/NOOS.2023.2.60-72 (in Russ.).
5. Oesterhelt, A. (2021). *Geschichte der Heimat*. Berlin: Boston: Publiziert von Walter de Gruyter GmbH.
6. Chikaeva, T. A. (2022). On the Concept of the Homeland (Some Methodological Reflections). In: *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 127–133. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-12 (in Russ.).
7. Svoboda, N. F. & Ionova, I. V. (2021). Philosophical Reflection on the Concept of the Motherland. In: *The Motherland Concept: Content, Formation, Actualization: Proceedings of the V International Scientific Conference (Moscow, April 23, 2021)*. Moscow: Moscow Institute of Art and Industry publ., pp. 231–234 (in Russ.).
8. Ilyina, V. A. (2022). On the Classification of Values and Anti-Values. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (858), 46–53. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_3_858_46 (in Russ.).
9. Pavlyuchenkov, N. N. (2022). Apology of the Orthodox Church in Russia in the Works of Priest Pavel Florensky. In: *The Motherland Concept: Content, Formation, Actualization: Collection of Materials of the VI International Scientific Conference (Moscow, April 22, 2022)*. Moscow: Moscow Institute of Art and Industry publ., pp. 229–233 (in Russ.).
10. Vorokhobov, A. V. (2023). Patriotism as a Reasonable Obligation. In: *The Motherland Concept: Content, Formation, Actualization: Content, Formation, Actualization: Materials of the VII International Scientific Conference (Moscow, April 21, 2023)*. Moscow: Moscow Institute of Art and Industry publ., pp. 99–102 (in Russ.).
11. Pavlyuchenkov, N. N. (2024). The Concept of the Motherland in P. A. Florensky’s Genealogical Studies. In: *The Motherland Concept: Content, Formation, Actualization: Content, Formation, Updating: Materials of the VIII International Scientific Conference (Moscow, April 19–20, 2024)*. Moscow: Moscow Institute of Industrial Art publ., pp. 267–269 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чикаева Татьяна Александровна (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского художественно-промышленного института;
e-mail: umoi@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana A. Chikaeva (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Humanities and Social Economic Disciplines, Moscow Art and Industrial Institute;
e-mail: umoi@rambler.ru

Для заметок

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2025. № 4

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор Вер. А. Кулакова
Переводчик Вер. А. Кулакова
Компьютерная вёрстка – Вер. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. пл. 9,5, уч.-изд. л. 13.

Подписано в печать: 12.12.2025 г. Дата выхода в свет: 16.12.2025. Заказ № 2025/12-16.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А